

Международная научная конференция

Современная филология (II)

Уфа

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1
С56

Редакционная коллегия сборника:
*М.Н. Ахметова, Ю.В. Иванова, К.С. Лактионов, М.Г. Комогорцев,
В.В. Ахметова, В.С. Брезгин, А.В. Котляров, А.С. Яхина*

Ответственный редактор: *О.А. Шульга*

Современная филология (II): материалы междунар. заоч. науч. конф. (Уфа, январь 2013 г.). – Уфа: Лето, 2013. – vi, 118 с.

ISBN 978-5-87308-039-7

В сборнике представлены материалы международной заочной научной конференции «Современная филология (II)».

Рассматриваются общие вопросы литературоведения, вопросы истории литературы, народного творчества, художественной литературы, а также проблемы общего и прикладного языкознания и массовой коммуникации.

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов филологических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)1

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ.
ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Жамилова Б. Сюжет и его творческая трактовка.	1
Кувватова Д.Х. О жанрах «достон» и «поэма»	3
Потапова Н.В. Обучение чтению на иностранном языке в начальной школе	4
Соловьёва А.Г. Научная рецепция современной русской драматургии: дискуссионные проблемы	7
Флегентова Т.Н. «Крестовые» образы как основа визуального ряда романов Ф.М.Достоевского	9

2. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Александров И.Н. Портреты Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус в раннем дневнике М.М. Пришвина	12
Мамедова Ш.А. Мнение общенационального лидера азербайджанского народа Гейдара Алиева о творчестве Джалила Мамедкулизаде.	14
Мехтиева Ш.М. Феминистическое воззрение Низами.	17
Насибова Л.А. Русская сентименталистская литература и азербайджанская научно-литературная среда	20
Поленова О.И. Лексический аспект создания образа Владимира Бельтова в романе «Кто виноват?»	23
Рябцева Н.Е. Рецепция темы смерти в поэзии Олега Чухонцева 1990-х–2000-х годов	26

3. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Иманжусупова С.У. Traditional World View of Kazakhs expressed in Discourse of Wishes	29
--	----

4. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Кливенкова Д.А.

Черты неореализма в романе В.С. Маканина «Испуг» 31

Куликова И.И.

Женщина: человек или друг человека в романе Дж. Барнса «Англия, Англия» 34

Курбиева Б.Ю.

К вопросу об авторском оформлении текстов художественных произведений 38

Метелкина О.А.

Семантика драгоценных металлов «золото» и «серебро» в поэзии К. Бальмонта 41

Поташова К.А.

Усадебная культура в жизни и творчестве А.С. Пушкина 43

Самсонова Е.Н.

Типичные функции компаратива (на примере поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души») 48

Уторова Е.А.

Эпистолярный жанр и его трансформация в русской литературе Мордовии (на примере романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди» и повествования в письмах В. Юрченкова «Мгновения Любви») 53

5. ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Абдулхаков Р.Р.

Практическое владение языками или феномен полиглотов 57

Бурсина О.А.

К проблеме о принадлежности терминов к различным морфологическим классам (на примере терминосистемы социальной работы). 59

Головань Э.А.

Переносное значение формы единственного числа имен существительных и их нереферентное употребление. 62

Голубева Е.В.

Базовый концепт «время» в калмыцком фольклоре 65

Захарова В.А.

Прагматическая семантика модальной рамки в сложноподчиненных предложениях с придаточными объектными 67

Иванова Н.М.

Некоторые аспекты формирования социокультурной компетенции средствами иностранного языка в техническом вузе 69

Калугина Н.В., Калугина И.В.

Использование уроков русского языка и литературы в развитии конкурентоспособной личности. 72

Клэстер А.М.

О когнитивно-дискурсивном подходе к изучению терминологии 74

Корнейчук С.Н.

Структурно-семантические особенности новообразований-наречий в романе А.И. Солженицына «В круге первом». 76

Мирсагатова Д.У.

Лингвистические факторы, обуславливающие развитие словообразовательного гнезда существительных, заимствованных из скандинавского языка. 78

Мусатова Г.А.

Служебные части речи с уступительной семантикой (на примере языковых единиц со значением «существовать, совершаться несмотря на..., вопреки...») 80

Носкова Н.Ю. Фразеологические обороты в романе И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев» как средство характеристики персонажей	83
Погорелова С.Д., Яковлева А.С. Функциональная значимость оценки в контексте	85
Погорелова С.Д., Яковлева А.С. Связь оценки с другими категориями языка	86
Рапаева Ю.В. Структура перифразы и ее типы	90
Сайидов Е.С. Тематические группы лексики, заимствованной из западноевропейских языков посредством русского языка (на материале узбекской жадидской поэзии)	92
Степанова Л.Н. Комментарий в современном информационно-коммуникативном пространстве: перспективы лингвистического исследования	94
Удод Д.А. Креолизированный текст как особый вид паралингвистически активного текста	97
Шалагина М.А. Особенности употребления слова «Учеба» и его эквивалентов в английском языке	100
6. МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ	
Абдурахмонова Ш.Э. Значение практических факторов во внедрение национального самосознания и идеологии национальной независимости	102
Галина Э.Ф., Камильянова Ю.М. Особенности построения книги очерков А.Г. Боровика «Спрятанная война»	104
7. ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ	
Зиновьева Т.А., Никулина Н.Ю. Переводческая ошибка. Понятие, причины, классификация	107
Новоселова Ю.А. Определение границ возможного при переводе	109
Тригуб Л.Г. Дополнительные средства коммуникативной организации текста при переводе с русского язык на английский (на примере романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»)	111
Шимко Е.А. Особенности перевода в аспекте этнолингвистики	115

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ. ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Сюжет и его творческая трактовка

Жамилова Башорат, доцент

Бухарский государственный университет (Узбекистан)

А. С. Пушкин занимает особое место в мировой литературе. Его удивительные сказки не знают над собой власти времени, и каждое новое поколение читает их с любовью. Поэт, будучи еще молодым, черпал сюжеты для будущих своих произведений из сокровищниц не только устного народного творчества, но и европейской реалистической литературы. Поэтому А.С. Пушкин впоследствии смог соединит воедино произведения фольклора и реалистической литературы. Особенно, его сказки, которых с терпением читают дети всего мира, имеют многогранную сюжетную линию. Поэтому несравнима широка аудиторию его таких сказок как: «Сказка о попе и работнике его Балде» (1831), «Сказка о царе Салтане, о сыне его славном и могучем богатыре князе Гвидоне Салтановиче и о прекрасной царевне Лебеди» (1831), «Сказка о рыбаке и рыбке» (1833), «Сказка о золотом петушке» (1834).

Распространенность и востребованность его сказок объясняется видимо еще тем, что их сюжет соответствует сюжетам многих сказок мировой литературы. Например, сюжет его сказки «Сказка о рыбаке и рыбке» схож со сюжетом сказки братьев Grimm «Рыбак и его жена». Данная сказка Якоба и Вильгельма Grimm опубликована в 1815 году в сборнике «Детские и семейные сказки». В 1826 году В.А. Жуковский перевёл её на русский язык и опубликовал в журнале «Детский собеседник». Следовательно, Пушкин был знаком со сюжетом этой сказки. Таким образом, можно прийти к выводу, что Пушкин переработал его сюжет на русский лад. Другими словами, один и тот же сюжет может иметь разную трактовку, что особо выделяет в «качующихся» сюжетах фольклорных произведений.

Сказку братьев Grimm из немецкого на русский перевела еще Г. Петникова [1]. Текст перевода прозаический, в зачине которого говорится «Жили они вместе в бедной избушке, у самого моря. Так он и жил, что все рыбу ловил». После рассказывается о том, что рыбак однажды поймал принца (царевича) рыб, и что он человеческим языком говорил: «— Послушай рыбак, прошу я тебя, отпусти меня в море! Не рыба я камбала, а очарованный принц. Ну, какая тебе будет польза в том, что ты

меня съешь? Не по вкусу придусь я тебе. Отпусти меня в море, чтоб снова мне плавать». Также говорится, что старый рыбак отпустил рыбу без выкупа.

У Пушкина эта сказка получила особую художественную трактовку. Он придал ей народный глас, придерживаясь традициям русского устного народного творчества, в результате чего получилась поэтическая сказка без рифмовки.

«Сказка о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина переведена на многие языки мира, в том числе и на узбекский язык великим узбекским поэтом Миртемир. Эту поучительную сказку «Балиқчи ва олтин балиқ ҳақида эртақ» («Сказка о рыбаке и золотой рыбке») не только читают, обожают, но и часто цитируют её строки. Особенно, начало сказки, где даётся описание тридцати трех летней совместной жизни старика и старухи. Кроме того, очень привлекает магическая цифра три, которая использована при ловле рыб:

Тўр солганда чол *учинчи* гал,
Тўрга тушмиш бир митти балик. [2]

(В третий раз закинул он невод, —
Пришел невод с одной рыбкой,
С непостою рыбкой, — золотую). [3]

Строки, где золотая рыбка просит пощады, отличается тоном голоса (просящего пощады, умоления):

— Кўйиб юбор, денгизга тушай,
Тўловим ҳам қиймат бўлур, чол,
Кўнглинг не тиласа бергайман...

(«Отпусти ты, старче, меня в море,
Дорогой за себя дам откуп:
Откуплюсь чем только пожелаешь»)

Ответ старика также насыщен сочувствием: «— Олтин балик, Тангри ёр бўлсин, Керак эмас менга тўловинг; майли тушгил яшил денгизга, Эркин-эркин ўйнаб юравер!» («Бог с тобою, золотая рыбка! Твоего мне откупа не надо; Ступай себе в синее море, Гуляй там себе на просторе»).

Даже из перевода сказки Пушкина, чувствуется поэтическая трактовка, творческая переработка сюжета. Если в сказке братьев Grimm рыба-принц просто (без умоления) говорит рыбаку что он не пригоден к пище, та в сказке «Сказка о рыбаке и рыбке» читатель замечает социальную нужду. Это выражается в том, что старик и старуха жили долго и очень бедно. Поэтому золотая рыбка предлагает дать всё, что они пожелают. Такая трактовка сюжета соответствует чаяниям и интересам народа. В этом заключается мастерство, сила его трактовки и умение переработать «качующий» сюжет.

В трактовке образа старухи поэт прибегает к философско-художественному приёму. Попробуем сравнить две трактовки образа старухи. В сказке братьев Grimm когда старик рассказывает старухе о чудо-рыбе, то старуха без оскорблений и криков с уважительным тоном обращается к старику: «Эх... ведь плохо-то нам живется в бедной избушке, скверно в ней пахнет, смотри, какая она грязная, вкпросил бы ты избу получше...» Также она надеется, что рыба выполнит его просьбу: «Она уж наверное выполнит просьбу. Да ведь ты же ее поймал и выпустил в море, она уж наверное все сделает. Ступай, счастливой тебе дороги...»

Отношение старухи к старику не меняется даже тогда, когда она просит стать папой римским. Кроме того, после каждого исполнения желаний она становится мягче: «Видишь, как хорошо?», «Да, это же прекрасно?» и продолжает жить вместе. В целом, сказка лишена злости, ненависти и унижений, мечты сбываются с легкостью, как во всех народных сказках. Также и во взаимоотношениях старика со старухой. Нечего не меняется. Лишь в конце сказки, когда старуха хочет стать богом и чтобы солнце луна появлялись в небосклоне по её желанию, они опять оказываются у старой избы.

Образ старухи А.С. Пушкин трактует как жадную ненасытную, стремящую к власти над всеми земными и подводными существами, о чем свидетельствует её речь. Когда старик рассказал ей о золотой рыбке, она начала бранит его:

— Эй тентак чол, гўл, девона чол!
Ололмабсан баликдан тўлов!
Ҳеч бўлмаса битта тоғора —

Олмайсанми, ундан ахир сен,
Тоғорамиз, биласан тешик!

(«Дурачина ты, простофиля!
Не умел ты взять выкупа с рыбки!
Хоть бы взял ты с нее корыто,
Наше-то совсем раскололось»).

Из раза в раз не только аппетит и желание старухи возрастает, но и отношение к старику становится отвратительной: «Кир тоғора бой қилармиди», «Келиб-келиб уй сўрабсан-да»... а когда старуха стала царицей, отправляет старика в конюшню. Даже тогда, когда старик обращается к ней с поклоном говоря «Теперь ты довольна!», она не обращает внимания и прогоняет его прочь, а толпа высекает старика.

У Пушкина символический образ старухи имеет реальную почву: это сначала достижение необходимых для жизни желаний, а потом стремление достичь несбыточных желаний, а вплоть до лишения прав и свобод существ подводного мира, золотая рыбка для неё средство, через которого без труда можно овладеть всем, что пожелаешь.

Конец сказки — это еще один факт того, что жадность не приведет к добру, и что не честным путем, без труда нажитое богатство исчезнет так же, как появилось. Поэтому в народе говорят «Остался у разбитого корыто».

Подводя итог можно сказать, что из одного и того же сюжета сказки может вырастать различная его трактовка, в основе которой лежат нравы и устои, интересы и чаяния, социальное положение народа. Поэтому в сказке А.С. Пушкина нашел своё отражение тот социальный быт, для которых богатство и власть превыше всего.

Мастерство А.С. Пушкина заключается и еще в том, что многие его сказки подобно этой заканчиваются поучениями:

«Сказка ложь, да в ней намек!
Добрым молодцам урок».

Одно ясно и бесспорно, что творческая переработка, трактовка сюжета любой сказки, тесно связана с читателями, для кого она предназначена.

Литература:

1. Братья Grimm. Сказки. Москва, 1987. — Стр. 73–80.
2. А.С.Пушкин. Эртақлар. Тошкент, «Шарқ», 2004. — Б.58–69.
3. А.С.Пушкин. Избранное. Москва, «Детская литература», 1976. — Стр. 195.

О жанрах «достон» и «поэма»

Кувватова Дилрабо Хабибовна, кандидат филологических наук, доцент
Бухарский государственный университет (Узбекистан)

В статье рассказывается о жанре «достон» узбекской литературы и о посредничестве русской литературы в появлении термина «поэма».

Исследования показали, что термины «достон» и «поэма» используются как синонимы народного эпоса восточно-классических и современных лиро-эпических произведений. Нельзя отрицать роль народных дастанов, созданных в лиро-эпическом жанре. Они имеют своеобразные композиции, что и послужило почвой жанра «поэма». Появление в письменной литературе жанра достон тесно связано устными народными дастанами. В этой связи литвийский литературовед В.Киканс сказал: «Народный эпос, романтическая и реалистическая поэмы в условиях современной действительности потеряли историческую основу как самостоятельные жанры. Но они продолжают жить как элементы эпоса и особенно в качестве элементов романтической и реалистической поэм» [1, 227–228].

Академик Б.Валиходжаев отмечает обратное, т.е. корни поэмы наблюдаются не только в народных устных и письменных дастанах, но и в древнейших языковых памятниках, в частности, в словаре тюркских языков «Девону лугатит турк». Он пишет о тесной связи поэмы с лиро-эпическими произведениями того времени (например «Хамса» — «Пятерица»). В подтверждение вышесказанного он приводит четверостишие из словаря «Девону лугатит турк» о Алп Эртунга (сказание о богатыре Эртунга) (2,6–8). Действительно, прочитав оду о Алп Тунга можно легко выделить признаки поэмы (лиричность и связи сюжетных линий).

По мнению В.Киканса «В истории поэмы различаются такие стабильные жанры, как мифологический эпос, народный эпос, героический эпос, героическая поэма, романтическая поэма, реалистическая поэма. Все эти жанры суть содержательно-формальные категории, т.е. содержательные формы — целостные стилевые системы» [1, 187].

В узбекской фольклористике также различают мифологический эпос, народный эпос, романтический и реалистический эпос, каждый из которых имеет свои отличительные признаки. Кроме того, нет сомнения в том, что приведенная последовательность соответствует иерархии эпоса. Совпадение взглядов Б.Валиходжаева и В.Киканса по данному спорному вопросу будет отправной точкой определения иерархического развития жанра поэма.

Узбекский литературовед Ш.Хасанов, стараясь внести ясность в эту проблему, отмечает, что в литературоведении нет единого мнения по отношению к терминам «достон» и «поэма». Бытует мнение считать поэмой произведения реалистического ранга, произведения ро-

мантического характера — дастаном. Но это не совсем верное решение, так как ни один литературный жанр не выделяется по отношению его к реалистическому или романтическому направлению. «Поэма» — западный эквивалент термина «достон». Современный достон — это новая модель классического дастана, которая изменилась по объёму и качеству» [5].

Вышеуказанные определения подтверждаются и тем, что, действительно, термин «поэма» в западном русском литературоведении появился в XIX веке. Об этом знаменитый русский критик В.Г. Белинский писал: «В новейшей поэзии есть особый род эпоса, который не допускает проза жизни, который охватывает только поэтические, идеальные моменты жизни и содержание которого составляет глубочайшие мирозерцания и нравственные вопросы современного человечества». Этот род эпоса один удержал за собой имя «поэмы». Таковы все поэмы Байрона, некоторые поэмы Пушкина (в особенности «Цыганы», «Голубь»), также Лермонтова «Демон», «Мцыри» и «Боярин Орша» (3,410–433).

В.Г. Белинский пишет, что основу творчества поэта А.С. Пушкина составляют поэтические произведения, т.е. написанные в стихотворной форме повести, поэмы, драмы. (В этот период вышли в свет повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» и М.Ю. Лермонтова «Бэла»).

Очерки, написанные в прозе, основываются на неделимости единого сюжета. По этому поводу великий русский литературовед, критик пишет, что крупное произведение, написанное в форме стиха, является повестью. Также он в скобках пишет термин «поэма».

Произведения А.С. Пушкина «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан», «Братья разбойники», «Медный всадник» Н.Г. Чернышевский рассматривает и анализирует как поэму.

А.С. Пушкин, говоря о романтической и классической поэзии, наряду со многими литературными жанрами отмечает и дидактическую поэму. Особенно произведение Е. Баратынского «Бал» он изучает как поэму.

По утверждению литературоведа Л.К. Долгополова термин «поэма» в литературе XIX века был использован по отношению к различным произведениям, в частности, народного эпоса. Также и Гоголь в определении жанра «Мёртвые души» использовал данный термин.

Крупный исследователь фольклора и этнографии тюркских народов Л.П. Потапов в дневнике экспедиции, проведенной в 1929 году в Самаркандской, Кашкардарьинской и Сурхандарьинской областях, отмечает термином

«поэма» знаменитые дастаны «Алпомыш» и «Гуругли». На наш взгляд, при определении жанра этих дастанов он руководствовался принципами сходства их метода (способа) изложения, сюжетных линий с поэмой, так как жанр «поэма» ему был хорошо известен.

Академик Б. Валиходжаев, исследовавший множество зарубежных и узбекских произведений жанра поэмы, учитывая форму и своеобразие особенности достонов фольклора и письменной литературы, последнее предлагает называть месневи-поэмой. Поэтому ряд знаменитых достонов он называл поэмами, в частности, «Кутадгу билиг» Юсуфа Хос Хожиба, «Хибатул хакойик» А.Югнаки, «Хамса» («Пятерица») А.Навои. Данный подход помогает разграничить достоны устного народного творчества от письменной литературы. Однако, на наш взгляд, термин «поэма» в узбекской литературе появился в начале XX века. До этого времени все произведения назывались достонами. В те времена, когда была созданы достоны, не было и речи о термине «поэма».

С точки зрения логического подхода искусственная замена жанра «достон» поэмой не оправданно. Кроме того, в этом нет нужды.

Некоторые литературоведы по отношению к лиро-эпическим произведениям устного народного творчества и классической литературы используют термин «достон», а современные лиро-эпические произведения называют достоном-поэмой. Название современных лиро-эпических произведений достон-поэма приведёт к жанровой неразберихе.

Вообще, термин «поэма» в литературе широко используется, начиная с 30-х годов прошлого века. Этому есть свои причины. Во-первых, под влиянием русской литературы он вошёл в узбекскую литературу. Этому способствовали исследования великих русских критиков В.Г. Белинского и Н.Г. Чернышевского, которые определили сущность жанра «поэма». Во-вторых, в 30-е годы

усилилась репрессия, в связи с чем термин достон считался устаревшим и был заменен термином «поэма». Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что известные фольклористы Х. Зарифов и Т. Мирзаев встретили ряд искусственных барьеров в исследовании достона «Алпомиш». Якобы, этот достон приводит старые взгляды на мир. Приведенные выше факты определяют причины двойного названия жанра одинаковых по сути произведений. По этому поводу литературовед В.Е. Хализев замечает: «Жанр возрождается и обновляется на каждом новом этапе развития литературы и в каждом индивидуальном произведении данного жанра» (4, 341). В.Е. Хализев определил иерархии лиро-эпических произведений, т.е. народный достон-классический и достон-поэма.

Несмотря на внешне очень близкие сходства этих жанров, существуют следующие их различия:

- народный достон — это плод коллективного творчества;
- классический достон и современные поэмы — творчество одного лица;
- в народных достонах лирика выражается в форме стиха, эпическое — в прозе;
- в классических достонах лиро-эпических выражается в форме стиха;
- в современных поэмах наблюдается двойкий подход, т.е. в некоторых сочетается лиро-эпический стиль, имеются только лирические (или эпические) создания.

Обобщая вышеизложенное, можно прийти к выводу, что современные поэмы появились на базе народных и классических достонов.

В целях внесения ясности использования терминов «достон» и «поэма», предлагаем лиро-эпические произведения устного народного творчества и классической литературы называть достонами, а произведения такого рода, созданные начиная с XX века называть поэмами, что соответствует иерархии жанра.

Литература:

1. Киканс В.П. Современная советская поэма. — Рига: «Зинатне», 1982, с. 227—228.
2. Валихўжаев Б. Ўзбек эпик поэзияси тарихидан. — Тошкент: «Фан», 1974, 6—8-бетлар.
3. Белинский В.Г. Полное собрание сочинения. Том 6. Москва, 1955, с. 410—433.
4. Хализев В.Е. Теория литературы. — Москва: «Высшая школа», 1999, стр. 341
5. Ҳасанов Ш. XX асрнинг иккинчи ярми ўзбек достонлари поэтикаси. Филол.фан.д-ри дисс.... — Т., 2004.

Обучение чтению на иностранном языке в начальной школе

Потапова Надежда Владимировна, учитель английского языка

МБОУ «Солнечная средняя общеобразовательная школа № 1» (Тюменская обл.)

Чтение играет одну из важнейших ролей в процессе обучения иностранного языка.

Уметь читать — это значит, прежде всего, уметь по буквам догадываться о тех словах, которые ими обозна-

чаются. Чтение начинается только с того момента, когда человек, смотря на буквы, оказывается в состоянии произнести, или вспомнить, определенное слово, соответствующее сочетанию этих букв.

Не трудно показать, что в этом процессе восприятия букв, как символов определённого слова, большое участие принимают не только зрение, но также память, воображение и ум человека. Когда мы читаем слова, то не только складываем букву за буквой, а, схватив одну или несколько букв, сразу догадываемся о целом слове.

Чтение является и целью, и средством обучения иностранному языку. В учебном процессе следует четко различать эти его две функции, так как они определяют методическую организацию всей работы.

Особенности чтения как речевой деятельности делают его весьма эффективным средством обучения. Его положительная роль особенно ощутима в овладении языковым материалом: мнемическая деятельность, сопровождающая процесс чтения, обеспечивает запоминание языковых единиц, причем как изучаемых, так и новых для учащихся.

Обучение детей непосредственно самому процессу чтения на иностранном языке имеет положительную оценку. Кратко суммируя его преимущества, можно отметить, что обучение чтению на иностранном языке, как форме опосредованного общения, в младшем школьном возрасте полезно всем детям, независимо от их стартовых способностей. Оно оказывает бесспорное положительное влияние на развитие психических функций ребенка: его памяти, внимания, мышления, восприятия, воображения и др. Обучение чтению влияет на общие речевые способности ребенка. Раннее обучение чтению на иностранном языке дает большой практический эффект в плане повышения качества владения первым иностранным языком, создает базу для продолжения его изучения в основной школе, а также открывает возможности для обучения второму, третьему иностранным языкам, необходимость владения которыми становится все более очевидной. Неоспорима воспитательная и информативная ценность раннего обучения чтению на иностранном языке, которая проявляется в более раннем вхождении ребенка в общечеловеческую культуру через общение на новом для него языке [2, с. 116].

Обучение чтению на иностранном языке на начальном этапе способствует более раннему приобщению младших школьников к новому для них языковому миру, формирует у детей готовность к общению на иностранном языке и положительный настрой к дальнейшему его изучению. Чтение позволяет ознакомить младших школьников с миром зарубежных сверстников, с зарубежным песенным, стихотворным и сказочным фольклором и с доступными детям образцами детской художественной литературы на изучаемом иностранном языке. Процесс обучения чтению позволяет формировать некоторые универсальные лингвистические понятия, наблюдаемые в родном и иностранном языках, развивая этим интеллектуальные, речевые и познавательные способности учащихся.

Они учатся правильно произносить и различать на слух звуки, слова, словосочетания и предложения иностранного языка, соблюдать интонацию основных типов пред-

ложения. Дети получают представление об основных грамматических категориях изучаемого языка, распознают изученную лексику и грамматику при чтении и аудировании и используют их в устном общении, овладевают техникой чтения вслух, читают про себя учебные и облегченные аутентичные тексты, пользуясь приемами ознакомительного и изучающего чтения.

Согласно программе по иностранным языкам в области обучения чтению перед учителем ставятся задачи научить школьников читать тексты, понимать и осмысливать их содержание с разным уровнем проникновения в содержащуюся в них информацию. В идеале чтение на иностранном языке должно носить самостоятельный характер, осуществляться не по принуждению, а сопровождаться интересом со стороны ребят. Однако практика показывает, что интерес к этому виду речевой деятельности у школьников очень низок. Данный вид речевой деятельности не является для школьников средством получения информации, повышения культурного уровня или просто источником удовольствия, а рассматривается ими как чисто учебная задача [1, с. 16].

В процессе формирования навыков чтения младшим школьникам необходимо преодолеть массу **трудностей**.

Прежде всего, это трудности, связанные с овладением техникой чтения, которая предполагает усвоение системы графических знаков, отличных от родного языка, формирование навыка звуко-буквенных и буквенно-звуковых соотношений, синтагматического чтения. Становление рецептивного навыка осуществляется успешнее, если оно подкрепляется продуктивной деятельностью, поэтому рекомендуется обучать детей двум вариантам кода: письменному и печатному. Необходимо тщательно работать над техникой чтения вслух, так как учебные действия формируются сначала во внешней речи, а затем переводятся во внутренний план. Овладение техникой чтения сопровождается умственной работой по смысловому распознаванию зрительных форм, значит необходимо обучать технике чтения на знакомом материале с элементами новизны.

К началу процесса обучения иностранному языку в начальной школе в речевой памяти учащихся, естественно, нет слухо-речемоторных образов иноязычного материала. Если обучение технике чтения начинается с самого начала изучения иностранного языка, то учащимся приходится соотносить не только звуки и буквы, но и звуко-буквенные связки со смысловым значением того, что читают. А это вызывает у них дополнительные трудности. Вот почему для их преодоления нередко проводится устный вводный курс, устное опережение, чтобы накопить необходимый и достаточный иноязычный речевой материал, сформировать слухо-речемоторные образы иноязычной устной речи.

Обучение чтению на иностранном языке должно осуществляться на хорошо известном лексическом материале, уже усвоенном в устной речи. А это достигается в результате проведения устного вводного курса, устного опережения. Согласно З.И. Клычниковой, суть уст-

ного опережения сводится к тому, что учащиеся приступают к чтению тогда, когда у них отработана артикуляция звуков, слогов, слов и даже небольших фраз. Вместе с тем Г.В. Рогова и И.Н. Верещагина по поводу устного вводного курса отмечают, что предварительная устная отработка учебного материала помогает снимать часть трудностей, препятствующих пониманию содержания. Устное опережение помогает в содержательном плане, то есть учащиеся должны понимать то, что они читают, но практически не помогает в процессуальном плане. Подобное явление характерно и для овладения чтением и на родном языке; ребенок, хорошо владеющий устной речью, встречается с большими трудностями процессуального плана [5, с. 22].

Г.В. Рогова и И.Н. Верещагина указывают также на большую трудность чтения гласных, сочетаний гласных и некоторых согласных, читающихся по-разному в зависимости от положения в словах. Например, map-name, day-gain, this-think, pencil-cat, Geography-garden, window-down. При обучении чтению учащимися должны быть усвоены основные правила чтения, к которым следует отнести: чтение гласных под ударением в открытом и закрытом слогах и перед «г»; чтение сочетаний гласных ee, ea, ay, ai, ou, oo, oi, ow; согласных c, s, k, g, ch, sh, th, ng, ck и таких сочетаний, как -tion, -sion, -ous, -igh [4, с. 36].

Учащихся следует научить читать слова, которые пишутся по-разному, а читаются одинаково: sun-son, two-to, write-right, sea-see и др.

В то же время, многие слова в английском языке читаются не по правилам, что в целом обрекает учащихся на заучивание чрезмерно большого количества правил чтения и исключений из них, а также на многократное повторение учебного материала [3, 28]. К тому же само восприятие и озвучивание графических знаков является результатом выбора и сличения их с теми эталонами, которые уже имеются в долговременной памяти ученика. Сам факт выбора, предусматривающий припоминание нужного правила и (или) звукобуквенного соответствия, требует определенного, порой значительного времени, что, в конечном счете, замедляет темп чтения, вернее не позволяет ученику быстро и точно устанавливать звукобуквенные соответствия и тем самым овладевать техникой чтения в достаточно высоком темпе.

Обучение чтению должно строиться как познавательный процесс. Спецификой чтения как речевой деятельности является то, что оно используется при решении задач познавательного плана. Будучи всегда направленным на получение информации, оно само может быть охарактеризовано как познавательная деятельность. В связи с этим важное значение приобретает содержание

текстов для чтения. Оно фактически предопределяет, будут ли учащиеся относиться к чтению на иностранном языке как к способу получения информации. Поэтому все тексты должны представлять для них определенный интерес, быть для них значимыми.

Обучение чтению на иностранном языке должно опираться на имеющийся у учащихся опыт чтения на родном языке. Идентичность процесса чтения на разных языках служит основанием для переноса уже имеющихся у учащихся приемов зрелого чтения на родном языке в чтение на иностранном. Одним из важнейших условий такого переноса является соответствующее отношение учащихся к чтению на иностранном языке.

Таким образом, из всего выше сказанного можно сделать следующий **вывод**:

Процесс чтения складывается из двух взаимосвязанных сторон — смысловой и технической, охватывающих зрительный и звуко-слухо-речедвигательные механизмы, И хотя этот процесс единый, становление и формирование составляющих его сторон протекает по-разному, проходит ряд ступеней от начальных до высших.

Овладение полноценным навыком чтения для учащихся является важнейшим условием успешного изучения английского языка в школе; вместе с тем, чтение — один из основных способов приобретения информации и во внеучебное время, один из каналов всестороннего воздействия на школьников. Как особый вид деятельности, чтение представляет чрезвычайно большие возможности для умственного, эстетического и речевого развития учащихся.

Чтобы чтение на иностранном языке способствовало развитию познавательного интереса учащихся, необходимо учитывать познавательные потребности, возрастные и индивидуально-психологические особенности детей; включать школьников в активную творческую деятельность путем применения активных методов обучения; давать им возможность проявлять самостоятельность и инициативу; учить преодолевать трудности в учебной деятельности.

Соответствующим образом отобранные тексты и задания к ним способствуют развитию интереса школьников к чтению на иностранном языке, который в свою очередь является важным фактором успешного овладения этим видом речевой деятельности. Целенаправленное использование текстов, отобранных в соответствии с познавательными интересами ребят, на уроке иностранного языка и во внеклассной работе по предмету позволяет судить о возросшем интересе учащихся к предмету, о совершенствовании техники чтения и более глубоком понимании иноязычных текстов.

Литература:

1. Азовкина А.Н. Развитие интереса к чтению на иностранном языке на начальном этапе обучения // Иностранные языки в школе. — 2003. — № 2. — с. 16.
2. Артемонов В.А. Психология обучения иностранным языкам. — М.: Просвещение, 1999. — 244 с.

3. Лукьянченко Н.В. Обучение английскому языку на начальном этапе // Начальная школа. — 2002. — № 2. — с. 28.
4. Риторина А.К. Формы и методы работы с младшими школьниками на уроках английского языка // Начальная школа. — 1999. — № 5. — с. 36.
5. Тен Э.Г. Контроль понимания иноязычного текста // Иностранные языки в школе. — 1999. — № 4. — С. 22.

Научная рецепция современной русской драматургии: дискуссионные проблемы

Соловьёва Алина Глебовна, соискатель

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко (Украина)

Современная русская драматургия до сих пор остается предметом не столько научной, сколько критической рецепции. Среди масштабных исследований, в которых сделана попытка системного изучения искусства сцены наших дней, создания целостной картины феномена, можно назвать широко известные новаторские работы М. Громовой, С. Гончаровой-Грабовской, М. Липовецкого М. Мамаладзе и др. Нужно сказать, что концепции динамики, своеобразия современной русской драматургии в этих исследованиях разнятся, что еще раз подчеркивает сложность феномена.

Одним из ведущих дискуссионных вопросов остается определение специфики, качества «новой драмы» рубежа XX—XXI столетий, причем споры вызывает даже предмет исследования, его границы, правомерность отнесения к обозначенному явлению конкретных писателей. Так, например, в работах С. Гончаровой-Грабовской и М. Громовой в «новую драму» включены авторы так называемой «поствампилловской драматургии» (Л. Петрушевская, Л. Разумовская), а также среднее поколение (Н. Коляда, Н. Садур и др.) и молодое (О. Вырыпаев, М. Угаров, О. Богаев, О. Михайлова и др.). А М. Липовецкий в монографии «Перформанс насилия: литературные и театральные эксперименты «Новой драмы»» «новой драмой» называет только творчество молодых.

Ставится критикой вопрос о подъемах и спадах в развитии этого явления, в частности, Липовецкий видит в 2000-е годы некое затухание активности, что кажется спорным. Драматурги пытаются активно себя позиционировать. «Новая драма» — это движение: декламирование своих текстов и участие в фестивалях («Новая драма» и «Любимовка» в Москве и Петербурге, «Майские чтения» в Тольятти, «Евразия» и «Реальный театр» в Екатеринбурге, «Sib-Altera» в Новосибирске, «Коляда-plays» и др.), где представляется большое количество современных пьес «в виде единого потока в гигантской конкуренции» [15; 215]. Это движение поддерживается появлением молодых режиссеров (Ольга Субботина, Александр Галибин, Кирилл Серебренников, Владимир Агеев), созданием театров современной драматургии (Центр драматургии и режиссуры Михаила Рошина и Алексея Казанцева, «Домик драматургов» в Санкт-Петербурге, «Театр.doc» Михаила Угарова и Елены Греминой). Для популя-

ризации текстов современников создаются специализированные издания, периодически публикующие произведения современников, такие, как журналы «Современная драматургия» (издается с 1982 года и по сей день), «Драматург» (издававшийся с 1993 по 1997), «Афиша», «Майские чтения», сборник пьес «Культурный слой», сборник «Путин.doc» (Тверь: «Митин журнал», Kolonna Publications, 2005) с его приемами имперской, этатистской, «13 текстов, написанных осенью» (М.: «Время», 2005), альманах «Ландскрона», серия тоненьких книг «Новая пьеса/New writing», «Сюжеты», издательство «Коровакниги», запустившее целую серию «Поставить!», в рамках которой уже выпускаются сборники современных драматургов и пр.

Научная рецепция «Новой драмы» только начинает развиваться, интерес к данному явлению возрастает. Научные исследования феномена отображены в трудах М. Липовецкого, С. Гончаровой-Грабовской, М. Громовой, Н. Ищук-Фадеевой, О. Журчевой, И. Канунниковой, И. Зайцевой и др. В альманахе «Современная драматургия» печатаются статьи Т. Журчевой, Т. Шахматовой, И. Болотян, В. Забалуева, А. Зензинова, Е. Сальниковой и др., в которых показывается развитие современной драмы, тематика, проблематика, тенденции. Тем не менее, современная русская драматургия на данном этапе недостаточно изучена, чаще речь идет об отдельных авторах, индивидуальных поэтиках, крупные обобщения тенденций всего феномена «новой драмы» еще впереди.

Целью настоящей статьи является определение особенностей научной и критической рецепции «новой драмы».

Отношение к «новой драме» противоречивое. Сегодня звучит полемика на круглых столах о самодостаточности «новой драмы» и ее необходимости. Спорят о её художественном качестве, достижениях, результатах экспериментов, наличии либо отсутствию системных сдвигов (расшатывания действия, конфликта и др.). С середины 90-х лучшие пьесы публикуются, востребованы прославленными театрами. «Новая драма» постепенно становится полноправной, обращается к отечественным традициям, реализует себя как довольно плодотворная часть общего процесса развития современного театра.

Востребованность «новой драмы» во многом связана с тем, что пьесы поднимают актуальную тематику, свя-

заны, прежде всего, с современностью, интерпретируют глобальные социальные перемены. Пьесы призваны отражать изменения в картине мира и концепции человека. Поэтому закономерным становится изучение новейших произведений в аспекте переходного художественного мышления и новаторских поисков нового поколения [12; 251–258].

В пьесах мы наблюдаем стремление создать целостный портрет эпохи перелома, а также изобразить особый художественный мир с героями своего времени. Так, отмечает О. Наумова в своей статье «Театральный синкретизм в творчестве Евгения Гришковца»: «На сцене появились новые герои, утратившие прежние идеалы и ориентиры, но сохранившие способность к серьезным чувствам. Появился новый сценический хронотоп, оригинальные конфликты и сюжеты, новые принципы действия и соотношения авторского голоса и голосов героев [...]».

Одновременно эксперимент, поиск нового языка интерпретации порождает не только безусловные открытия, но особенности, которые некоторые критики трактуют как промахи, хотя и эти оценки можно воспринимать как дискуссионные. «Из-за того, что [...] современный автор творит под впечатлением [...] жизненной ситуации, истории или факта, [...] драматургический текст и драматургический образ оказываются лишены типизации и обобщения. Тексты современных пьес стали сугубо самовыражением автора и в большинстве случаев утратили возможность интерпретации» [13; 207]. Последний упрек в отсутствии типизации критик распространяет с текстов Гришковца на пьесы Н. Коляды и И. Вырыпаева, что уже несправедливо и, скорее, обнажает настороженность критика в отношении экспериментов «новой драмы» в целом. Общим является лишь то, что указанные драматурги выступают сразу в нескольких ипостасях: создателей пьес, режиссеров и актеров в собственных же спектаклях. Это, видимо, уже тенденция, смысл которой еще предстоит объяснить, однако, очевидно, она отражает усиление личностного начала в драматургии, лиризацию и прозаизацию драмы, что является признаком переходного художественного мышления.

Т. Шахматова определяет особенности новой драматургии за которые драматургов чаще упрекают, чем хвалят: «дискретная структура, отсутствие четко выстроенного конфликта, слабая композиция, неумение создать драматический характер, этюдность, отсутствие привычных приемов сценичности и прочее». Но исследовательница выделила и положительные моменты сегодняшних пьес: «привлекают к себе внимание потрясающей жизненной достоверностью, безошибочным, нутряным чувством противоречий современной жизни и в лучших своих образцах качественным текстом» [15; 215].

Показательной особенностью «новой драмы» критики считают также жанровую неопределенность, распространение необычных, экспериментальных и гибридных форм. На эту особенность обращали внимание М. Громова и С. Гончарова-Грабовская. О. Наумова добавляет

свои примеры: «жизнь без антракта», «альбом», «квартира в двух действиях», «опера первого дня», «колониальная драма в двух частях» и т.д., в которых отражается характер эпохи перемен [13; 207].

Мы можем говорить о том, что многие современные пьесы напоминают «горячие» репортажи газетных хроник, они актуальны, но в них нет художественности, но как и драматург Юрий Клавдиев, считаем, что в них затрагиваются те же важные для человечества вопросы, что и у классиков и по сей день человечество стоит на пороге их решения [7; 191].

Нужно отметить, что спектр оценок «новой драмы» в современных литературоведческих и критических работах очень широк: от полного отказа в «новизне», до признания именно за этим направлением роли экспериментирующего авангарда, оказывающего влияние на литературу в целом (В. Забалуев, А. Зензинов). Но параллельно возникает и другой вопрос — об адекватности научной и критической рецепции этого необычного явления, требующего от исследователей новых подходов. В этом отношении абсолютно закономерными представляются упреки М. Липовецкого своим коллегам в том, что из поля внимания выпущены знаковые произведения, а также не предложены новые параметры изучения феномена. «Так что речь идет не о том, почему литературоведы не пишут о «новой драме», а о том, почему нет оптики, позволяющей заинтересовано читать эстетику, находящуюся за пределами психологизированного идеологизма (или идеологизированного психологизма)» [10; 193].

Сам исследователь в качестве нового подхода предлагает также не очень новый постмодернистский, акцентируя внимание на перформативности и различных аспектах преодоления дискурса насилия, что и отразилось в его статьях (Перформансы насилия: «Новая драма» и границы литературоведения) и монографиях. «Новая драма» предоставляет редкую возможность разработки относительно нового языка описания культурных феноменов, опирающихся как на перформативность, так и на дискурсы насилия» [10; 200].

В качестве плодотворных аспектов можно выдвинуть и другие. В частности, рассмотрение «новой драмы» сквозь призму переходного художественного мышления, смены литературных поколений, отражения в них субкультурных особенностей, заострения проблемы предметности и новаторства, диалога с художественным драматургическим опытом предшествующих эпох, экспериментами модернизмом, достижениями «новой драмы» рубежа XIX–XX в., «театра абсурда» и др.). Условием понимания сущности «новой драмы» является ее рассмотрение в контексте динамики современной литературы в целом, обнаружения схожих процессов в прозе и драматургии. Только синтез подходов, методик, расширение контекста, сопоставление произведений разных национальных литератур позволяет адекватно описать столь сложное, развивающееся явление, как современная «новая драма».

Литература:

1. Болотян И. «Новая драма» между жизнью и Интернетом // Современная драматургия. — 2008. — № 1. — С. 186–191.
2. Болотян И. «Новая драма»: жизнь в текстах // Современная драматургия. — 2006. — № 1. — С. 158–170.
3. Бугров Б. Дух творчества. Об отечественной драматургии конца века // Русская словесность. — 2000. — № 2. С. 20–27.
4. Гончарова-Грабовская С. Комедия в русской драматургии конца XX — начала XXI века. М., 2006. — 280 с.
5. Громова М. Русская драматургия конца XX начала XXI века. М., 2006. — 368 с.
6. Заярная И.С. Барокко и русская поэзия XX столетия: типология и преемственность художественных форм: Монография. — К.: Издательско-полиграфический центр «Киевский университет», 2004. — 405 с.
7. Клавдиев Ю. Новое поколение — реальность или фикция? / Беседу ведут молодые корреспонденты О. Жиленко, К.Костина, М. Минина // Современная драматургия. — 2008. — № 3. — с. 191.
8. Кукулин И. Европейский театр 2000-х годов: Социальная критика и поэтика мистерии // Новое литературное обозрение. — 2005. — № 73*3. — С. 241–243.
9. Лебедушкина О. Непредуманная речь. Современный сказ в присутствии non-fiction и verbatim // Дружба народов. — 2008. — № 9. — С. 192–203.
10. Липовецкий М. Перформансы насилия: «Новая драма» и границы литературоведения // Новое литературное обозрение. — 2008. — № 89. С. 192–200.
11. Липовецкий М., Биргит Боймерс Перформанс насилия: литературные и театральные эксперименты «Новой драмы». — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 376 с.
12. Мережинская А.Ю. Русская драматургия «поколения 90-х»: картина мира, конфликт, герой // Библия и культура, Черновцы, Изд. Чернівецький Національний Університет. 2010. С. 251–258.
13. Наумова О. Театральный синкретизм в творчестве Евгения Гришковца // Современная драматургия. — 2008. — № 2. — С. 207.
14. Сафуанов И. «Новая драма»: что нового? // Современная драматургия. — 2009. — № 1. — С. 184.
15. Шахматова Т. Рождение конфликта из потока саморефлексии. Теория // Современная драматургия. — 2009. — № 2. — С. 215.
16. Хакимова Д. Дискретность как характерная черта российской «новой драмы» // Современная драматургия. — 2008. — № 3. — С. 139–143.

«Крестовые» образы как основа визуального ряда романов Ф.М. Достоевского

Флегентова Татьяна Николаевна, соискатель
МБОУ «Гимназия № 1» (г. Кемерово)

Крест и Евангелие нередко появляются на страницах романов Ф.М. Достоевского. Так, в первом романе Пятикнижия «Преступление и наказание» в маленькой комнате Сони Мармеладовой Раскольников «замечит» особую Книгу: «Он каждый раз, проходя взад и вперед, замечал ее; теперь же взял и посмотрел. Это был Новый завет в русском переводе. Книга была старая, подержанная, в кожаном переплете» [1, 248]. На религиозных изданиях, как правило, всегда изображен крест, что особым образом атрибутирует священные тексты. В указанном эпизоде «крест» как будто выпадает из видения героя, что побуждает его опять обращаться к более предметной визуализации (взять в руки и увидеть). Интересно, что при всех дополнительных уточнениях, касающихся обложки книги, главная деталь — крест — отсутствует. Странность видения героя подчеркивается тем, что взгляд героя неоднократно концентрируется на книге (как пред-

мете вещного мира), но не проникает в ее сущность (Раскольников, пришедший сказать новое слово, тем самым отвергает новозаветную идею). Взгляд Раскольникова буквально «выхватывает» книгу как предмет в комнате Мармеладовой. Эту особенность зрения героя подмечает Р. Андерсон, определяя ее как «гипертрофированную реакцию Раскольникова на пространственные объекты и формы внешнего мира» [2, 90], которая происходит тогда, когда он вынужден отвергнуть общепринятые традиции и моральные нормы.

В такие моменты времени внимание Родиона Романовича притягивают, например, выпуклость под обоями, шарманка, распятие, пятно крови. Выдвижение на первый план подобных визуальных деталей, по мнению исследователя, представляет собой нечто большее, чем простое обращение к знакомым в культурном отношении религиозным символам. Такая сиюминутная одержимость не-

ожиданным объектом приоткрывает читателю дорогу в подсознательный мир героя, к его интеллектуальной деятельности.

Одержимость Раскольникова в данной сцене проявляется, на наш взгляд, и в его непременном, несдерживаемом желании найти нужное ему место в книге. Это становится явным через его поведение в этом эпизоде, в нетерпении и раздражительности, которые он проявляет по отношению к своей собеседнице. Таким образом, можно говорить о том, что для романа Достоевского крест и Евангелие являются устойчивым сочетанием, однако для каждого героя эта «композиция» наполнена различными смыслами. Для Сони, которая хранит в комнате Новый Завет, этот сакральный текст — то единственное, что удерживает ее, помогает, спасает тем, что дает надежду не отчаиваться, жить, в нем она находит свое утешение. Для Раскольникова — то, с чем он борется и в то же время, что не может преодолеть в самом себе.

Тема креста, крестного страдания, выбранного пути накрепко «перевязана» с темой перекрестка, на который выходят герои Достоевского.

В романах Достоевского главные персонажи некоторую часть своего времени проводят в прогулках, имеющих определенный характер. Это не приятное времяпрепровождение, а долгие блуждания по городу, как правило, бесцельные, отличительной чертой которых является особенная погруженность героев в свой внутренний мир, перерастающей в диалоги с самим собой. Тогда все уличные происшествия, случайные встречи, внезапно услышанные от незнакомых людей слова разгадываются в мистическом плане, как знаки судьбы, направляющей и указывающей дальнейший путь.

Определяя семантику движения в романах Достоевского, Р.Г. Назиров отмечает, что оно представляет собой искание, герой веряется своей интуиции и просит помощи у неведомой силы, которая управляет жизнью [3]. В контексте этого можно осмыслить перекресток как ситуацию выбора, необходимость принятия того или иного решения.

Особый интерес для героев представляют архитектурные сооружения, построенные по модели креста. Также примечательны и места, содержащие крестовые названия. Известно, что крест лежит в основании архитектурных сооружений и, прежде всего, святых мест, различных сакральных построек и храмов, которые выступают как эпицентр духовной жизни общества, это место соединения небесного с земным. Так, в романе «Преступление и наказание» Раскольников в одной из своих внезапных прогулок засыпает и «в эту-то ночь, перед утром, он и проснулся в кустах, на Крестовском острове», «весь издрогнувший, в лихорадке» [1, 337]. Эти острова неоднократно упоминаются в тексте.

Упоминание о тюрьме «Кресты» в романе «Преступление и наказание» также нельзя назвать случайным,

имея в виду содеянное Раскольниковым. Из истории этой постройки интересны следующие факты.

Известно, что существующая в настоящее время тюрьма была построена в 1884–1892 гг. по проекту архитектора А.О. Томишко. Ее комплекс включал два пятиэтажных одинаковых крестообразных корпуса, в которых было 960 камер, рассчитанных на 1150 человек. В одном из корпусов на верхнем этаже изначально находилась пятиглавая церковь Святого Александра Невского. Архитектурное решение построек послужило для наименования тюрьмы — Кресты, в которых содержались уголовные преступники, а также политические, приговоренные к одиночному заключению.

В контексте романного мира «Преступления и наказания» упоминание о тюрьме с символическим названием нам кажется существенным. Особое значение приобретает тот факт, что в целом сооружение состоит из двух частей крестообразной формы, которые можно представить в виде все тех же значимых в судьбе главного героя двух крестов. Для данного текста Достоевского характерно появление, обыгрывание и постоянное «присутствие» двух крестов. Два креста (свой и чужой) напрямую связаны с преступлением Раскольникова. Два креста «преследуют» Родиона Романовича на его жизненном пути, а он каждый раз отрешивается от них, бежит, как в момент признания Соне отдергивает руку от протянутого девушкой креста, которая именно в этот момент произнесла ключевые слова для всего романа: «Вместе ведь и страдать пойдем, вместе и крест понесем!..» [1, 324]. В этот момент Раскольников не выбирает крестное страдание, он уходит от него, как в обычных своих прогулках избегает Крестовского острова движется мимо Крестов.

Крест — центр визуальной цепочки романа Ф.М. Достоевского. Способность героев-визионеров выделять онтологически значимые детали (крест и Евангелие) и творчески осмысливать реальное пространство (перекресток, Кресты — тюремное заведение), находясь в состоянии эмоционального возбуждения, включает крест в число направляющих знаков судьбы героев (например, князю Мышкину — «Идиот», Аркадию Долгорукому — «Подросток»). Визуальный способ репрезентации действительности предполагает детализированное изображение и определение местонахождения «отдельных предметов в зрительно мыслимом пространстве» [5, 37]. «Зрительный опыт» героя накладывает отпечаток на механизмы восприятия изображенной действительности другими героями.

Созданный визуальный образ предполагает последующее узнавание. Таким образом, можно говорить о так называемой визуальной данности, которая является точкой отсчета для личного визионерского творческого акта.

Литература:

1. Достоевский, Ф.М. Собрание сочинений [Текст]: в 30 т.Т. 6 Преступление и наказание / Фёдор Михайлович Достоевский. — Л.: Наука, 1973. — 423 с.
2. Андерсон, Р. О визуальной композиции «Преступления и наказания» [Текст] / Р. Андерсон // Достоевский. Материалы и исследования. — СПб.: Наука, 1994. — Т.11. — С. 81–89.
3. Назиров, Р.Г. Творческие принципы Ф.М. Достоевского [Текст] / Р.Г. Назиров. — Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1982. — 160 с.
4. Поэтика: словарь литературных терминов и понятий [Текст] /Под ред. Н.Д. Тмарченко. — М.: Изд-во Кулагиной, 2008. — 358 с.

2. ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Портреты Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус в раннем дневнике М.М. Пришвина

Александров Иван Николаевич, учитель русского языка и литературы
ГБОУ СОШ № 262 (г. Москва)

Известные личности Д.С. Мережковский (1866–1941) и З.Н. Гиппиус (1869–1945) познакомились на Кавказе в 1888 году. Он — русский писатель, поэт, критик, переводчик, историк, религиозный философ, общественный деятель, автор трилогии «Христос и Антихрист», она — начинающая русская поэтесса и писательница, драматург и литературный критик. Под влиянием мужа творчество Гиппиус обретает «символистский» характер. Они неразделимое целое и в творческой и в семейной жизни. Секретарь Гиппиус вспоминал: «Она очень женственна, он — мужественен, но в плане творческом, метафизическом роли перевёрнуты. Оплодотворяет она, вынашивает, рождает он. Она — семя, он — почва». О том же писала И.В. Одоевцева: «В их союзе они как будто переменялись ролями — Гиппиус являлась мужским началом, а Мережковский — женским». М.М. Пришвин в раннем дневнике 1905–1913 г.г. дополняет портреты Мережковского и Гиппиус философским содержанием.

М.М. Пришвин знакомит читателя с представителями религиозно-философского общества, которое было создано в Петербурге в 1907 году. Оно собралось весь «цвет» общества и не имело ничего общего с московским Соловьёвским. «Здесь мрачная жизнь русская открывается, и мы входим в теплицу с цветами среди зимы десятилетия мрачной реакции от 1905г». [1, 314], — писал М.М. Пришвин. Собрания писателей представляли мастерскую, где выделывались крылья поэтов» [1, 314]. В этом он находит искусственность: «Ремизов делает себя из археологии, Клюев — из хлыстовства, Бальмонт из всего возможного, А. Белый — из оккультизма, Брюсов — из Пушкина» [1, 314].

В них М.М. Пришвин видит «джентльменов». Эта «секта» далека от народа. Автор дневника следит за каждым движением своих собеседников, пытается уловить каждое слово. «И решил про себя все замечать, когда пойду за ответом», — пишет Пришвин [1, 181].

На одной из встреч Вячеслав Иванов задает ему [Пришвину] вопрос: «Какая у вас платформа — христианская или языческая?» [1, 194]. Ответа не следует. Пришвин не придерживается и не входит ни в какую секту, он ведет самобытную творческую жизнь, познает ее через натурфилософию, законы природы. Литературная среда этого общества ассоциируется у писателя со «сплетнями». Людей религиозно-философского «кружка» Пришвин называет

«личниками» Мережковского, «за пять шагов от них веет холодом, но в то же время и чистотой» [1, 197].

Пришвин знакомит читателя с Д.С. Мережковским, рисует портрет художника, мастера слова, идейного лидера. В раннем дневнике описывается, как произошла первая встреча: «1908 г. 7 окт. Вчера познакомился с Мережковским, Гиппиус и Философовым... Как только я сказал, что на Светлом озере их помнят, Мережковский вскочил:

— Подождите, я позову... — И привел Философова, высокого господина с аристократическим видом. Потом пришла Гиппиус... Я заметил ее пломбы, широкий рот, бледное с пятнами лицо...»

М.М. Пришвин считает Д.С. Мережковского настоящим иностранцем в России, эстетом (ценителем изящного, поклонником искусства), Дон-Кихотом, гуманистом, декадентом. Он «является к народу барином». Его понимают только мужики, и говорит он «притчами» с ними об Антихристе, про Апокалипсис. У него нет покаяния, он декадент [1, 178]. Ему не понять никогда русского народа, так как в нём самом мало религиозности, в нём мало Бога. Православие по Мережковскому является носителем самодержавия, и оно без него не может находиться. Народная масса полностью языческая, а христианство лишь мелкая частичка. Это ещё раз переключается с взглядами самого Мережковского, который утверждал, что в России происходит борьба языческого и христианского. Первое он всегда связывал с правдой о земле, последнее — с правдой о небе. Мир творчества самого автора двоится и сливается в образе Христа и Антихриста, бытия и небытия. Язычество привязывает русского человека к земле. Христианство же уходит от Земли, так как «Землю Божью» продают» [1, 192]. Между православием и русским христианством проводится знак равно, а хлыстовство считается «роскошным православием» [1, 228].

В дневнике Мережковский ассоциируется у М.М. Пришвина с Антихристом, В.В. Розанов — с Христом. С чем это связано? Мережковский оказывал сопротивление Христу, т.к. он не мог пойти за ним. Христа он «очеловечил», лишил тайны, святости, придал быту. Христос превратился в Антихриста. Бердяев писал по этому поводу: «Д.С. Мережковский современный, новый человек, человек нашего зыбкого времени. Он сам себя не знает, не знает,

что в нем подлинно и онтологично и что призрачно и нерально... Он по-своему очень искренний человек, ищущий веры и мучающийся... Силы веры в нем нет, он скептик, страшась смерти, но перед людьми он всегда предстает с догматическими формулами своих исканий веры, всегда напряженных и взволнованных» [2, 388]. Пришвин это понимал и придерживался этой идеи Антихриста. Но принятие Христа наступило во время смерти, и «я так всю жизнь с Антихристом прожил, а в старости пришёл к Христу, и два бога у нас мирно уживаются в жизни: Христос и Антихрист», — писал М.М. Пришвин [1, 305].

У Мережковского преобладал «Христос церковный», Розанов, напротив, выступал против него. В книге «Иисус Неизвестный» автор ставит перед собой задачу явить неизвестного миру Христа, открыть неизвестное человечеству Евангелие. Церковь признает Христа «как часть», история «проходит», следовательно, Христос «остаётся за оградой церковной» [1, 306] и превращается в Антихриста. Мережковский считает, что к Христу приходят двумя путями — через церковь, или «через чувство красоты в культуре человечества» [1, 306]. И он поясняет, что пришёл к Христу через миф о Прометее, являющегося символом борца за интересы людей. И именно в нем заключен Христос, а Евангелие «оказывается еще неизмеримо прекраснее» [1, 306].

Мережковский считал, что церковь представляла изживший элемент, в которой «убогим умирать спокойно, безболезненно, непостыдно, свято, мирно и безгрешно» [1, 306]. Мережковский и Гиппиус ратовали за церковь «третьего завета» — завет Святого Духа, завет Свободы, Закона и Благодати. Возрождение человека и России кроется в личном осознании в «себе Бога», «богочеловека», или «человекобога, как социал-демократы» [1, 307]. Это стремление к созданию «человекобога» определялось основной целью, но тех, кто живет без Бога в душе, Мережковский называл «падалью» [1, 307]. Бог постигается во времени и пространстве, в разные времена и разными народами. Каждый несет свое понимание Бога.

Мережковский отражает европейские идеи и смотрит на Россию по-европейски. «Его читают в Европе гораздо больше, чем у нас» [1, 308]. У Мережковского Пришвин находит европейскую «строгость и серьезность», под которой скрывается желание подвести Россию к единому рубежу с Европой и создать «общего Бога» [1, 308]. Он [Мережковский] связан у писателя с образом «Дон-Кихота» или «Бедного Рыцаря» [1, 308]. В.В. Розанов замечает в нем иностранца, которого трудно «похлопать по плечу» [1, 309]. Мережковский соответствуют категории людей «выделенные природой из общего языческого мира, где едят, размножаются и дерутся из-за еды» [1, 311], они же «христиане». У таких людей душа имеет «прямое отношение к слову» [1, 310]. Пришвин иронизирует и называет его «трубадуром XX века».

Писатель выводит следующие соображения по поводу образа Христа у Мережковского, акцентируя внимание на двойное видение православия. Он выделяет «Божье

стадо» во главе с Христом, и каждая личность из массы несет в себе Сына Божьего и «союз индивидуумов», защищающих свое материальное благо. Их называет писатель «человекобогами». Таким образом, можно выделить «две коммуны». Одна коммуна выступает за Христа, «заботится о совершенствовании существ, заключенных в земной оболочке» [1, 311], другая «состоит в создании равных материальных условий для всех: думай, как хочешь, молись, как хочешь, но живи как все» [1, 311]. Мережковский же хочет объединить две составляющие.

В творчестве супруги Мережковского Зинаиды Гиппиус («декадентская мадонна») развиваются мотивы и христианские и языческие (пьеса «Святая кровь», «Нет и Да», «Маков цвет» и другие). На страницах дневника М.М. Пришвина мы видим женщину с папироской, «похожей на актрису» [1, 179]. Она очень умна. «Резко поправляет Мережковского. Движения у нее изящно-вульгарные. В них что-то парижское» [1, 79]. «Как ловко Зинаида Николаевна выставляет словечки, скажет — и столичным холодным, резким голосом схватит и повернет» [1, 190]. «В заключении величественным резким жестом (лорелейной) богини она дает мне мою рукопись для поправок» [1, 190]. Гиппиус холодная натура, «снежная Дама» [198], «смерть от весеннего луча — вот все ее страхи» [1, 198].

По поводу рассказа Пришвина «У стен града невидимого» Гиппиус остановилась на избыточности в нем лирики и недостатка эпоса. Она называет особенность мышления Пришвина «старомодной модностью» [1, 180]. Она считает, что Пришвин не признает Христа, но он есть полный смысл. Гиппиус считает, что религия есть признание существования Бога. Пути развития героев Гиппиус связаны с постижением Бога, перерождением «души», «духовным просветлением». Пессимизм человека ведет к «нравственному преступлению», «духовной смерти». Её творчество держится на «трёх китах»: вера, свобода и любовь, вознесённая до Бога, Христа.

О жене Мережковского Зинаиде Гиппиус Пришвин пишет: «Всем своим существом исключает представление о деторождении» [1, 309]. Она предстает как «Белая дьяволица или хлыстовская богородица, духовная жена, Звезда, Прекрасная Дама» [1, 309], но в ней не видит писатель женщины, способной и желающей родить ребенка. В письме Философовой от 1905 года Гиппиус заявляла, что у нее отсутствует «родовое чувство» — стремление к деторождению. Для писательницы женщина творит, не рождая новую жизнь, а становясь подлинным творцом. «Смысл эксперимента отчасти заключался в попытке перелить эротическую энергию из области биологической в сферу интеллектуального, художественного и религиозного» [3, 6].

Семейную пару Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус М.М. Пришвин сравнивает с «певчими», которые «стоят на клиросе и поют ангельские песни» (1, 309). Они дышали одним воздухом, они творили одно великое дело. Вся жизнь их была связана с творчеством и познанием бытия.

Литература:

1. Пришвин М.М. Ранний дневник 1905–1913 / Подготовка текста Л.А. Рязановой, Я.З. Гришиной; Комментарий Я.З. Гришиной; Указатель Имен Т.Н. Бедняковой. — СПб.: ООО «Изд-во «Росток», 2007.
2. Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства. М.: «Искусство», 1994.
3. М. Павлова. Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т.Н. Гиппиус 1906–1908 годов. Сборник статей и материалов, Москва, 2004.

Мнение общенационального лидера азербайджанского народа Гейдара Алиева о творчестве Джалила Мамедкулизаде

Мамедова Шарабану Али, докторант
Нахчыванский государственный университет (Азербайджан)

Options of Haydar Aliyev, the National Leader about Jalil Mammadquluzadeh's Literature Activity.

The article looks into the valuable opinions of Haydar Aliyev, the national Leader, about the life and literary activity of Jalil Mammadquluzadeh, their scientificance is emphasized. The works done by National Leader to perpetuate the memory of the writer and the the result of the initiatives shown by him were investig.

В статье анализируется мнение общенационального лидера Гейдара Алиева о жизни и литературной деятельности Джалила Мамедкулизаде, уточняется их научная значимость. Были показаны выдающиеся идеи и труды общенационального лидера.

Выдающийся просветитель-демократ, азербайджановед Джалил Мамедкулизаде, оставив свою подпись на литературу и неизгладимый след в азербайджанской литературе, а также создавший большую литературную школу, с идейно-художественным совершенством имеет достойное место среди классических азербайджанских образцов. Журнал «Молла Насреддин» под редакторством Джалила Мамедкулизаде сыграл значительную роль в развитии средств массовой информации на Ближнем и Среднем Востоке. Многогранная деятельность и жизнь писателя в течение многих лет была предметом исследования. Многие выдающиеся учёные и исследователи обратились к этой теме, ввели ряд исследований о творчестве Мирзы Джалила и «молланасреддинчи», написали ценные монографии о нём. О деятельности писателя и журнала «Молла Насреддин» имеются весомые оценки. Создатель независимого азербайджанского государства Гейдар Алиев всегда с большим уважением относился к личности и творчеству Джалила Мамедкулизаде, как к писателю и мыслителю, боровшемуся за процветание родного государства. Оценка общенационального лидера Гейдара Алиева творчества и самой личности Мирзы Джалила более эффективная и оригинальная. С этой точки зрения мнение великого лидера привлекает внимание. Гейдар Алиев на открытии Дома-музея писателя, публициста, драматурга, общественного деятеля Джалила Мамедкулизаде, на юбилейном вечере по случаю 125-летия со дня рождения великого азербайджанского писателя Джалила Мамедкулизаде — во дворце «Республика», 28 декабря

1994 года профессионально и высоко оценил роль и место писателя в азербайджанской литературе и в истории общественного мнения. Это выступление является выражением высокого почтения, показывает знакомство с творчеством Джалила Мамедкулизаде, а также классического культурно-художественного наследия великого лидера. «К примеру, Сабир и Джалил Мамедкулизаде являются теми, кто составляет большую гордость нашей литературы XX века. Творчество Джалила Мамедкулизаде — это творчество, демонстрирующее миру духовность, культуру, литературу Азербайджана, а также способности нашего народа.» — сказал великий лидер, оценивая таким образом творчество писателя. «Если бы Джалил Мамедкулизаде не появился на свет как личность, если бы он не осуществил свою деятельность, если бы журнал «Молла Насреддин» не помог вывести людей из мрака, если бы его произведение «Мертвецы» не открыло бы людям глаза на реальный мир, то наш народ не смог бы так развиваться. Эти слова относятся не только к Джалилу Мамедкулизаде, но и ко многим азербайджанским гениям. Но сегодня мы пришли именно в дом Мирзы Джалила и чтим его память. Поэтому я посвящаю эти слова ему.» [1, 249]. Великий лидер в своих выступлениях и докладах научным и систематическим образом истолковывает жизнь и творчество Джалила Мамедкулизаде, анализирует различные произведения писателя, подходит к наследию Мирзы Джалила с исторической и современной точки зрения. Оценивая творчество Джалила Мамедкулизаде как моральную поддержку и источник духовности для азербай-

джанского народа — великий лидер подходит к этому наследию с национальных и государственных интересов, а также подчёркивает необходимость нового подхода при изменении времени и условий. Гений Джалила Мамедгулузаде нашел свое отражение в журнале «Молла Насреддин». «Молла Насреддин» и посредством этого журнала Джалил Мамедгулузаде и привлеченные к работе над изданием другие передовые люди Азербайджана сыграли большую роль в формировании национального самосознания народа, повышении его национального духа, национальному пробуждению народа. И поэтому мы должны относиться к Джалилу Мамедгулузаде не только как к литератору, писателю, публицисту, но в то же время и как к крупному общественному деятелю, крупному политику. Джалил Мамедгулузаде сыграл посредством своего творчества большую роль в развитии общественно-политической жизни Азербайджана. Это не только литература, не только культура, это большие заслуги в политике, в общественной жизни» [1, 242]. Общенациональный лидер оценивал этот вопрос как неотъемлемую часть национальной идеологии и национальной политической концепции. И это не случайно. Выдающийся лидер считал деятельность Джалила Мамедкулизаде формой выражения и реализации идеологии азербайджанства. Посредством своего творчества он прилагал усилия для обретения Азербайджаном независимости. Стараясь разбудить азербайджанский народ, формируя его национальное самосознание, усиливая национальное пробуждение, он призывал народ к борьбе за национальную свободу, прокладывая путь к независимости этого народа и видел этот путь исключительно на основе демократических принципов. Он писал тогда, что «республикой называют то государство, где управление находится в руках и распоряжении народа и где в основе республики лежат принципы свободы совести, собраний, объединений, свободы слова, печати, свободы создания политических течений, свободы личности, равенства перед законом, солидарности, равенства и независимости в отношении избирательного принципа, принцип тайного голосования». Можно справедливо сказать, что азербайджанскую идеологию в публицистику принёс Мамед ага Шахтаглы, в художественную литературу Джалил Мамедкулизаде, а в политическую идею Гейдар Алиев. И это мнение нашло свое отражение в научной литературе [2, 80]. Видный филолог, учёный, академик Иса Габибейли, говоря об обучении азербайджанству Гейдара Алиева отметил, что это обучение «соединяет в себе современное развитие с историческими ценностями» [3]. Наша национальная идеология, несомненно, должна быть связана с нашим историческим прошлым, традициями, особенностями нашей нации, настоящим и будущим нашего народа, государства. С этой точки зрения, мысли, отображающиеся в творчестве Джалила Мамедкулизаде, национальные особенности Азербайджана, а также одновременно и общечеловеческие ценности, являются основой национальной идеологии и важным средством, большим богатством для создания этой идеологии.

«В то время привязанность к национальной сути, а также оценка мировых, общечеловеческих ценностей, их отображение в своем творчестве и попытки поднять общий уровень нашего народа требовали большого гражданского мужества, являлись большой заслугой и мы всегда должны ценить это. И поэтому творчество, произведения Джалила Мамедкулизаде могут оказать и окажут сегодня большую помощь в деле формирования, создания нашей национальной идеологии и подготовке на научном уровне ее концепции» [1, 243]. Не случайно, что самый известный исследователь Джалили Мамедкулизаде Иса Габибейли тоже считает произведение писателя «национальным пробуждением и настоящим художественным манифестом эпохи Возрождения» и в прессе, и в художественной литературе называет его мощным последователем идеологии азербайджанства. [4, 43]. Великий лидер удерживал в центре внимания развитие национального языка как неотъемлемой части национальной идеологии и высоко оценивает заслуги Джалила Мамедкулизаде в этой области. Одной из ценных черт деятельности Джалила Мамедкулизаде являются его заслуги в развитии азербайджанского языка. Он создал такую гениальную школу, как «Молла Насреддин», оставив тем самым большое культурное наследие. Эти заслуги Мирзы Джалила и сегодня очень ценны для нас. Мы должны в полной мере этим воспользоваться...» «Нация, нация, нация! Язык, язык, язык!» выражают мысли, чаяния нашего народа, нации. Большое внимание литератора к родному, азербайджанскому, языку, пропаганда родного языка, призыв к людям по поводу того, что надо знать родной язык, мысли, статьи литератора о повсеместном господстве азербайджанского языка были очень важны для того времени, также они очень актуальны и сегодня. Произведение «Книга моей матери» является для Азербайджана гениальным произведением. Ведь наш народ, наша республика находятся на перекрестке Востока и Запада, Севера и Юга. Веками с разных направлений на наш народ оказывались различные влияния. Эти влияния имели место также и в связи с развитием нашей культуры и науки. Но гениальные личности нашего народа всегда стояли на страже азербайджанского языка, национальной сущности, национального сознания, национальной идеологии Азербайджана. Однако были такие времена, периоды, когда порой, люди, получив образование в других странах, приобщившись к языку, традициям тех стран, утрачивали свой язык, свои традиции, национальную суть [5].

Известно, что Мирза Джалила и «Молла Насреддин» обвиняли в атеизме. Под влиянием советской идеологии целью критики писателя были Исфahanские мазурики, Шейх Насруллах, ложные религиозные деятели их неправильно воспринимали и показывали как атеистические произведения. Великий лидер таким образом оценил произведение «Мертвецы» Джалила Мамедкулизаде: «Я смело могу сказать, что в мировой литературе не найти второго подобного произведения. Это произведение свидетельствует о том, каким Джалил Мамедгулузаде был

большим философом, психологом, а также отображает его своеобразное творчество и природный талант. «Мертвецы» — это бессмертное произведение. Оно было востребованным и в то время, когда было написано, оно необходимо нам и сегодня. Произведение «Мертвецы» долгое время использовали в антирелигиозной пропаганде, и в большинстве случаев оно воспринималось как произведение, написанное против религии. К сожалению, в то время это, возможно, было так. Потому что в нашей жизни царил воспитание в духе атеизма, религия отрицалась, и это произведение служило, возможно, с этой точки зрения, в этом направлении.

Но, создавая это произведение, Мирза Джалил вовсе не выступал против религии, напротив, он попытался доказать этим произведением то, насколько большой духовной ценностью была для нашего народа исламская религия. В то же время, он разоблачал, критиковал тех, кто искажал религию, и, используя ее, занимался мошенничеством. Мы сейчас вернулись к своей религии. Религия является одним из наших духовных источников. Путь, открытый для азербайджанского народа исламской религией, Священным Кораном, будет продолжен, и постепенно мы будем создавать условия для того, чтобы наша религия заняла достойное место. Но мы должны пользоваться плодами произведения «Мертвецы» Джалила Мамедгулузаде и сегодня. Ведь и сегодня немало тех, кто искажает религию, злоупотребляет ею ради собственных целей, прикрываясь религией, стремится свергнуть наш народ в невежество. Мирза Джалил же в то время вел борьбу против таких людей и завещал нам посредством произведения «Мертвецы» делать то же самое. И мы должны исполнить его заветы» [1, 244].

Великий лидер пропагандировал основную идейную линию-идею Азербайджанство. Он отмечает, что в этом направлении исламские ценности неотделимы от национальности и современности, и выделяет необходимость духовного фактора как основной идеал. В книге «Гейдар Алиев и Азербайджанская литература», опираясь на это мнение, отмечается необходимость новой системы просмотра к теме общенациональным лидером. (6, 17). Выдающийся литератор Гусейн Гашимли считает эти слова превосходным образцом современного научного взгляда к литературно-идеологическому значению произведения «Мертвецы» (7, 34). В статьях Мирза Джалила, мы сталкиваемся с мыслями и выводами о таких проблемах, как демократические выборы, конституционные права, многопартийная система в Азербайджанском обществе и т.д. В связи с этим Джалил Мамедкулизаде предстает как общественный деятель. Эта позиция находит свое отражение в выступлениях общенационального лидера Гейдара Алиева. Джалил Мамедкулизаде вошел в историю Азербайджана как великий демократ. Посредством своего творчества он прилагал усилия для обретения Азербайджаном независимости. Стараясь разбудить наш народ, формируя его национальное самосознание, усиливая национальное пробуждение, он призывал народ к борьбе за национальную

свободу, прокладывал путь к независимости нашего народа и видел этот путь исключительно на основе демократических принципов. Не случайно, понятие «республика» в его работах переключается с принципами демократического правового государства, которое мы сегодня хотим построить. При прочтении произведения, у меня возникло впечатление, что это было написано в наше время. Еще тогда писатель заметил, что «республикой называют то государство, где управление находится в руках и распоряжении народа и где в основе республики лежат принципы свободы совести, собраний, объединений, свободы слова, печати, свободы создания политических течений, свободы личности, равенства перед законом, солидарности, равенства и независимости в отношении избирательного принципа, принцип тайного голосования». Мы сегодня хотим создать на основе этих принципов демократическое правовое государство, демократическое правовое общество. Джалил Мамедкулизаде был большим демократом, прилагавшим усилия во имя азербайджанской государственности. Мы высоко ценим это. И вот поэтому Джалил Мамедкулизаде всегда с нами» [1, 246]. Великий лидер подчеркнул важность наследия Джалила Мамедкулизаде и журнал «Молла Насреддин» для современного периода. Посредством своего творчества, произведений, публицистики, большой деятельности в сфере печати Джалил Мамедкулизаде сыграл огромную роль в национальном пробуждении, национальном возрождении азербайджанского народа. В формировании национального самосознания народа неподражаема роль именно журнала «Молла Насреддин» и деятельности Мирзы Джалила. Журнал «Молла Насреддин» известен во всем мире. Несмотря на то, что связь в то время была развита очень слабо, журнал «Молла Насреддин» распространялся, с уважением воспринимался во многих странах мира, его читали, и он повсюду имел влияние. Журнал «Молла Насреддин» занимает в жизни Азербайджана особое место. В соответствии с ситуацией того времени, Джалил Мамедкулизаде издавал журнал «Молла Насреддин» на таком уровне, чтобы его могли читать, он был понятен основным слоям народа. Не случайно, наряду со статьями, почти в таком же объеме в журнале печатались и рисунки, карикатуры известных художников Шмерлинга, Роттера, видного азербайджанского художника Азима Азимзаде. В связи с тем, что в то время большая часть нашего народа была неграмотной, и у многих не было возможности учиться, карикатуры и рисунки могли без слов донести до этих людей необходимую мысль, произвести должное впечатление. Журнал издавался на азербайджанском языке, имел широкое распространение среди народа и оказывал большое влияние. Своим творчеством Джалил Мамедкулизаде подтвердил, что он не только классик, но и сегодняшней современник. В его глазах Мирза Джалил является нашим живым современником, не только наше прошлое, но и наше будущее. Исследование и пропаганда творчества Джалила Мамедкулизаде, увековечение его имени осуществлялась великим лидером Гейдаром Алиевым. В 1981 году по ини-

циативе Гейдара Алиева было принято постановление о создании дома-музея Джалила Мамедкулизаде в Баку, 13 лет спустя, Лишь в 1994 году, после его возвращения к власти, наконец, в его родном городе в Нахчыване был создан дом-музей Дж.Мамедкулизаде. Великий лидер также дал постановление о создании дома музея в Нахчыване в село Нехрам, проведении юбилеев всех томов журнала «Молла Насреддин». И в результате распоряжения 12 января 2004 года Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева «Об осуществлении массовых изданий на азербайджанском языке с латинской графикой», опу-

бликования произведений писателя в четырёх томах, распоряжение в 2006 году о проведении на государственном уровне 100-летнего юбилея «Молла Насреддин», и проведении 140-летнего юбилея со дня рождения Джалила Мамедкулизаде являются продолжением великих идей Гейдара Алиева. Хочу закончить свои мысли со словами великого лидера Гейдара Алиева: «хочу выразить уверенность в том, что творчество Мирзы Джалила озарит ярким светом наше настоящее и будущее, откроет для нас пути и поможет успешному шествию независимого Азербайджана в будущее» [1, 248].

Литература:

1. Гейдар Алиев. Высокий долг и идея литературы. Баку, «Озон» 1999, 496 стр.
2. Габибейли И. Великий Гейдар Алиев и современность. Вопросы формирования наследия и национальной идеологии общенационального лидера Гейдара Алирза оглы Алиева. (Материалы научно-теоретической общереспубликанской конференции проведённое в 5 мая 2010 года). Баку, «Элм и Тэхсил», 2010, 196 стр.
3. Габибейли И. Политический курс Гейдара Алиева и современная эпоха. Газета «Шарк капысы», 2010, 5 мая
4. Габибейли И. Джалил Мамедкулизаде. Баку, «Чинар-чап», 2002, 57 стр.
5. 1tr: 1it.az. М.Гаджиева. Гейдар Алиев и Азербайджанская литература
6. Гейдар Алиев и Азербайджанская литература. Баку, «Шарк-Гарб», 2009, 248 стр.
7. Г. Гашымлы. Выдающийся государственный деятель Гейдар Алиев о Джалиле Мамедкулизаде и «Молла Насреддин». — Габибейли И. Джалил Мамедкулизаде. Жизнь и деятельность. Баку, «Элм и Тэхсил», 2010, 196 стр.

Феминистическое воззрение Низами

Мехтиева Шахла Мехди кызы, докторант
Нахчыванский государственный университет (Азербайджан)

В статье на основе научно-теоретического и художественного материала рассматривается прогрессивное отношение великого азербайджанского поэта и мыслителя Низами Гянджеви к женщине, опережающего не только восточные, но и западные взгляды на проблему. Автор приходит к выводу, что выдвинутые восемь столетий назад Низами положения о месте и роли женщин в обществе не потеряли своей актуальности и в наши дни.

Ключевые слова: отношение к женщине, Низами Гянджеви, антифеминистические взгляды, права женщин.

Basing on scientific theoretical and works the author reveals the progressive attitude of the great Azerbaijan poet and philosopher Nizami Gyandzevi to the woman and proves his views to be even more advanced with eastern and even western views of that time. The author comes to a conclusion that Nizami's viewa concerning women's status role go 1e in the society being expressed eight centuries ago are still acute today

Key words: women's status, Nizami Gyandzevi, antifeminist views, women's rights.

В формировании взгляда на женщин у Низами Гянджеви (1141—1209), чьи произведения опираются на исламское право, Коран и хадисы, сыграли важную роль указанные источники. Вместе с тем Низами как великий мыслитель и философ имел свой собственный взгляд на эту проблему, а как выдающийся поэт сумел художественно выразить и отобразить в произведениях свои воззрения. Не следует забывать, что в прогрессивном отношении Низами к женщине незаменимую роль сыграла его этническая (тюркская) принадлежность.

Во времена Реформации и Ренессанса в Европе, хотя и отмечались некоторые продвижения вперед в отношении к женщине и ее роли в обществе, но в целом антифеминистические воззрения существовали в XVIII—XIX веках, даже вплоть до XX века, и проявлялись в трудах таких философов, как Ж.-Ж. Руссо, А. Шопенгауэра, Ф.В. Ницше и др.

В пропаганде и обосновании псевдофилософии патологической ненависти к женщине особенно отличался Артур Шопенгауэр. Философ, не скрывающий свою глу-

бокую ненависть и неприязнь к женщине, пишет: «Низкорослый, узкоплечий, широкобедный пол мог назвать прекрасным только отуманенный половым побуждением рассудок мужчины: вся его красота и кроется в этом побуждении. Но женщина всегда и во всем обречена только на посредственное господство, именно посредством мужа, каковым она только и может обладать непосредственно...»

Мы с нашею старофранцузскою галантерейностью и нелепым женопочитанием — этим высшим цветом германской глупости, которое послужило только тому, чтобы сделать их до того высокомерными и беззастенчивыми, что они порою напоминают священных обезьян Бенареса, которые в сознании своей святости и неприкосновенности позволяют себе все и вся» [1, с. 74–75).

Фридрих Ницше считал, что обман является непревзойденной способностью женщин. Он призывал мужчин, «образцов честности и верности», к осторожности в отношении к этим лживым и хитрым существам.

В сравнении с подобными «философиями» и всякими антифеминистическими воззрениями, считающимися анахронизмом в современном мире, взгляды Низами на женщину, перешагнувшие мировоззрения своей эпохи на несколько столетий, выглядят как целостная философская система.

Между тем продолжение антифеминистических мыслей философов реакционного толка, выражающееся в унижении чести и достоинства женщин, содержится в положении рабов перед мужчинами, прослеживается в творчестве О. Вейнингера в начале XX века. Хотя прошел огромный временной отрезок — свыше 2000 лет с эпохи Аристотеля, отличающегося реакционностью мыслей о женщине, но сочинение О. Вейнингера «Пол и характер» является как бы продолжением и развитием подобных «идей» мыслителя Древнего мира. В этом отношении О. Вейninger выступает как бы «достойным продолжателем» Фомы Аквинского. Вслед за Аристотелем, считающим мужчину творческой формой, а женщину пассивной материей, тот самый Вейninger, приписывающий женщине отсутствие собственного внутреннего движения, пишет: «Женщина — ничто, потому из нее можно сделать все».

Естественно, что из сказанного не следует делать выводы о превосходстве Востока над Западом относительно положения женщин в обществе. Хотя в последнее время встречаются сочинения, содержащие подобные псевдонаучные положения. Однако автор поддерживает точку зрения многих ученых: как на Западе, так и на Востоке под влиянием феодальной идеологии и мировоззрения долгие времена существовала мысль о женщине как неполноценном существе в сравнении с мужчиной.

В силу сказанного обратимся к труду Адама Меца «Мусульманский ренессанс»: «В 323–934 годах ханбалиты — крайнее консервативное крыло в исламе — ежедневно выступали в столице против безнравственности: они вторгались в дома знатных особ, выпускали вино из

бочек, избивали певиц, разбивали их музыкальные инструменты и запрещали мужчинам появляться на улице с женщинами или юношами... Обычай благочестия вообще весьма неодобрительно относились к тому, чтобы женщина выходила за пределы дома. Халиф ал-Хаким, намеревавшийся возродить ранний ислам, запретил всем без исключения женщинам выходить из дому, а сапожникам — шить им туфли. Повивальные бабки и женщины, занимающиеся обмыванием покойников, должны были иметь при себе письменное разрешение» [2, с. 291].

Автор отмечает, что эта традиция в дальнейшем перешла в Европу, широко распространилась в Испании, а в середине XVII века и в Италии, так как в этот период женщина на улицах этих стран была явлением редким.

Абу-ль-Аля аль-Маарри, выдающийся арабский поэт и ученый XI столетия, великий мыслитель эпохи Ренессанса, учитель великого азербайджанского литературоведа и языковеда Хатиба Табризи, один из светлейших умов человечества того времени, критиковал пороки и недостатки современного общества, неподобающие человеку деяния. При этом он специально останавливается на проблемах женщин. Он считал позором то, что мужчины 60–70-летнего возраста женятся на девочках, а юные жены как бы взамен дожидаются кончины своих мужей. Все это автором поставлено в один ряд с иными общественными пороками: бесчеловечностью судей, невежеством подданных, двуличием духовенства, бестолковостью ученых и бахвальством поэтов [3, с. 126].

Предшественники Низами, творившие в том же литературно-культурном регионе: Фирдоуси, Фахраддин Гургани, Са нан Газнави — не смогли отойти от указанной позиции в отношении к женщине. Достаточно указать то, что Фирдоуси, считающийся одним из величайших поэтов мира, объявил женщину «нечистью», посоветовал закопать ее, как дракона, являющегося проявлением зла.

В формировании феминистического воззрения Низами определенную роль сыграли Момине-хатун, Захида-хатун, Инанджхатун и другие тюрчанки, жившие в те времена и занятые активной политической деятельностью, принимавшие непосредственное участие в разрешении ряда судьбоносных вопросов в жизни государства Атабеков [4]. В воссоздании ряда образов женщин-правителей немаловажную роль сыграло вдохновение поэта, полученное им от знакомства, непосредственного наблюдения и дошедших до него сведений о той или иной женщине. Это не означает, что названные женщины были идеальными политиками, дипломатами или правителями и являлись прямыми прототипами образов Низами. Не будем забывать и то, что Низами обычно для создания своих образов берет знакомых исторических личностей, как бы их очищает от всего грязного и в обычном человеческом облике представляет своему читателю посредством художественного слова.

Прогрессивное отношение поэта к женщине вообще, отличающееся от мнения предшественников и современников, прилекло внимание исследователей, которые вы-

соко оценили его позицию и место в отношении к женщине не только в истории азербайджанской литературы, но и в истории литературы Ближнего и Среднего Востока, да и в истории всей мировой литературы.

Ученый-теоретик, один из крупнейших исследователей азербайджанской литературы, Яшар Гараев по этому поводу отмечает: «В истории художественной мысли Востока первую женщину ренессансной природы и свежести (да и целую их плеяду) воссоздает Низами. Лейли и Мехин Бану, Ширин и Нушаба далеки от всякого средневекового покрывала — тюля, чадры, яшмага и тому подобных. Характерные им внутренняя стихия, свобода размышления и принятия решений, благородство и прозрачность — вот что считается главным богатством женщин в «Хамсе» («Пятерка»)» [5, с. 157].

Эта лаконичная, но меткая и точная оценка женских образов Низами, данная ученым, имеет большое значение в том плане, что она в силе адекватно отражать недостижимые успехи поэта в отношении к женщине в художественно-философском мышлении Востока в целом. Естественно, что различные исследователи творчества Низами в разные времена анализировали его женские образы, но именно Я. Гараеву удалось-таки обобщить существующие научные положения и дать исчерпывающую оценку творчеству выдающегося мыслителя.

Влияние положительного отношения Низами к женщине на последующих писателей очевидно, хотя мы встречаем у его последователей и негативное отношение к женщине. Например, азербайджанский поэт Авхади Марагалы в 1333 году написал свою энциклопедическую поэму «Джами-Джам», в которой находим неоднозначное отношение к женщине. В своей поэме он поучающе беседует о деяниях плохих женщин, призывает мужчин быть осторожными и бдительными в отношении к женщинам, не поддаваться женским соблазнам. По мнению поэта,

плохим женщинам не следует раскрывать глаза, учить их грамоте и давать образование [6].

Между тем положительные женские образы Низами в подавляющем большинстве своем просвещенные, образованные, знающие люди. Тем самым поэт подчеркивал, что женщины и мужчины играют одинаковые роли в обществе. В этом духе он хотел воспитать и перевоспитать своих современников и потомков, содействовать формированию у них уважительного отношения к женщине.

Следует отметить, что труд Низами в этом направлении не оказался напрасным. Так, в разных источниках констатируются уважительное и признательное отношение к женщинам, характерное для тюркской общественной среды, широко распространенные обычаи и традиции относительно заслуг женщин. Все это говорит о том, что Низами является уникальным мыслителем и поэтом в истории мировой литературы, поскольку восемь столетий назад поднятые им вопросы и данные на них порой на уровне современности ответы удивляют социологов и философов наших дней. Женщины, составляющие прекрасную половину человечества, в произведениях Низами нашли свое художественное отражение со всей красотой и величавостью, верностью и искренностью.

Одна из основных черт литературно-философских размышлений Низами заключается в его новом, прогрессивном подходе к личности женщин, составляющих половину человечества и лишенных играть надлежащую роль в жизни общества.

В этой области проведены определенные исследования, однако в новых исследованиях будут выявлены все феминистические взгляды поэта, дана их адекватная оценка. Это имеет немаловажное значение не только для литературоведения, но и для разрешения ряда проблем правового государства и гражданского общества в Азербайджане.

Литература:

1. Васильев К. Любовь. — Прогресс, 1982. — 384 с.
2. Мец А. Мусульманский ренессанс. — М.: Наука, 1973. — 475 с.
3. Шидфар Б.Я. Абу-ль-Аля Аль-Маарри. — М.: Наука, 1985. — 214 с.
4. Буниядов З. Азербайджанское государство Атабеков (1136—1225). — Баку
5. Элм, 1998. — 280 с.
6. Гараев Я. История: близкая и далекая. — Баку: Сабар, 1996. — 714 с.
7. Авхади М. Джамии-Джам. — Баку 1970. — 273 с.

Русская сентименталистская литература и азербайджанская научно-литературная среда

Насибова Лютвия Акиф, докторант
Нахичеванский государственный университет (Азербайджан)

В статье повествуется об основных направлениях, представителях и положениях русского сентиментализма в азербайджанской литературе, а также о творчестве Карамзина, Жуковского и Радищева. Особенно исследуются вопросы сентиментального творчества Карамзина, Жуковского и Радищева в Азербайджане, привлекается во внимание публикации их произведений на азербайджанском языке. А также говорится о роли межнациональных отношений перевода. Автор подчеркнул роль выдающихся азербайджанских специалистов – переводчиков в переводе шедевров русской литературы.

Ключевые слова: основные направления, сентиментализм, представители, межнациональные отношения.

Russian sentimentalism and Azerbaijan literary – scientific environment

The article deals about main directions, representatives and position of sentimentalism in the Russian literature and looks into Karamzin s, Jukovski s and Radishev s sentimental activities in Azerbaijan and Azeri language editions of the works brought to the center of attention.

Keywords: main directions, sentimentalism, representative, international relations.

Русско-азербайджанские литературные связи имеют богатую историю. Для глубокого растолковывание дружбу между народами, изучение историю литературных связей имеет очень большое значение. В конце девятнадцатого века русский и азербайджанский народ были тесно связаны. Литературные связи между Азербайджаном и Россией стремительно развились в 1820 годов. В развитии, расширении русско-азербайджанских литературных связей и пропаганде русской литературы, следует особо отметить роль выпускников Горийской семинарии. Первая любовь у азербайджанской интеллигенции к русской литературе воспламенялась именно в этом очаге знаний. Русская литература в широкой форме анализируется в азербайджанском литературоведении. Русский сентиментализм исследуется в азербайджанской литературе в примере творчества Радищева, Карамзина, Жуковского, и в раннем творчестве Крылова. Сентиментализм как литературное течение интересовал многих азербайджанских литераторов. [3, с. 113]

Один из лучших традиций связи русской литературы с азербайджанской литературой это перевод русской литературы на азербайджанский язык. Перевод проявил себя как средство межнациональных отношений тогда когда оно является необходимой. Литературный перевод является мостом дружбы между людьми говорящих на разных языках, имеющих разную психологическую природу, разные материальные и духовные дары. Оно сближает друг друга и не имеет ограничений в обогащении образцов мировой культуры. Заслуги писателей и литературоведов в области перевода художественных произ-

ведений достойной уважения и имеет очень важное значение в литературоведении. А. Бакыханов, С.А. Ширвани, Н.Везиров, Дж. Мамедкулизаде, Ф. Кочерли, А. Аквердиев, М.А. Сабир, А.Саххат, Р. Эфендиев, С.С. Ахундов, М.С. Ордубади, А. Шаик, Дж. Джаббарлы, С. Вургун, С. Рустам, М. Ибрагимов, Р. Рза, М. Рагим, Г. Мехди, С. Рахман, и другие переводя ценнейшие произведения русской литературы открыли широкие перспективы в развитии нашей литературы. [5, с. 213]

Непосредственное знакомство с наследием одного из яркого представителя сентиментализма А.Н. Радищева с азербайджанскими поэтами и писателями, мыслителями и просветителями совпадает на период Советской Власти. Путешествие из Петербурга в Москву – самая известная книга Александра Радищева. Опубликована в Российской империи в мае 1790 года. Работа печаталась без указания автора в домашней типографии Радищева. Повесть представляет собой собрание разрозненных фрагментов, связанных между собой названиями городов и деревень, мимо которых следует путешественник. Рассуждения о вопиющей несправедливости помещиков, которые не считают своих крепостных крестьян за людей, перемежаются соображениями по поводу некоторых правил личной гигиены. Так, например, смышлённые крестьянские девушки в отличие от развращённых светских дам понимают, что чистить зубы – вредно и отвратительно и «не сдирают каждый день лоску с зубов своих ни щетками, ни порошками». Кроме того, Радищев включил в повесть свою оду «Вольность» и «Слово о Ломоносове». Произведение писателя «Путешествие из Петербурга в Москву» было из-

дано в переводе Гусейна Шарифа в 1952 году. Как отметили, произведение состоит из отдельных глав. Главы в переводе были показаны как в оригинале, т.е. переводчик не переводил название городов и деревень. Во время перевода было использовано из архаизмов, диалектных слов и слов арабского и персидского происхождения. [19, с. 46]

Произведения Радищева «Вольность», «Журавли», «Эпитафия», «Идиллия», «Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?» напечатаны в периодической печати в 1949 году. В переводе этих стихов участвовали М. Рагим, М. Рзакулизаде, Г. Бабаев, А. Алибейли, Н. Рафибейли. «Идиллию» Радищева перевёл азербайджанский литературовед, истинный член НАНА (1989), доктор филологических наук (1970), профессор (1982) Бакир Наби, «Журавли» Анвар Алибейли, «Сафические Строфу» и «Эпитафию» Рафибейли Нигяр. М. Ибрагимовым, М. Рзакулизаде, М. Рафили, Г. Шарифовым и другими были написаны множество русских и азербайджанских статей о жизни и творчестве Радищева. [4, с. 5]

Русский сентиментализм превратился для азербайджанских исследователей в объект исследования. Большой заслугой в этой области получил исследование Мамеда Джафара. Он был критиком, литературоведом, переводчиком, прозаиком и дал ценнейший вклад на азербайджанскую литературу. Его статьи «Из истории азербайджано-русских литературных отношений» (1963) и самая ценная книга «Русская литература XIX века» вышедшая в 1970 году имеет большое значение для литературоведов и критиков. В критике Мамеда Джафара Карамзин, Радищев, Лермонтов, Пушкин, Достоевский и другие писатели как-бы заново перерождаются для азербайджанских читателей. В этих статьях революционный мыслитель Радищев оценивается как прекрасный публицист, выдающийся поэт, учёный материалист и писатель реалист. А также можно отметить статьи М. Рафили о произведении Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», М. Наджафовой «Русские классики на азербайджанском языке», М. Гулузаде «Выдающийся русский революционер-писатель-патриот», Гусейна Шарифова «Великий писатель и учёный» (к 150-летию со дня рождения писателя), Г. Мехдиева «Выдающийся русский писатель и революционный мыслитель» (к 200 летию со дня рождения). В этих статьях наследие Радищева глубоко анализируется и исследовано. До сих пор Азербайджанскими писателями и поэтами, мыслителями и просветителями в предреволюционный период не был найден ни один исторический документ, свидетельствующий о знакомстве наследия Радищева. Только можно сказать, что писатели декабристы, вдохновившиеся из его борьбы, рассказывали о нём своим азербайджанским друзьям. Передовые люди, мыслители и писатели первичную и обширную информацию о его произведении «Путешествие из Петербурга в Москву» слышали из ссылавшихся декабристов. [9, с. 3]

Один из исследователей отслеживающий творчество Радищева М. Джафар, написал много статей и произве-

дений, посвященных его творчеству. Мамед Джафар до конца своей жизни преследовал русское литературно-философское и общественно-эстетическое мнение, исследовал общие черты, и основные корни нашей близости. Основные статьи М. Джафара посвященное творчеству Радищева отобразились в следующих книгах «Русские классики» (1964), «Из истории азербайджано-русских связей» (1964). Учёный представил и исследовал Радищева как идейный предшественник русских литераторов XIX века. [7, с. 123]

Мамед Джафар в своей трёхтомной книге «Русская литература XIX века» рассказал о некоторых литературных вопросах, определил политическое и историческое значение литературных течений. Здесь он анализировал русский сентиментализм, обсудил его критическую традицию. Другие статьи о Радищеве были написаны директором издательства «Гейрет» Нахчыванского Государственного Университета, доктором философии по филологии, доцентом Вагифом Мамедовым. Он в своих статьях написанные в 1974 году «Вестник Вольности» и «Нехороший мятежник из Пугачёвы» обратил внимание на его революционное произведение «Путешествие из Петербурга в Москву» и доводил до читателя его протест на самодержавию. [11, с.4] Он отметил, что Радищев в этом произведении описал вымогательство царизма и горечью написал эти слова: «Звери алчные, пиявицы ненасытные, что крестьянам вы оставляете? то, чего отнять не можете — воздух, да, один воздух, отнимая нередко не только дар земной — хлеб, воду, но и самый свет. Закон запрещает отнять у крестьянина жизнь, но разве только мгновенно, а сколько способов отнять ее у него постепенно? Крестьянин в законе мертв — сказали вы, — но нет, он жив, он жив будет, если того захочет». [12, с. 3]

Родоначальником и ярчайшим представителем русского сентиментализма был Н.М. Карамзин. Он очень любим в Азербайджане и его произведения с большим интересом читаются нашими читателями. Сентиментальное превосходства творчество Карамзина, наследие французского литератора Ж.Ж. Руссо, отличающиеся своим широким общественным характером, знаком Азербайджанским просветителям начиная со времени А. Бакиханова и М.Ф. Ахундова — в первой половине XIX века. Азербайджанские просветители, обучающиеся в разных городах Российской империи и Западе знакомились с русской и европейской прессой, литературой, с некоторыми представителями и образцами западного сентиментализма, а также воспользовались этими материалами в своих творчествах. Наряду с другими классиками в Горийской Семинарии Учителей широко обучалась и наследие Карамзина. Большинство азербайджанских сентименталистов обучались в этой семинарии (А. Диванбекоглы, А. Кариб, А. Сабри и др). [10, с. 99]

Оценка М.Ф. Ахундова русским классикам единообразно оценкой русского критика В.Г. Белинского русским сентименталистам. Как известно, Белинский считал Ломоносова, Державина и Карамзина предшественни-

ками Пушкина. По словам Белинского, с Карамзина началась новая эпоха русской литературы. Карамзин дал толчок к разделению на определенные группировки и партии в тогдашней русской литературе, вследствие чего было поколеблено поклонение «незыблемым» правилам художественного творчества. Белинский определил место Карамзина не только как поэта, но и как языковед и историк, играющий роль в истории русской культуры. Один из литераторов, поэтов обратившийся к творчеству Карамзина, был Мамед Таги (Сидги) Ордубади. Его выступление по поводу 100-летия со дня рождения Пушкина очень значительно для истории литературных связей. В своем выступлении он отметил и творчество Карамзина играющее огромную роль в развитии истории русской литературы.

Со временем азербайджанские авторы стремились к сентиментальному творчеству Карамзина, не ограничились чтением произведений авторов как Жуковского, в своих статьях и книгах отметили их роль, а также перевели их произведения на родной язык. Еще в 1984 году писатель С.М. Ганизаде, в своем книге опубликованная под названием «Толмач русского языка», наряду с русскими классиками отделил место Карамзину, и особо остановился в его произведении «Бедная Лиза». В ряде других книг и периодических материалах творчество Карамзина было исследовано. В связи с интересом к творчеству Карамзина, сентименталистский писатель Алекпер Кариб перевел произведение Карамзина «Бедную Лизу» на азербайджанский язык. Творчество Карамзина было отслеживано и анализируемо, написано ряд статей. Статья Н. Мехди «Н.М. Карамзин» посвящена 180 летию со дня его рождения. Здесь он назвал Пушкина юным Карамзином. «Пушкин сохраняя только историческое значение творчества Карамзина, с большим художественным мастерством и яркостью развил его прогрессивную наклонность». [13, с.6]

Конкретный интерес к литературному наследию В.А. Жуковского, прославившейся своими сентиментально-романтическими стихами было во второй половине 19 века. Ахмедбек Джаваншири — бывший офицер русской армии, литератор — переводчик очень глубоко интересовался творчеством Жуковского. Он написал подражательные стихотворения для Жуковского, статьи о его творчестве, а также перевел несколько его произведений на азербайджанский язык. Обращение народного писателя Азербайджана, драматурга Мирмежди Сеидзаде на творчество Жуковского одно из неоспоримых фактов. Его переводы из произведения Жуковского с любовью читаются азербайджанскими читателями. В других источниках имеется информация о дружбе Мирза Казымбека с Жуковским. Именно в его поездке на Казань они встретились и там же подружились. Другой известный учёный — математик, ректор Хазарского Университета обратившийся к творчеству Жуковского это Гамлет Исаханлы. В многостороннее творчество Гамлета Исаханлы входит и его переводческие работы. Особенно, стихотво-

рений русских, английских и французских поэтов как В.А. Жуковского, Ф.Баратынского, Ф.И. Тютчева, А. Фета, Сергея Есенина, Николая Гумилёва, Анны Ахматовой, Аллы Ахундовой, Джорджа Гордона Байрона, В. Блейка, Р. Геррика и Ги Де Нервала из оригинала перевел на азербайджанский язык. Поэтические переводы азербайджанских переводчиков из английского, русского и французского языков был издан в книге «Поэтические переводы. Сборник, издательство Хазарского Университета, Баку, 2005» под редакторством Гамлета Исаханлы.

Научное отношение к русскому сентиментализму связано с учебниками и толковыми словарями посвященной теории литературы изданной в разное время в Азербайджане. В книге профессора М. Рафили «Введение в теорию литературы» [Баку, 1956] говоря о сентименталистах он характерным образом оценивал произведения из русских сентименталистов Карамзина «Бедную Лизу» и И.Ф. Богдановича «Душенька». [18, с. 261] В учебнике «Основы литературоведения» изданной в 1963 году для высших учебных заведений в Азербайджанском Государственном Университете сталкиваемся с одной спорной идеей. Так как предусматривая этот психологизм произведение Достоевского «Бедные люди» относится к сентиментализму. Еще более обширные научные идеи нашли свое место в учебнике Мир Джалала Панаха Халилова «Основы литературоведения» (последний выпуск относится к 2005 году). Здесь характерные особенности сентиментализма были проанализированы (18, с. 256—266). В учебнике Х. Алимйрзаева «Научно-теоретические основы литературоведения» отмечается что, русское литературное течение сентиментализм возник в русской литературе в особенной форме — как художественное выражение прогрессивно-просветительских взглядов дворянской интеллигенции. (стр. 395) Русские сентименталисты в этой книге очень высоко оцениваются. Научное отношение к сентиментализму привлекает внимание и в других толковых словарях А. Мирахмедова изданные в разные времена. В его книге «Литературоведение. Энциклопедический словарь» (Баку, 1998) говоря о сентиментализме исследуются произведения Карамзина, Богдановича и других сентименталистов. [2, с. 191] В книге академика Исы Габибейли «Теория литературы», русский сентиментализм подробным образом был оценен. [4, с. 50]

В некоторых диссертациях выражено определённое отношение к сентиментализму. В кандидатской диссертации Гусейна Гашимы на тему «Сентиментализм в азербайджанской литературе» [6, с. 9] выражено отношение русскому сентиментализму, были введены сопоставительные анализы. В книге этого автора «Изучение литературного течения — сентиментализма в курсе Теории литературы» (1990) имеется аналогичные анализы. Кандидатская диссертация Гасановой Самеры на тему «Сентиментализм в русской и азербайджанской литературе» (на основе творчества Н.М. Карамзина и И.Куткашенлы) (Баку, 2004) имеет яркое отражение в исследовании произведений двух гениальных литераторов.

Литература:

1. Алиев Р. Теория литературы. Баки, Мутарджим, 2008
2. Алимурзоев Х. Научно-теоретические основы литературоведения. Баки, Нурлан, 2008.
3. Алмамедов Алмамед Русско-азербайджанские литературные связи. Б., Язычы, 1982, 215 стр
4. Габиббейли Иса. Теория литературы. Баки, из-во учебно-методического кабинета Министерства Образования, 1985.
5. Гахраманов А. О русско-азербайджанских литературных связей. Баки, Азернешр. 1962, 367 стр.
6. Гашимлы Г. Кандидат. диссертация «Сентиментализм в азербайджанской литературе», Нахчыван, 1998.
7. Джафаров М.Дж. Жизнь и творчество. 2009, 208 стр.
8. Идаят Б. Великий революционный писатель//газета «Литература», 27 августа 1949 года, № 24
9. Кулизаде Мирзага А.Н. Радишев. Творческая путь выдающегося писателя.// газета «Коммунист», 31 августа 1949 года, № 171, стр 3–6.
10. Курбанов Ш. Страницы из жизни.Баки, Язычы, 1980, 430 стр.
11. Мамедов В. Вестник Вольности// газета «Шарк капысы», 31 августа 1974 года, № 204 стр. 4.
12. Мамедов В. Нехороший мятежник из Пугачёвы// газета «Светлая путь», 29 августа 1974 года, стр. 3.
13. Мехди Т.Н. М. Карамзин (180 летие со дня рождения)// Советская Грузия, 13 декабрь 1966 года, стр. 6.
14. Мирахмедова А. Литературовведение. Энциклопедический словарь. Баки, 1998.
15. Наджафова М. Русская классика на азербайджанском языке./ газета «Шарк капысы», 13 мая 1964 года, стр. 94.
16. Орлов П.А. Русский сентиментализм. М., Из-во Московского Университета, 1977.
17. Поэтические переводы. Первый сборник, издательство Хазарского Университета, Баки, 2005.
18. Рафили М. Введение в теорию литературы. Баки, 1956.
19. Шарифов Гусейн. Путешествие из Петербурга в Москву// газета «Шарк капысы», 21 августа 1969 года, стр. 46.

Лексический аспект создания образа Владимира Бельтова в романе «Кто виноват?»

Поленова Ольга Игоревна, студент

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

«<...> и в лице его как-то странно соединялись добродушный взгляд с насмешливыми губами, выражение порядочного человека с выражением баловня, следы скорбных дум с следами страстей, которые, кажется, не обуздывались».

Герцен А.И. «Кто виноват?»

В своей статье Исая Берлин, знакомя читателей с биографией А.И. Герцена, отмечает основные моменты его мировоззрения — «идея о сложности и неразрешимости главных человеческих проблем и, вследствие этого, абсурдности попыток их разрешения с помощью политических или социологических средств <...>» [3]. В связи с тем, что «<...> независимость [Герцена. — О.П.] от партии или учения и привычка высказывать самостоятельные и временами вызывающие замешательство суждения» [3] является одной из главных идей статьи, мы не станем говорить о времени создания произведения, а обратимся к проблемам человека в романе «Кто виноват?», к проблеме создания образа человека, вторгающегося в мир других людей, «виновного» в их дисгармонии.

Как отмечает Фреде Виктория в «Истории коллективного разочарования: дружба, нравственность и религиоз-

ность в дружеском кругу А.И. Герцена» [6], А.И. Герцен испытал и восторг, и сомнение, и разорванность, и метания, что, в конечном итоге, позволило ему провозгласить своим лозунгом следующие слова: «КАЖДЫЙ ОТВЕЧАЕТ ЗА СЕБЯ» [2]. Это проблемы, с которыми может столкнуться человек. Все они нашли свое отражение в романе «Кто виноват?». В романе каждый герой сталкивается с рядом проблем, ломающих его судьбу, при этом в ответе будет он сам за свои же поступки.

В конфликте Бельтова с Круциферским часто усматривают политический конфликт, но в данной работе мы рассмотрим семейный мир, столкнувшийся с противоречивой личностью «образованнейшего человека Владимира Бельтова» [2].

А.И. Герцен не раз говорит, что о существовании «Любоньки и скромного, милого Круциферского» можно

легко забыть, потому что и «рассказывать об этих четырех годах [их семейной жизни. — О.П.] нечего» [2]. Их мир не меняется, они не хотят его менять, их гармоничные отношения друг с другом и с окружающим миром стабильны. В их мире нет ничего резкого: даже лексика, подобранная автором для описания их жизни, не носит в себя агрессивного или отрицательного характера — «Яша ухватил за перчатку и вытягивал часы» [2] (предложение могло бы быть построено по-другому: «Яша ухватил за перчатку и выхватил часы»). Даже детская радость показана не резкой, импульсивной, какой она часто бывает, а размеренной, соответствующей миру родителей.

Немаловажно и то, что для Семена Ивановича Крупова «семья Круциферского — была его семья; он туда шел *пожить сердцем* <...>, отдохнуть, глядя на *их счастье* — [курсив мой. — О.П.]» [2]. Жизнью Любоньки и Дмитрия можно было восхищаться, другим людям приятно созерцать их счастье, любому будет уютно быть рядом с ними, они настоящие.

В своей работе «Художественное пространство в прозе Гоголя» [5] М.Ю. Лотман называет такой тип пространства, какой присущ Круциферским, «домашним»: для него характерен уют, радушие, гостеприимство, доброжелательность, в нем ничего не происходит. Именно гостеприимство станет для семьи учителя той причиной, которая станет «лазейкой» для вторжения чужого внешнего пространства в мир внутреннего спокойствия.

О том, что Владимир Бельтов поражает не только семью Круциферских своим неожиданным приездом, но и весь город, свидетельствуют следующий отрывок текста:

«Не прошло и месяца после *водворения* Бельтова в NN, как он успел уже приобрести ненависть всего помещичьего круга, что не мешало, впрочем, и чиновникам, с своей стороны, его ненавидеть» [2].

Слово «водворение», столь неожиданно введенное рассказчиком в текст, дает нам основания полагать, что герой активно вникал в жизнь города, так же активно, как и в семью Любоньки.

А указанное автором взаимное нерасположение Бельтова и высокопоставленных лиц лишней раз доказывает нам противоречивость его натуры.

Семья никогда никого не принимала, кроме Семена Ивановича, и вдруг их посещает совсем не знакомый человек. Бельтов располагает людей к себе, но при этом «хозяева немного сконфузились» [2], первое время им не о чем говорить. Но радость Бельтова и его желание общаться с образованным человеком берут свое, общение становится легким и открытым. Но это получилось потому, что Бельтову не было скучно, ведь он всегда «заботится о том, чтобы ему не было скучно» [4]. Когда Дубасовский приглашает его к себе на обед, Бельтов думает: «Скука будет смертная... А делать нечего, надобно ехать, а то обидится» [2]. Таким образом, Бельтов так же, как и Печорин, делает всё, чтобы сделать свою жизнь нескудной.

Бельтов по этой же причине хотел «вызвать Любовь Александровну на какой-то теплый ответ» [2]. Ему инте-

ресно проводить вечера в кругу Круциферских, ему нравится бросать взгляд на Любовь Александровну, заставляя её мучиться. Он, подобно Печорину, убежден, что его избранница его любит: «Скажу больше: вы не остались равнодушны ко мне; вероятно, иной вечер и вы меня ждали, я видел радость в ваших глазах при моем появлении — <...>» [2].

Владимир врывается в гармоничное течение жизни Круциферских и одерживает победу. Он легко может контролировать ситуацию, которую сам же создает: констатируя факт того, что Любовь скучает без него в его отсутствие, он вынуждает её признать, что она к нему не равнодушна, а потом и вовсе ставит её перед фактом, что можно любить одновременно нескольких людей:

— Вы не справедливы, — отвечала Круциферская дрожащим голосом, — я никогда *не скрывала моей дружбы* к вам, я не имела в этом нужды.

— Так отчего же, скажите, — возразил Бельтов, *схватив* её за руку и *крепко её сжимая*, — <...> я не имел силы прийти к ней [к женщине. — О.П.] и взять её за руку, и смотреть в глаза, и говорить... и говорить... и склонить свою усталую голову на её грудь.

— Оттого, — отвечала Круциферская *с какой-то отчаянной энергией*, — оттого, что эта женщина принадлежит другому и *любит его.. да! да! любит его от души*.

Бельтов *бросил* её руку.

— Представьте себе, что я именно этого ответа и не ждал, а теперь мне кажется, что другого и сделать нельзя. Однако позвольте, *разве непременно вы должны отвернуться от одного сочувствия другому, как будто любви у человека дается известная мера?* [2]

С появлением Владимира Бельтова в жизни Любви Круциферской её гармоничные отношения с жизнью исчезли, исчезли тишина и спокойствие. Это автор подчеркивает даже лексическими средствами: этот диалог с Бельтовым подчеркивается лексемами, связанными с резким и импульсивным поведением — «схватив (за руку)», «крепко сжимая», «с какой-то отчаянной энергией», «бросил». Он привнес в мир Любви Круциферской динамику жизни, стихию действия, к которой она не была готова. Она боится признаться себе в том, что любит Бельтова. Именно поэтому она говорит: «эта женщина принадлежит другому и *любит его.. да! да! любит его от души*», тем самым сама себя убеждая в том, что также, с прежней силой любит своего мужа. Она пытается противостоять Бельтову, но он намного активнее и продуманнее ведёт диалог, чем она.

Создание образа Бельтова во многом обеспечивается также рядами противопоставлений, которые приводит автор при обращении к своему герою. Этому способствует парадигма антонимическая парадигма, вводимая практически при каждом обращении к образу героя.

Приведём следующие примеры.

Когда Бельтов приезжает в город, он сразу же поражается своим ощущениям:

«Что значит эта *тишина*, — думал Бельтов, — глупую думу или глубокое бездумье, грусть или просто лень? Не поймешь. И отчего мне эта тишина так тягостна <...>? *Я люблю тишину*. Здесь не то. <...>» И Бельтов невольно переносился *в шумные кипящие народом улицы* других городков <...>» [2]

В этом отрывке противопоставляются постоянные вкусы героя с сиюминутными: обычно он ценит тишину, но сейчас тишина кажется ему ненужной, и он хочет шумного города. Противопоставляются концепты «тишина» и «шум».

«Всё ничего, сегодня идет, как вчера, все очень обихновенно, а вдруг пройдет страшное, нажито, прожито бездна. Так и было с Бельтовым: он *нажил и прожил бездну, но не установился*» [2].

Натура героя представляется нам не оформленной до конца, потому что, по словам рассказчика, он ещё не нашел своего места в жизни. Словосочетание «прожил бездну» и глагол «не установился» являются, на мой взгляд, контекстными антонимами, так как несут противоположенные смыслы.

Не менее показательным в отношении антонимической основы сюжета, влекущей за собой создание противоречивого образа Владимира Бельтова, является следующий фрагмент текста:

«Что же делал Бельтов в продолжение этих десяти лет?

Все или почти все.

Что он сделал?

Ничего или почти ничего» [2].

Когда читатель знакомится с этим эпизодом, он, несомненно, понимает, что Бельтов брался за многое, многое начинал, но никак не заканчивал своих начинаний, ничего в итоге не добившись. Перед нами яркое противопоставление стремления ко всему и настоящая жизнь без всего («все — ничего»), своеобразная антонимическая парадигма текста.

Рассмотренные выше примеры создания противоречивого образа Владимира Бельтова также позволяют читателю понимать события жизни героя как противоречивые, поворотные в его судьбе, но подчас неразрешимые.

В своем романе А.И. Герцен старается показать, что не важно, что произошло какая-то ситуация, возникла

какая-то проблема, а важно то, возможно ли найти правильный выход из ситуации и подходящее решение проблемы. Можно ли найти виноватых? Как выстоять в неоднозначно оцениваемых жизненных ситуациях? Автор в заключение своего романа наводит читателя на указанную во вступлении мысль: каждый отвечает за себя сам. Помимо этого, А.И. Герцен показывает, что противоречивые, неоднозначные ситуации могут оставаться без решения, то есть иногда решением проблемы бывает уход от её решения. Главная идея произведения — жизнь человека в ситуации неразрешимой проблемы. Роман основывается на богатом опыте писателя: А.И. Герцен создавал произведение тогда, когда сам осознал, что от «разговора с самим собой» об этом он «убежать» не сможет. Именно поэтому о произведении чаще всего пишут именно в сопоставлении с биографией писателя (о чём свидетельствуют рассмотренные работы).

Связи А.И. Герцена с произведением посвящена не одна статья Большой Советской Энциклопедии, в которой так же, как и в рассмотренных статьях, рассматривается стремление Александра Ивановича Герцена постигнуть связь природы и человека и, как следствие, размышления об истоках всего мирского, которые, в основе своей, являются вопросом «Кто виноват?» «в таком положении мироустройства и как его изменить» [1].

В заключение отметим, что, благодаря разным аспектам создания образа Бельтова (лексический аспект, аспект развития сюжета, аспект тех способов взаимодействия Бельтова с разными персонажами и т.д.) перед нами предстает образ человека, который привнес в уже сформировавшийся, готовый мир какие-то свои планы, что-то своё; он намного активнее, чем все лица романа. Поэтому активное начало Бельтова губит мир Круциферских, при этом причиняя страдания себе, поскольку он не может воплотить своё желание в жизнь — он не может быть вместе с Любовью Круциферской. Единственно от этого он страдает. Единственно это является причиной распада внутреннего «я» Бельтова и распада целого мира семьи. Он внес хаос в гармонию, теперь её невозможно восстановить, но вопрос всё равно остается открытым: виноват ли в этом Бельтов или это вина миропорядка.

Литература:

1. Большая советская энциклопедия. М., 1969—1978.
2. Герцен А.И. Кто виноват? М., 1989.
3. Исая Берлин Александр Герцен. (пер. с англ. И. Казаковой) // НЛО., 2001, № 49.
4. Лермонтов Ю.М. Стихотворения; Поэмы; Маскарад; Герой нашего времени. — Л., 1988.
5. Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988.
6. Фреде Виктория История коллективного разочарования: дружба, нравственность и религиозность в дружеском кругу А.И. Герцена — Н.П. Огарева 1830—1840-х гг. (пер. с англ. С. Силаковой) // НЛО., 2001, № 49.

Рецепция темы смерти в поэзии Олега Чухонцева 1990-х–2000-х годов

Рябцева Наталья Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент
Волгоградский государственный педагогический университет

Поэзия Олега Чухонцева — одно из ярких и самобытных явлений в современной русской поэзии. Природа художественного мировоззрения поэта философична и метафизична в своих основах. Особенно очевидно усиление онтологической проблематики проявилось в зрелой поэтике автора. Лирический герой поэзии Чухонцева 1990-х-2000-х годов — это современный человек, пребывающий в мучительном поиске ответов на «проклятые вопросы» бытия; человек, который, оказавшись в трагическом «просвете бытия» — «у бездны мрачной на краю», пытается нащупать спасительный путь из экзистенциального хаоса и пустоты к свету и гармонии.

Тема смерти — одна из сквозных тем зрелой поэзии Чухонцева. Феномен Танатоса осмыслен поэтом в религиозно-философском ключе, о чем свидетельствуют не только его зрелые стихи, но и немногочисленные интервью с автором. Сам поэт, размышляя о современном состоянии духовного упадка, писал, что «надо прожить умирание, то есть надо пройти путем Лазаря» [5, с. 75]. Стихи поэта 1990-х-2000-х годов можно условно объединить общим лирическим сюжетом пути — как поиска Истины во мраке Смерти. Очевидная религиозная доминанта зрелых стихов поэта вписана в историко-культурную парадигму, что оказывается созвучно философско-художественному осмыслению феномена русского Танатоса в целом, особенно в его модернистском варианте акмеизма. Не случайно наиболее сильное влияние на поэтику позднего Чухонцева оказала поэтическая метафизика О. Мандельштама, в частности, тот комплекс взглядов, который связан с «культурологией Смерти и метафизикой Танатоса, встретившихся на почве эллинских симпатий русской мысли» [1, с. 113]. Восприятие идеи смерти у зрелого Чухонцева отмечено чувством трагического стоицизма: лирический герой поэта пребывает в состоянии экзистенциального пограничья, осознавая себя в зияющей пустоте хаоса, но не отворачивает свой взгляд от бездны, а чутко глядывается «во тьму малевическую из мрака»:

и долго в темноту гляжу
зрачком по воздуху вожу
не знаю где не знаю кто я
и откуда

здесь или там не знаю сам
один и тот же снится сон
и просыпаюсь я на свет
а света нет. [6]

Примечательно, что экзистенциальное пограничье не оборачивается для героя зрелого Чухонцева ситуацией

трагического развоплощения сознания, двойничества, порождающего болезненно-мучительную рефлексивность, как это можно было наблюдать в его поэзии 1970-х годов. Тема смерти в стихах тех лет несла иную смысловую нагрузку: это смерть как окончательный рубеж, как финальная точка в конце пути, за которой — пустота и бездна мрака. Итогом пути становится «развоплощение» Я как путь обретения экзистенциальной свободы («Развоплощенность — это путь свободы»). В стихах 1990-х-2000-х годов, напротив, происходит «развоплощение» пространства, которое подвергается диффузии или абсолютному уничтожению, но лирический субъект сохраняет цельность Я, единство сознания, которое обеспечивается прежде всего причастностью его «голоса» к «голосам» культуры. Именно это позволяет поэту наметить спасительный путь к преодолению хаоса и смерти. «Танатос является феноменом, который можно определить в качестве необходимого элемента самой сердцевины онтологии культуры [1, с. 95]. Осознание смерти — пограничье бытия — побуждает героя Чухонцева актуализировать механизмы культурной памяти, приобщаясь к пространству Культуры и Логоса.

Для поэтической метафизики зрелого Чухонцева принципиально значима метафора ПУТИ как духовного поиска, который неизбывен и вечен в своей высшей сути. Недаром с таким очевидным постоянством в стихах этого периода появляются пространственные образы-мифологемы: «трамвая», «поезда», «корабля». Эти образы, ориентированные одновременно как на древнейшие культурные архетипы, так и на широкое поле литературных ассоциаций, могут быть осмыслены как пространственные медиаторы между пространством небытия и смерти и пространством света и жизни. Путь лирического героя из пространства небытия к пространству Жизни — сквозной мотив зрелой поэзии автора. Кульминацией художественных поисков поэта становится книга стихов 2003 года «Фифиа». Лирический сюжет книги может быть прочитан как путешествие поэта (культурного героя, находящегося на грани двух миров) к некоему сакральному Центру мифопоэтического космоса, символизированного в топосе Дома-Храма. «Тёмное», «незнаемое» пространство современности приближено к «инфернальным пределам», погружено во мрак и тьму. Чухонцев рисует своего рода антимир — пустой, безлюдный, бессловесный. Сама природа в нем лишена цельности — дисгармонична, что крайне нехарактерно для поэзии Чухонцева. В стихотворении «Стоит село...» картина всеобщего умирания представлена с помощью образов и мотивов, имеющих широкий спектр литературно-мифологических значений, многие из ко-

торых связаны со славянской мифологией: «черная ко- рова», «петух», трава полынь, Див и Дева-Обида, звезда, спящая в колодце, — все эти образы обретают в контексте стихотворения и книги в целом эсхатологи- ческие коннотации. Характерен образ безлюдного дома: «Стоит дом, / ни души в нем./ Хаты, хаты. / Где вы тут, ребята?/ Молчат хлопцы, / спит звезда в колодце, / а ударит ветер — прохрипит как петел, / и на тыщу лет / ни эха в ответ» [8, с. 258]. Примечательно, что уже в конце 1980-х годов Чухонцев, предвещая страшный конец эпохи «безвременья», обращался к мотиву разрушен- ного дома, антидома. Старение и разрушение дома — это знаки «эпохи упадка», в которую дом-корабль «вплыл, кособокий дредноут, пока не увяз / в переходном ландшафте, где кадки, сирень и крапива». Тогда же впервые возник образ «обезглавленного петуха» на фоне старого снесенного дома, символизирующий разрушение памяти, духовный тупик, в котором оказалась человеческая ци- вилизация, чьей судьбой отныне распоряжается океан: «Это как бы помимо меня своей жизнью живет./ Это в небо слепое летит обезглавленный петел,/ с черной плахи сорвавшись, и бешено крыльями бьет,/ и дощатые крылья сортиров срываются с петель» [8, с. 235].

Семантика смерти актуализируется уже в самом за- главии книги. «Фифиа» (*fifia*) в языке суахили имеет прямое значение («исчезать, рассеиваться; улетучи- ваться, иссякать»), а также переносное: «слабеть, чах- нуть; приходиться в упадок; деградировать; блекнуть, туск- неть, увядать» [4, с. 112]. Каждое из значений может быть реализовано в целостном контексте книги, однако обо- бщающим для всего образно-тематического комплекса будет лексема «исчезновения», которая реализуется в развитии трёх ключевых тематических групп:

- утрата Слова / звука и смысла бытия;
- потеря разума / тема безумия;
- исчезновение пространства.

Поэт реконструирует модель экзистенциального про- странства и пытается зафиксировать момент перехода внешнего квазипространства, исчезающего в беско- нечной череде фантазмагорий, в пространство сознания — пространство памяти и языка. «Всё здесь смешалось, греки и скифы, восток и запад — дуга / меркнет по гори- зонту и скоро море сольётся с сушей, / ночь развернёт проекцию мира, ближние берега / в дальние вдвинутся, размыкая время...» [8, с. 273]. В стихах Чухонцева как бы реконструируется процесс обратного течения времени — к доречевому состоянию воплощенного Хаоса, в которое погружена современная действительность. Недаром у Чу- хонцева появляется мотив «ночного языка», который можно трактовать как возвращение к добытийному хаосу мрака и безмолвия. Человеческая речь напоминает дикий вой, хрип, ор: «Я хочу, я пытаюсь сказать, но / вырывает- ся из горла хрип...» [8, с. 286]. Сквозным становится мотив *невозможности речи* в этих «варварских ойку- менах мира», утративших связь с Абсолютом, — в мире, оставшемся без Бога:

Господи, дай совет,
как без Тебя жить:
песню без слов сложить
или затворить уста,
имя всему: тщета? [7]

Для героя Чухонцева путь преодоления Смерти и Хаоса становится путем к обретению Логоса: от варварской речи в мире нежити он приходит к Слову-Молитве. Герой Чу- хонцева не слышит ничего, кроме птичьего пения, и за- бывает все «мирские» слова, кроме молитвы: «Ничего, опричь молитвы, и не помню, окромя: / Мати Божия, За- ступнице в скорбех, помилуй мя» [8, с. 305]. Простран- ство Логоса осмыслено у Чухонцева как метафизическое пространство Духа — за границей и жизни и смерти:

И то не ужас — нет названия
на человеческом, а Божие —
где знать? — еще не умирание,
но и не жизнь, а нечто большее... [7]

Важно подчеркнуть, что пространство языка осмы- слено поэтом не просто как знаковая реальность текста, но именно как сакральная реальность Логоса, которая связы- вает человека с инобытием Духа. Такой подход к феномену Танатоса весьма показателен в свете общих дискуссий сов- ременных культурологов и философов о кризисе культуры сквозь призму танатологической идеи. Прежде всего отме- чается разрыв связи человеческого бытия со сферой тран- сцендентной реальности: «Из жизни стали исчезать свя- щенная норма, священный текст, священный символ, сокровенные сферы — все то, что связывало бытие чело- века с трансцендентной реальностью» [3, с. 129]. Симво- лическим воплощением пространства Логоса становится у Чухонцева образ незыблемого Храма. В стихотворении об Ионе-пророке из книги «Фифиа» путь к Храму лежит через духовное перерождение — это путь умирания-возро- ждения. Иона-пророк, «заклоченный во чрево кита», пы- тается молитвой «оборотить строптивость ума», преодолеть «темноту-тесноту» обступающего хаоса, собственного без- верия и отчаяния. Кит рассекает воды времени, воды языка, в глубину которых устремляется лирическое Я поэта. Путь к храму, к сакральному центру, — это путь «от мирского к сакральному, от эфемерного и иллюзорного к реальности и вечности, от смерти к жизни, от человеческого к Божест- венному» [9, 32–33]. Итогом пути в книге «Фифиа» ста- новится образ «храма златоглавого» в «белом городе» на «белой горе», однако, примечательно, что в стихотворении изображена лирическая ситуация, в которой герой не до- стигает цели своего метафизического пути — цель лишь обозначена, а герой пребывает в духовном поиске, в дви- жении к храму, о чем свидетельствует форма будущего вре- мени глагола: «Я пойду туда, неслух, повиниться./ перед храмом в пыль-песок повалиться.../ не суди меня, Господь, судом строгим,/ а суди, Господь, судом милосердным, / как разбойника прости и помилуй...» [8, с. 313].

Символично, что книга «Фифиа» заканчивается образом Дома-Храма, а открывается образом Дома-Сада. Учитывая циклическую композицию книги, а также актуализируемую на протяжении всего сюжета семантику «вечного возвращения», эти топосы обретают особую значимость и между ними устанавливается определенная смысловая корреляция. Образ Дома-Храма в финале обращает читателя к началу книги. Таким образом, даже на сюжетно-композиционном уровне реализуется идея преодоления смерти. Чухонцев создает предметную в своей бытовой конкретике картину посмертного пира как вечного торжества жизни:

Как странно, однако, из давности лет
увидеть: мы живы, а нас уже нет.
Мы рядом, мы живы, и я под тутой
еще и не старый, еще молодой. [8, с. 276]

Примечательно, что поэт, обозначая пространственные характеристики («под тутовым деревом, в горном

саду»), избегает временных примет («в каком-то семействе, в каком-то году»). Хронотоп произведения структурирован в соответствии с космогонической символической мифопоэтической модели пространства, которая противопоставлена мотиву умирания-исчезновения, реализованной в исторической модели пространства. Пространство, локализованное в топосе райского сада, расширяется до бесконечности за счет причастности к вертикальной структуре времени, актуализированной сравнением время-дерево.

Таким образом, в зрелой поэзии Чухонцева танатологическая идея обретает устойчивые пространственные характеристики, вписанные в структуру мифопоэтического космоса, и актуализируется прежде всего в мотиве исчезновения — пространства, смысла, Слова. На пути к Дому Языка, к Храму пребывает герой зрелой лирики Чухонцева, проходящий «путем Лазаря», изживающий молитвой бездны хаоса, заново воссоздавая утраченный Космос.

Литература:

1. Исупов К.Г. Русская танатология смерти // Вопросы философии. — 1994. — №3. — С. 106–115.
2. Величко С.А. Трансформация роли танатоса в современной европейской культуре // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Культурология. Политология. Социология». Том 23 (62). 2010. №1. С. 93–100.
3. Дудник С.И. Кризис культуры в контексте современных дискуссий и оценок / С.И. Дудник. — СПб.: Санкт-Петербургское филос. об-во, 2001. — С. 128–136.
4. Суахили-русский словарь: ок. 30 000 слов / Н.В. Громова, В.Г. Макаренко, Е.Н. Мячина, Н.Г. Фёдорова; под ред. Е.Н. Мячиной. — М.: Русский язык, 1987.
5. Чухонцев О. Спорить о стихах: беседа с поэтом О. Чухонцевым / записал И. Шайтанов // Арион. — 2004. — №4. — С. 61–75.
6. Чухонцев О. Осьмерицы // Арион. — 2010. — №3. <http://arion.ru/>.
7. Чухонцев О. Голоса // Арион. — 2008. — №2 <http://arion.ru/>.
8. Чухонцев О. Из сих пределов. — М.: ОГИ, 2005.
9. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. Архетипы и повторяемость; пер. с фр. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой. — СПб: Алетейя, 1998.

3. НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Traditional World View of Kazakhs expressed in Discourse of Wishes

Иманжусупова Светлана Улановна, преподаватель
Казахско-Американский университет (г. Алматы)

Traditional culture of every nation expressed in music, literature, customs and rituals reveal folk specific world view and relationships among people within a society that, in its turn, is based on the main human moral values developed and passed from generation to generation purposing to prevent human extinction. In this article we are especially interested in features of national uniqueness shown in the language, for it is the important tool of perceiving world surrounded, analyzing its destiny turns and functioning of natural laws. More over nomadic way of life made people save social and cultural heritage mainly in speech patterns, which as a result of it, have been expressed in great deal of colloquial speech samples.

In Kazakh nomadic culture linguistic picture of the world and the place of a human in it can be particularly viewed through folk traditional genres as wishes and blessings. Here «world» is recognized both as an interaction of a man and nature surrounded, and as a result of information collected and processed for a long period of history.

Belief that «word» is not only the source of keeping information about the universe around and transmitting it from ancestors in past to descendants in future, but that the reality is made, first of all, by *word* calling to life objects needed, predetermined occurrence and development of such folk traditions as good wishes and blessings. In Turkic culture where during ages *word* has been a way to discover and develop the world, integrity of triad «*thought – word – act*» was significantly strong and indestructible [1, p.6].

In this short article we are trying to reveal some features of Kazakhs picture of the world through one piece of the unique national genre as ‘bata’ (synonyms: ‘algis soz’, ‘tilek’) – traditional Turkic blessing. Good wishes and blessings are some speech acts used *at*, *before* or *after* some specific events according to the reasons of occasions: celebrating birth of a baby, arranging marriage, building home, buying something, leaving for a trip, starting business, welcoming guests etc., which were evidently originated from prayers, spells intended to influence super-nature (spirits, God, devil) and through them the world itself [2].

Intention to protect and keep human save, call good luck and set on the right direction, etc. brought to life such genre of folklore known as blessing or good wish.

Kazakh blessings are patterns, often poetical and using metaphors, aphorisms of wishing good, giving advice or di-

rections for the future with always positive semantic ever applied to definite person, though there are common, unified wishes containing universal intentions which can suit everyone. Bata – has ever been an integral part of eating etiquette and all customs of life cycle. This genre of folk culture is the least changed in spite of modernization of Kazakh society. This tradition is still kept both in cities and in the country.

In nomadic culture where *word* has been especially respected the abundance of speech patterns has formed the unique genre of blessings that can be classified as:

- blessings before starting a trip;
- blessings to a baby born;
- marriage blessings;
- meal blessings;
- «algis bata» – blessings for charity and kindness;
- «zhana aidyn batasy» – blessings for the new moon;
- initial blessings (shash alu (cutting baby hair), besikke salu (putting into a cradle), atka mingizu (mounting a horse), etc.);
- birthday blessings (devoted to each from 12-cycled chronology of human life)
- and great deal of others.

Hidden in tongue unique ability for modeling the world wished could be realized by poetic speech enriched by a metaphor, aphorism and even parable. Here is stated one sample of good wish chosen among many others.

«Oak tree is thick (wide) and despite its leaves are thick, when strong wind (storm) blows – it can be pulled out from under ground with roots up. As for birch, though it is thin and gentle, after storm it quickly recovers (because can bow, bend, be flexible) and stays the same oiling again its leaves by sunshine.

Let a hero of this occasion appear like birch – when in life and business any troubles and trials occur – remain a strong, respectable and true mate.

My friend, let your honor rise, your deeds flame like fire! Be respected and happy, live long surrounded by sons, daughters, relatives and friends!» (trnsl. from author)

A tree was a symbol of a tribe in traditional Turkic world view [3, pp.8–30]. Social relationships and links to nature were described by this universe. Trees and plants served indicators of time making visual change of seasons as well as life

boundaries. Semantic base lays in «likeness» or «identity» of human and plant through: seed, bud, branches, young stalks, trunk, roots etc.

If you travel about Kazakhstan here and there you can see trees with colorful pieces of cloth tied to tree branches.

No wonder that the main symbol in the following discourse of blessing is a *tree*. Tree in nomadic culture always symbolizes life itself. Roots of a tree – low world – mean ancestors. Trunk-present time – means living humanity. Branches with new leaves – young generation – are future descendants. Like tree human comes to this world, lives and returns into universe. This is way which unites every man on the earth. In kosmogonik view of ancient Turks world was divided into three: higher, middle and underground levels. Just unto these three levels horizontally is put symbol of the world – tree [4].

Mythological world had its center in the place where earth and sky came together. World mountain – Askar Tau was situated there. World tree – Baiterek grew on the top of it. The tree was just the vertical structure of universe. Baiterek was the very axis of life and symbol of existence, well – being [5, p.322], [6, p.83]. In Nogay (descendants of one of Turkic tribes) culture human death has been often compared with a tree tumbled down [7, p.93].

Baiterek was not just a common tree, but the way to Heaven, to the throne of Great Tengry [8].

The 'bata' above represents world view of Kazakhs through symbolic things: two kinds of trees, where one is big and strong; while the other is slim and delicate. World of trees shows division into different kinds of nature according to «hard» and «soft» (deciduous and coniferous). The same is with humans: some are strong, like oaks; others – are not visually, yet can survive in hard times.

Here oak tree is like a person who tries to fight against hardship without being pliable and flexible or gives in facing

trouble. When trials and difficulties come it is better to step back and have time of rest, because power a person is going to strike against can appear more dangerous and unpredictable than had been expected and can destroy and break everything on its way. As we see, great storm can ruin human without giving a chance to leave a generation after.

Just in opposite, birch is like a person that can become obedient and soft when experiencing hardship; can accept situation without rising against; can be patient flexible till difficulties pass away. This way of behavior means life and opportunity to survive and stay long enjoying time given.

Strong wind, storm here is great and evil power, blowing away everything and everybody on its way, can appear suddenly and unexpectedly from nowhere. And the intention of this blessing is to warn and encourage human to stay strong and steady, be patient and complaisant if needed, because every storm has its end and life is going on again.

Logical understanding of world is shown in the 'bata' through *good* and *bad* that takes place in real life and wise attitude to these things. Educational moment is realized in comparing two pictures: of oak tree and birch – the result of two different attitudes to difficulties that can teach a good example to behave and learn.

Thus, through just a little, but amazing Kazakh blessing we have a short glance at one tiny piece of manifestation of Kazakh picture world, people's traditional way of thinking, specific attitude to eternal matters, special traits of national character and hierarchy of social values. This very pattern clearly represents the main features of standard cultural heritage mentioned above for the language reflects, fixes and transmits national information gathered in reality, being the main source of ethno-cultural information. This cultural heritage prevents society from extinction and serves as a source for both surviving and well-being of humanity as a whole.

Sources:

1. A.M. Sagalaev, I.V. Oktjabrskaya. Traditional world view of South Siberian Turks. Novosibirsk. «Nauka». 1990. Pp.6–8.
2. B.Bgazhnokov: <http://www.djeguako.ru/content/view/108/1/>
3. A.M. Sagalaev, I.V. Oktjabrskaya. Traditional world view of South Siberian Turks. Novosibirsk. «Nauka». 1990. Pp.8–31.
4. moeimja.kz/muzhskie-imena/bajzak.html
5. E.D. Tursunov. Origin of Kazakh folklore representatives. Almaty: Daik-Press, 2004. P. 322.
6. E.D. Tursunov. Ancient Turkic folklore: origin and development. Almaty: Daik-Press, 2001, p. 83.
7. Isen Bii Қапаев. Alem Dunia. Nogai mythological universe. dalaruh.kz/articles/view/93.
8. A.K. Bisenbaev. Myths of ancient Turks. [www.eurasica.ru/articles/library/ak_bisenbaev_mify_drevnih.../5/abisenbayev \[@\]kp.kz Asylbek Knarovitch](http://www.eurasica.ru/articles/library/ak_bisenbaev_mify_drevnih.../5/abisenbayev [@]kp.kz Asylbek Knarovitch).

4. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Черты неореализма в романе В.С. Маканина «Испуг»

Кливенкова Дарья Алексеевна
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

В работе представлен краткий обзор истории изучения неореализма конца XX — начала XXI века. Изучены черты неореализма на примере романа В.С. Маканина «Испуг».

Ключевые слова: неореализм, современная русская литература, мотив, телоцентризм.

Термин «неореализм» в современной русской литературе, а точнее, в русской литературной критике, как отмечает С.Л. Беляков, впервые прозвучал около десяти лет назад [3]. За этот долгий срок у теории существования нового направления, именуемого неореализмом, появилось множество сторонников и противников. Есть также и те, кто придерживается золотой середины, то есть утверждают, что неореализм существует как переходная стадия на пути к новой литературе, или, возможно, является тупиковой ветвью её развития. Так, к сторонникам неореализма можно отнести С.А. Шаргунова, В.Е. Пустовую, Е.А. Ермолина, А.Г. Рудалева. К противникам — С.Л. Белякова, М. Антоничеву, Д. Маркову. Исследователи, называющие неореализм несформировавшимся пока направлением — А.А. Ганиева, С.М. Казначеева, А.Е. Рекемчук, С.И. Чупринин, И.А. Романов. По мнению С.Л. Белякова, вера молодых критиков С.А. Шаргунова и В.Е. Пустовой, которых он считает основоположниками термина «неореализм», в существование нового литературного направления — это реакция на кризис господствующей литературы [3]. Так, С.А. Шаргунов в своём манифесте неореализма «Отрицание траура» пишет, что он возник как альтернатива постмодернизму и благодаря ему по-новому задышит традиционная литература [13]. Ощущение духовной пустоты и бедности современного общества породило необходимость поиска новой литературы, которую можно было бы противопоставить уже наскучившей. Однако определение неореализма в ряды литературных направлений и методов всё же преждевременно. Должны быть «неопровержимые» доказательства, которых пока нет.

В настоящее время писатели не пишут, придерживаясь какого-то конкретного направления, в современном мире уже невозможно удержание литературных процессов в рамках одного направления. Однако мотивы, настроения, общие черты произведений формируются под воздействием на писателя духа времени. Сформировавшееся мироощущение, по нашему мнению, и можно назвать неореализмом. Неореализм — это «нечто между постмо-

дернизмом и тем, что нас ожидает», как справедливо отмечает А.А. Ганиева [4]. Термин «неореализм» обозначает движение литературы, а не её конечную точку.

Проанализировав определения неореализма, которые дают современные критики, можно выделить основные черты неореалистической литературы. Их роль в произведении мы рассмотрим на примере романа В.С. Маканина «Испуг». Этот роман выбран предметом нашего исследования, поскольку он является ярким примером современной литературы со всеми чертами неореалистического мироощущения. На его примере мы проследим использование художественных приемов, характерных для неореалистической эстетики.

Основными маркировками неореализма можно назвать следующие черты и мотивы:

— «мир как хаос», «кризис авторитетов», телоцентризм, разлад идеала и действительности, противопоставление «я» и общества, установка на экзистенциальный тупик, неудовлетворенность и трагический жест, фрагментарность, биполярность; мотивы противоречивости, трансформации, протестности, перемещения, отращения, отчуждения, побега, смерти, пустоты и отсутствия (А.А. Ганиева) [4], [5];

— пессимизм, эсхатологические настроения (С.М. Казначеев) [6];

— синкретичность, неоднородность художественного мышления, одновременное использование нескольких традиций, синкретизм элементов различных художественных методов, синтез различных искусств, стремление к максимальной искренности и исповедальности, повествование от первого лица, смена в одном тексте повествовательных лиц, эпатажность, мотивы одиночества и непонимания (И. А. Романов) [12].

Роман «Испуг» В.С. Маканина как нельзя лучше подходит для иллюстрации вышеперечисленных неореалистических черт. Он был опубликован в 2006 году. А.И. Агеев отмечает, что в творчестве В.С. Маканина с 2000-х годов произошел коренной перелом [1]. Писатель отошел от своих прежних тем и приёмов, находится в по-

иске, он «сбежал в пустынное пространство», где сможет создать что-то непохожее на предыдущие произведения [1]. Как отмечалось ранее, неореализм — это движение в сторону новой литературы, переходный этап в её истории. Маканин почувствовал это и в своих произведениях следует духу времени.

Анализ романа «Испуг», по нашему мнению, следует начать с истории его написания. Главы романа публиковались отдельными рассказами и повестями в журнале «Новый мир» в течение пяти лет. Они входили в цикл «Высокая-высокая луна» и объединялись сквозными персонажами: главным героем Петром Петровичем Алабиным, его соседом Петром Ивановичем, и внучатым племянником главного героя Олешкой, Луной. Место действия также совпадало во всех рассказах — подмосковный дачный поселок (где-то около Малаховки) и иногда — Москва. Однако не все рассказы из цикла вошли в роман «Испуг». За пределами романа оказались рассказы «Долгожители», «Однодневная война», «Могли ли демократы написать гимн...» и повесть «Коса — пока роса». В этой повести появляется образ смерти, воплощенный в старухе Михеевне. И решение писателя не включать в роман повесть, в которой главный герой умирает, по нашему мнению, заслуживает особого внимания. Так, А.С. Немзер высказывает предположения о том, что писатель пожалел своего героя или же решил сделать для него исключение (многие друзья и знакомые Алабина умирают), так как герой очень сильно цепляется за жизнь [9]. По нашему мнению, повесть «Коса — пока роса» является ключом к пониманию романа. Сюжет романа прост — старик Алабин каждую лунную ночь, различными способами ищет близости с молоденькими женщинами. Тем самым он пытается почувствовать, что он ещё живой, что его, как старика, не списали со всех счетов. Главы с повторяющейся схемой следуют друг за другом, и роман неожиданно заканчивается. При поверхностном прочтении романа можно предположить, что это произведение — своеобразная шутка писателя над читателями, игра как элемент постмодернистской эстетики. Содержание повести опровергает такое мнение — после её прочтения весь роман приобретает драматический характер из-за тщетности всех попыток человека сохранить свою жизнь. Повесть не включена в роман для того, чтобы над его замыслом нужно было «потрудиться»: заставить читателя отстраниться от натуралистических подробностей, размышлять, докапываться до сути. Таким образом, повесть представляет собой подсказку, а замысел текста частично вынесен за его пределы.

Как отмечалось ранее, неореалистические произведения отличает тесная связь с другими видами искусства. Анализируя роман «Испуг», можно четко проследить его связь с кинематографом и живописью. Каждая глава романа — повторяющийся сюжет, иногда погруженный в разную обстановку (дачный поселок, психиатрическая больница, Белый дом), всегда с разными героями, но с одинаковыми ощущениями героя. Создается эффект смены слайдов, который описан в романе в главе

«Нимфа». Это глава, как отмечает М.Ф. Амосин, является ключом к пониманию художественного пространства текста — нужно «переиграть» данный план реальности, «приватизировать» и тем самым опровергнуть его» [2]. «Пересев на другое место», поменяв угол зрения, можно увидеть роман с другой стороны. Таким образом, можно сделать вывод о том, что главы романа изображают события, разворачивающиеся по одной схеме, для того, чтобы отстраниться от событийного ряда и обратить внимание на их смысл, на причину этих событий.

Кинематографическое письмо отличает главу «Белый дом без политики», которая написана динамично, со сменой кадров и планов, с картинной рельефностью деталей [2]. В главе «Нимфа» также много описаний полотен художников, которые отличает точная прорисовка. Так, можно отметить, что в современном мире искусства не могут существовать разобщено, происходит их взаимодействие, некая «глобализация», и литература принимает художественные приёмы других видов искусств.

Смена в одном тексте повествовательных лиц также характерна для рассматриваемого романа В.С. Маканина. Часть повествования ведется от первого лица. М.Ф. Амосин отмечает, что Маканин благодаря этому типу повествования показывает драматизм старческого цепляния за жизнь, когда цепляющийся согласен на любые условия — только бы захватить еще один «миг» жизни [2]. Сам автор пишет, что такое повествование является ключом к прочтению героя, читатель сам должен найти своё прочтение, находясь с ним «в поминутно-примитивной» связи [7]. Такая точка зрения, по мнению В.В. Козлова, разбивает все стереотипы, оживляет их свежим взглядом с его чувственной, грязноватой и простоватой конкретикой [7]. Однако в тексте происходит переход к повествованию от третьего лица. Иногда смена происходит в рамках одного предложения: «Старикан знал (Я отлично знал)» [8, с. 402]. С помощью этого приема у читателя создается впечатление, что рассказчик — это тот же главный герой Алабин, который рассказывает ему свою историю и повествование приобретает доверительный и исповедальный тон.

События романа разворачиваются на вполне реалистическом фоне: упоминается война в Чечне, описывается обстрел Белого дома. Писателем изображаются все реалии современного общества — социальное изгойство старшего поколения, потерянности людей, вернувшихся с войны, моральная деградация общества. Вместе с тем, события, находящиеся в центре повествования могут вызвать у читателя сомнения. Так, сцены соблазнения стариком молодых женщин, мужская сила пожилого человека явно не «типические характеры в типических обстоятельствах», как отмечают в своей статье О.И. Новикова и В.И. Новиков. По их мнению, этот сдвиг по оси исторической поэтики использован с целью высветить вечное в новой, хаотичной реальности [10]. Того же мнения придерживается М.Ф. Амосин, утверждая, что главным художественным эффектом романа является «творческая фальси-

фикация реальности» [2]. Кульминацией этого эффекта являются главы «Белый дом без политики» и «Старики и белый дом», описывающие два варианта одного и того же события — действий главного героя во время обстрела Белого дома. На протяжении всего романа повторением одного и того же сюжета из главы в главу, писатель заставляет поверить в реальность происходящего или хотя бы даёт время свыкнуться с этой мыслью. Последней же главой Маканин окончательно стирает границу реального. Время в романе запутанно, многие образы и ситуации дwoятся, как отмечает М.Ф. Арусин. Так, Олег в главе «Неадекватен» — солдат, воевавший в Чечне, однако бодрый и современный, уверенный в себе. А в главе «В утробе» тот же герой предстаёт как человек не просто контуженный, а раздавленный войной, без желаний и вкуса к жизни. Таким же он представлен и в главе «Танки проехали» [2]. Таким образом, можно сделать вывод, что приём «творческой фальсификации реальности», противоречивости применяется автором для перенесения внимания с внешней стороны событий на их внутреннее содержание.

Проблемы, основные идеи романа В.С. Маканина «Испуг» можно рассмотреть сквозь призму мотивов произведения.

Первый мотив, который необходимо выделить, — это мотив телоцентризма. «Испуг» недаром был воспринят как эротический роман. Молодость, женское тело в нём возведены в культ. Основную часть романа составляют откровенные описания, сластолюбивые мысли героя. Причем герой считает свой образ жизни естественным. Такую ситуацию в обществе в некотором смысле предсказывал Ортега-и-Гассет в своей работе «Дегуманизация искусства». В современной культуре исчезает всё человеческое, исчезает «живая реальность» [11, с. 89]. Культ тела возникает из-за духовной пустоты, чувственные наслаждения заменяют духовность.

Телоцентризм тесно связан с другим мотивом современной литературы — мотивом побега. Как отмечает И.А. Романов, телоцентризм является одной из форм побега от действительности. Другими примерами побега в романе В.С. Маканина являются: обращение к наркотикам (героиня Даша), к историческим книгам (Петр Иванович), культуре прошлого, а именно — растворение в программах «Пятого канала» (Гоша Гвоздёв, Дробышев). Побег с помощью чувственных наслаждений выбирает не только главный герой, но и ещё несколько стариков в главе «Нимфа» — Чижов, Дибькин, Ключкин. Жить в настоящем героям невозможно по социальным, психологическим причинам. Жизнь стариков изменилась: в них остался дух, но уже нет сил на то, чтобы что-то изменить: «Мое поколение захлебнулось. Кончилось. Нас нет. А в тех, кто за нами, уже нет порыва... В них жизнь, много жизни, но в них не найти того, что клокотало и тихо-тихо все еще клокочет в нас... Увы... Они другие» [8, с. 183]. У молодых есть силы, но нет желания что-то менять. Поэтомu все поколения выбирают эскапизм как выход.

Мотив отчуждения проявляется в противопоставленности «я» героя и общества. Так, героя романа «Испуг» старика Алабина общество награждает прозвищами «шиз», «сатирмэн», «лунный старик», и диагнозом «неадекватен». Мотив отчуждения связан с темой «забытого» старшего поколения («Наше поколение отстрелялось. Мы во тьме») [8, с. 121]. Изгнание из общества, ненужность собственной стране порождают чувство одиночества, которое выступает следующим мотивом произведения. Все герои романа одиноки: главный герой, все женщины, которых он встречает, его племянник. От одиночества сбегают к вещам, нелюбимым людям, пьянству. Мотив одиночества в произведениях существовал во все времена, однако в современной литературе, в частности, в романе «Испуг» он приобрел всеобщий, всепоглощающий характер.

Мотив перемещения — ещё один мотив романа «Испуг». Алабин постоянно двигается в пространстве. Каждую ночь он кружит по поселку: «Теперь я бродил без всякой цели... Каждую ночь! Как только луна!.. Без смысла... Без надежды...<...> Кружил и кружил по дорогам» [8, с. 28]. Внутренняя необходимость в движении свидетельствует о душевных переживаниях, отсутствии каких-либо привязанностей.

Мотив страха также характерен для рассматриваемого романа. Страх пронизывает современную жизнь. Страх смерти движет поступками героя, страх реальной жизни заставляет уйти от реальности. Страх выступает не только как естественная реакция человека на неопределенности и опасности («страх — здоровое чувство») [8, с. 164], но и как метафизическое чувство, способное управлять людьми (страх собрал толпу стариков перед Белым домом). У страха в тексте существует множество оттенков: «я ощутил несильный, но как бы оживший внутри меня холодок страха», «Я уже ясно слышал страх. Холодок полз», «Я испугался всерьез. Хорошо помню. Это был страх» [8]. Страх является неотъемлемой частью современной жизни.

Мотив смерти придаёт повествованию пессимистическое настроение. Главный герой видит смерть друзей, боится её, думает о ней: «Старику, если он технарш по образованию, обмануться смертью как парадоксом ничуть не проще и не легче... Ушел в бесконечность. Ушел за бесконечность... Туда?.. Но если туда уходило целое поколение. Наше поколение...» [8, с. 145]. Данный мотив — обращение к вечному вопросу, вечной теме. Он проходит через весь роман и связан с главной темой произведения — темой страха перед смертью.

Сочетание в романе мотивов телоцентризма, побега, одиночества, отчуждения, перемещения, противоречивости, страха, смерти; повествование от первого лица, заимствования художественных приёмов из кинематографа и живописи, смены в одном тексте повествовательных лиц, приёма фальсификации реальности, игры с читателем говорят о неоднородности художественного мышления писателя, одновременном использовании нескольких традиций (постмодернизма, реализма, роман-

тизма). Формируется новый стиль письма, который и называют неореализмом.

В нашей статье мы обратили внимание на актуальную и дискуссионную на сегодняшний день тему неореализма в русской литературе. Придерживаясь мнения исследователей о неореализме как о формирующемся направлении, мироощущении современной литературы, мы обобщили характерные для него черты и рассмотрели их использо-

вание на примере романа В.С. Маканина «Испуг». Опираясь на проделанную работу, можно сделать вывод о том, что теоретические положения находят подтверждение на практике. А это значит, что роман «Испуг» можно отнести к произведению неореалистической литературы. Творческий метод В.С. Маканина, как и вся современная литература, переживает переходный этап, и время покажет, к чему это приведёт.

Литература:

1. Агеев А.И. Гражданин убегающий [Электронный ресурс] // Журнальный зал: электронная библиотека. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/5/aa17.html (дата обращения 16.12.2012).
2. Амусин М.Ф. Панацея от испуга [Электронный ресурс] // Владимир Маканин. Сайт писателя. URL: <http://makanin.com/mark-amusin-panacea-ot-ispuga/#more-138> (дата обращения 17.12.2012).
3. Беляков С.Л. Поминки по новому реализму? [Электронный ресурс] // Журнальный зал: электронная библиотека. URL: <http://magazines.russ.ru/ural/2006/11/bel12.html> (дата обращения 16.12.2012).
4. Ганиева А.А. И скучно, и грустно. Мотивы изгойства и отчуждения в современной прозе [Электронный ресурс] // Журнальный зал: электронная библиотека. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/3/ga15.html (дата обращения 25.10.2012).
5. Ганиева А.А. Полет археоптерикса. О мотивах современной российской прозы [Электронный ресурс] // Издательский дом «Литературная учеба»: электрон.литературно-критический журнал. 2009. № 2. URL: <http://www.lych.ru/online/0ainmenu-65/38-s22009/328-a---> (дата обращения 25.10.2012).
6. Казначеев С.М. Когда же придёт луч света? Депрессивно-пессимистические мотивы в современной русской литературе // Встречи. 2011. № 3 (8). С. 9–15.
7. Козлов В.В. Экзистенциальный задачник: Владимир Маканин [Электронный ресурс] // Журнальный зал: электронная библиотека. URL: <http://magazines.russ.ru/voplit/2010/1/ko5.html> (дата обращения 16.12.2012).
8. Маканин В.С. Испуг. — М.: Гелеос, 2006. — 416 с.
9. Немзер А.С. Дают — бери [Электронный ресурс] // Владимир Маканин. Сайт писателя. URL: <http://makanin.com/andrey-nemzer-dayut-beri/#more-172> (дата обращения 17.12.2012).
10. Новикова О.И., Новиков В.И. Сладострастье потеснило сердечность. Или нет? [Электронный ресурс] // Журнальный зал: электронная библиотека. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2007/3/no13.html> (дата обращения 17.12.2012).
11. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. — М.: АСТ, 1998. — 192 с.
12. Романов И.А. Новый реализм как феномен современной русской литературы // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспект: материалы V Междунар. науч. конф. — Чита: ЗабГУ. 2012. С. 83–93.
13. Шаргунов С.А. Отрицание траура [Электронный ресурс] // Журнальный зал: электронная библиотека. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2001/12/shargunov.html (дата обращения 17.12.2012).

Женщина: человек или друг человека в романе Дж. Барнса «Англия, Англия»

Куликова Инна Ивановна, аспирант

Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина (Украина)

Обращение к женскому образу не является новой проблемой в художественной литературе и ее можно назвать классической темой. Однако в разных литературных жанрах она представлена неоднозначно. Хотя и с этим нельзя не согласиться, доминант изображения женщины по мнению Н. Мельниковой, связано «со сложными в литературе стереотипными моделями женственности», в которых решающую роль играет женская сексуальность.

Женщина в литературе — зеркало мужчины, инструмент его самоидентификация, проекция его желаний и страхов [4. с. 31]. Эта проекция женщины как второго пола, на что обратила свое внимание Симона де Бовуар, которая отмечала, что на протяжении истории женщина предстает как человек второго пола, что обусловлено особенностями ее положение в социуме. Это проявление и проявление маскулинного доминирования в общественной,

профессиональной и семейных сферах. Изменить эту ситуацию можно только заняв «мужское место» [2, с. 12]. Такая ситуация в изображении женщины характерна в основном и для антиутопического жанра, об этом свидетельствуют романы Е. Замятина, Дж. Орвелла, Р. Бредбери. В них внимание сосредоточено на раскрытии основных авторских идей через изображение, прежде всего, мужских образов, мужчина выступает как главный персонаж, женские образы представлены фрагментарно, они только тень или полутень мужчины. Однако конем XX столетия вносил в художественную литературу, карк и в философию, психологию, социологию теории и практики феминистического движения, появляется новая исследовательская парадигма: женщина человек или друг человека. Такая исследовательская парадигма сосредоточила в себе различные аспекты: женщина/социум, женщина/мужчина, женщина/личность, женщина/феминизм и т.д., что не осталось без внимания и в художественном жанре англоязычной антиутопии второй половины XX века. Такой анализ пока не представлен в известных нам работах по теории и истории зарубежной литературы указанного периода. Этим объясняется актуальность исследования проблем женщины как человека, как личности, как индивидуальности в романе Дж. Барнса «Англия, Англия», вышедший в 1998 году. Обращение к проблемам женщины в романе Дж. Барнса — составляющая антропологического содержания феминистских и гендерных характеристик персонажей.

Роман Дж. Барнса «Англия, Англия» не оставляет без внимания как зарубежных, так и отечественных исследователей. Об этом свидетельствуют работы В. Нюннинга, Д. Хорна, Б. Корты, Л. Бургера («We are not longer mega in England, England by Julian Barnes»), П. Паринтера («Nation & novel, Rennison, N. Contemporary British novelists»). Среди российских исследователей можно выделить работы А. Джумайло «Простое сердце: Джулиан Барнс» и «За границами игры: английский Постмодернистский роман» (2007); диссертационные исследования А. Месянжиновой «Игровые модели культуры в художественном пространстве постмодернизма (Итало Кальвин, Милорад Павич, Джулиан Барнс)» (2005), Д. Радченка «Проза Джулиана Барнса: жанровая природа, проблема героя и нравственная философия автора» (2008). Среди украинских это — И. Дробот «Междисциплинарные аспекты понятия функциональной истории (на примере романов Джулиана Барнса «История мира и 10 ½ главах» и «Англия, Англия»)» (2008), среди белорусских — А. Велюга «Последствия сексуальной революции: отражение проблемы в творчестве Дж. Барнса» (2010). Обращение к содержанию указанных работ позволяет отметить, что в них нет женщины: человек или друг человека, практически не анализируются.

Роман Дж. Барнса «Англия, Англия» в работах исследователей не имеет однозначность толкования как литературного жанра. Его определяют и как антиутопию, и как феминистический, и как постмодернистский роман.

Представляется, что более точным является его определение как феминистической антиутопии второй половины XX века. Внимание автора романа сосредоточено на женщине как центральном персонаже. Этим эта антиутопия отличается от других. Проблема женщины представлена автором в нескольких ракурсах, а именно: женщина/пол, женщина/гендер, женщина/мужчина, женщина/личность, женщина/индивидуальность. Именно раскрытие указанных дихотомий позволяет увидеть авторскую позицию в постановке и ответе на вопрос: кто же есть женщина в современном мире, какое ее предназначение и судьба в будущем.

Гендерная проблематика романа уже заложена в его первой части, она констатирует взаимное отношение отец-мать-дочь. Именно через призму видения этих отношений формируется личность Марты Кокрейн — дочери. Ее детство проходит в провинции пасторального английского поселка, хронотоп, которого формирует ее духовное пространство. Оно безметежно, поскольку основное занятие Марты — составление пазлов. Она глубоко уверена в безметежности семейных отношений: „To Martha it was perfectly simple. Daddy had gone off to find Nottinghamshire. He thought he had it in his pocket, but when he looked it wasn't there. That was why he wasn't smiling down at her and blaming the cat. He knew he couldn't disappoint her, so he'd gone off to hunt for the piece and it was just taking longer than he'd imagined. Then he'd be back and all would be well again” [9, с. 21]. («Для Марты все было просто, проще не бывает. Папа пошел искать Ноттингемшир. Думал, он лежит в кармане, а потом посмотрел — оказалось, нет. Вот почему он не улыбался ей с высоты своего гигантского роста и не обвинял в этом кошку. Он знал, нельзя подвести дочь, вот и пошел разыскивать потерю. Скоро он вернется и все будет как всегда. Все будет как всегда — это иллюзия, поскольку произошел разрыв семейных отношений — развод родителей, уход из семьи отца. Это первая ее родовая травма, осознание беспрекословного права мужчины решать семейные проблемы. Родовая травма остается у героини на всю жизнь как шрам, шрам как отпечаток развода родителей, кража ее детских надежд. О. Джумайло отмечает, что шрам с человеком всю жизнь «Все, от небольшого шрама на коленке, который напоминает нам о падении в детстве, к большому шраму в наших сердцах, что напоминает нам о смерти родителей или мужа, все это делает нас нами, позволяя постичь боль через себя» [3, с. 15]. Тема пола пронизывает взаимоотношения Марты и Пола, женщины и мужчины. И Марту и Пола сознательно или бессознательно тревожит ответ на вопрос: что и кто они друг для друга, какое их восприятия друг друга. Перед Полом Марта как женщина предстает следующим образом: Dark brown hair cut in a severe bob, a blue business suit, a single green stone on her left little finger [9, с. 50]. Темно-каштановые волосы, строгое каре, синий деловой костюм, одинокая зеленая кольцо на левом мизинце. У Пола сложилось следующее впечатление о Марте You've a dark brown voice to match your dark brown hair and you can't possibly be forty,...: She seems

very nice» [9, с. 67]. («Голос у тебя темно-каштановый под цвет темно-каштановых волос, и тебе никак не сорок, ... :., Кажется, очень милый человек»). В романе Марта узнает о Поле следующее: «He was the middle child of three, between a sister who mocked him and a feted younger brother. He had been good at school, and good at escaping notice. After college, he had joined Pitco as a management trainee» [9, с. 91]. («Пол был средним, вторым из троих детей, зажатым между сестрами, которые вечно насмеялись над ним и забавным младшим братом. Он хорошо учился в школе и хорошо притворялся мебелью. По окончании колледжа устроился в Питко как стажер»).

Их взаимоотношения начинаются в сфере профессиональной деятельности, они работают над созданием нового места для проекта, нового ландшафта Острова. Остров становится не только местом встречи профессионалистов, но и местом зарождения любви, строительство острова совпадает со строительством их непрофессиональных отношений — любви. Но любовь для Марты не приносит счастья, а скорее приносит тривогу. В любви, как в отношениях с Полом, Марта не чувствует себя счастливой. «Why was everything back to front? She could make the Project work, even though she didn't believe in it; then, at the end of the day, she returned home with Paul to something she believed in, or wanted and tried to believe in, yet didn't seem able to make work at all. She was there, alone, without defences, without distancing, irony, cynicism, she was there, alone, in simple contact, yearning, anxious, seeking happiness as best she could. Why did it not come?» [9, с. 100]. («Почему вся жизнь идет не так? В Проект она не верит — но успешно воплощает его в жизнь, а вечером возвращаясь домой вместе с Полом — во что она верит (или пытается верить), — все валится с рук. Она стоит одна, без брони, без цинизма, не абстрагируется, не иронизирует, она одна, она в одиночестве разбирается с простыми человеческими взаимоотношениями, томится и переживает, рвется к счастью изо всех сил, как умеет. Но счастье все нет и нет?»). Возможно проблема в том, что она не воспринимает его как своего будущего мужа или даже любовника. А, возможно, это потому, что она старше и зарабатывает больше него. В Марты присутствует амбивалентное чувство «любовь-равнодушие» к Полу. С нашей точки зрения это можно объяснить тем, что она ждет другого отношения от него:., MARTHA KNEW what she wanted: truth, simplicity, love, kindness, companionship, fun, and good sex was how the list might start. She also knew such list-making was daft; normally human, but still daft. So while her heart opened, her mind had remained anxious. Paul behaved as if their relationship were already a given: its parameters decided, its purpose certain, all problems strictly for the future [9, с. 79]. («Марта знала, что ей нужно: правда, простота, любовь, доброта, хорошая компания, много смеха и счастья в интимных отношениях, все это было в ее списке на первом плане. Также она знала, что писать такие списки — идиотизм; нормальное человеческое увлечение, конечно, но все равно идиотизм. И именно поэтому, хотя ее сердце

раскрылось, ум продолжал волноваться. Пол вел себя так, будто их отношения — уже обуза: параметры заданы, задача ясна, а проблемы возможны разве что в будущем»). Пол для Марты — это словно спасение от одиночества на короткое время. Дж. Барнс дает героини как бы шанс получить собственное счастье. Основываясь на исследовании З. Фрейда, Р. Апресян, отмечает, что такие отношения, которые имеют Пол и Марта, это лишь эффективный, плодотворный для личностей способ бегства от действительности, эскапизм [1, с. 59]. Следует отметить, что черты эскапизма являются характерным признаком для большинства антиутопий середины XX века. На это обращают внимание такие исследователи как А. Копач, А. Гук.

Отношения между Полом и Мартой, это отношения, которые З. Гиппиус выразила словами: «Мы так странно с тобой близки, и так странно с тобой одиноки» Одиночество — экзистенциальное состояние героини, которое переплетается с психологическим трагизмом. Ею она чувствует до работы над Островом (в детстве, в отношениях с матерью), во время работы над ним (отношения с Полом) и после него. В отношениях с Полом она не находит не только любовь, но и понимание ее как женщины, которая хочет быть слабой, хочет чтобы ее любили, уважали, были откровенными с ней. Но с другой стороны, она боится, что отдавшись мужчине, она потеряет саму себя и потому цинизм в отношениях с мужчинами выступает защитной маской, не дает возможности подпустить к себе кого-то слишком близко, чтобы не потерять, как когда-то она потеряла своего отца в детстве. Он оставил ее и ее мать ради другой женщины. Особенности поведения Марты в романе определены ее психическим состоянием, Марта испытывает внутреннее и внешнее одиночество. Внутреннее одиночество постоянно порождается открытостью личностного бытия человека — в каждый последующий период времени личность становится другой. Противоречие между предыдущим и последующим состояниями человеческой личности, а также между различными измерениями ее бытия и является фундаментальной предпосылкой внутреннего одиночества. В результате очевидно, что внутренне одиноким может быть человек в коллективе, в общении [8, с. 245]. Внутреннее одиночество Марты в значительной мере предопределяет внутреннюю ее коммуникацию. Но и оставаясь наедине, Марта размышляет над своим одиночеством, что было сделано неправильно, почему так произошло? В данном случае ее внутренняя коммуникация выступает актом самопознания и самовоспроизведения, происходит, таким образом, диалог с собственным «Я». Внутреннее одиночество становится основой и той внутренней коммуникации, которая является коммуникацией с Другими. Именно человек, приобретает опыт самоуглубления для формирования личности, через такой опыт может действительно открываться миру, прежде всего означает открыться себе [8, с. 252]. В романе получила продолжение тема одиночества человека, которую в антиутопии начал Брэдбери. Но каждый из авторов пред-

ставляет одиночество из разных измерений: у Брэдбери одиночество мужчины, а в Барнса — женщины. Одиночество для этих авторов — проявление кризиса человека, разрыв человека с самим собой. В обращении к ним пола в романе Барнса внутренне и органично с проблемой гендера. Как известно, понятие гендера было введено американским психоаналитиком Р. Столлер в работе «Пол и гендер: о развитии мужественности и женственности» (1968), где он концентрирует внимание на разграничение биологического термина «пол» и психологически-культурного понятия «гендер». Последнее означает социотать и акцентирует социокультурный аспект половой принадлежности человека. Таким образом, человек в своем культурном развитии движется от своей физиологии, что обусловлено биологическими факторами, к социализации человека в соответствии с полом, а общество формирует социальную потребность в «феминности» и «маскулинности», что косвенно связано с полом, является проявлением различных психологических характеристик, исторически сложившихся особенностями культуры среды. Феминность является проявлением интровертивной деятельности, направленной на внутренний мир, пассивности, зависимости [8, с. 223]. По мнению теоретиков феминизма, то феминность — это характерные формы поведения, которых ожидают от женщины в данном обществе [7]. Заслуживает внимания мнение Р. Соколовой, которая утверждает, что на самом деле, в антропологическом смысле, природой в модель женского начала вложены жизненно важные категории охраны и восприятия, чистоты, самопожертвования, милосердия, чувствительности, равновесия, терпения. В женщины есть свой собственный способ суждения и мир идей, манера создавать свое отношение к себе и другим [6, с. 75].

Образ женщины-феминистки представлен в романе прежде всего образом матери, девиз которой: *that women had to be strong and look after themselves because nobody else could be relied upon to do it for them* [9, с. 23]. («Женщина должна быть сильной и сама о себе заботиться — ни на кого нельзя полагаться»). Она воспитывает Марту свободной, самостоятельной, независимой, но не воспитывает в ней чувство любви и доброты. Эти факторы позволили рассматривать Марту как образ женщины-феминистки, которая стремится выжить в мужском мире. И не случайно, ведь эти черты были заложены еще с детства матерью, которая постоянно повторяла, что мужчины бывают двух видов это — негодяи и слабовольные. Такие высказывания несли в себе негативное восприятие противоположного пола. Однако позицию матери можно объяснить тем, что она также была несчастная со своим мужем в браке и более поздние встречи с другими мужчинами также не имели успеха. На характер Марты влияло и то, что она постоянно чувствовала одиночество, при котором есть определенные любовники, знакомые, друзья, сотрудники, но отсутствует любимый человек. Дальнейшие психологические и социальные условия только усиливают ее образ как женщины феминистки. «*Martha had learned to*

be good at silence. Long ago she had been taught — more by social osmosis than by anyone in particular — that it was part of a woman's function to bring men out, to put them at their ease; then they would entertain you, tell you about the world, let you know their inner thoughts, and finally marry you. By the time she had reached her thirties, Martha knew that this was seriously bad advice. In most cases it meant giving a man licence to bore you; while the idea that they would tell you their inner thoughts was naive... So instead of approving male conversation in advance, she held back, savouring the power of silence. This unnerved some men. They claimed such silence was intrinsically hostile. They told her she was passive-aggressive. They asked if she was a feminist» [9, с. 36]. («Марта умела мастерски молчать. Давным-давно она поняла точнее, поняла из окружающей среды, что женщина призвана разговорить человека, победить его скованность, тогда он развлекать тебя будет, расскажет, как устроен этот мир, впустит в свой внутренний мир и в результате женится с тобой... К тридцати годам Марта осознала, что этот совет не очень хорошая. И в большинстве случаев соблудности этому совету означало допустить, чтобы собеседник долго рассказывал тебе на ухо, а поверить в то, что он упустит тебя в свой внутренний мир, — наивно... И именно поэтому, чтобы как можно раньше начать принимать мужские высказывания, она удерживалась, наслаждаясь могуществом молчания. Некоторых мужчин это нервировало... Говорили, что у нее синдром агрессивности. Спрашивали, не феминистка она».

Интересной художественной линией романа является позиция автора. Он убедительно показывает, что лидерство не отделимо от гендерных ролей и стереотипов. Женщина с доминантной моделью лидерства принимает маскулинные характеристики, вступая в противоречия с собственной идентичностью, самодостаточностью и саморепрезентацией.

Марта сумела занять «мужское место», заменив в руководстве Джека Питмена, хоть и на короткое время. «*Since his ousting, Sir Jack had himself become a petitioner for attention*» [9, с. 109]. («Но сэр Джек устранен — теперь он сам проситель»). В современной феминистичной теории такая позиция Марты интерпретируется как вызов гендерной иерархии и патриархальным ценностям. В отношениях с мужчинами важную роль играют экзистенциальные составляющие, которые моделируются в пределах сексуального. Некоторые исследователи считают, что эти черты являются основными принципами «новой женщины», не только в антиутопическом жанре, но и литературы в целом. Марте не хватает эмоциональности для полного раскрытия своего внутреннего мира. Одна из причин этого том, что героиня будто носит «маску», через которую она обращается к себе и другим. Автор обращает внимание и на собственное, внутреннее пространство Марты, где важную роль играет концепция собственно женщины и концепция свободы, сопряженной с разочарованием не только в отношениях с мужчинами, но и неверием в саму себя, собственные

силы. Автор называет Марту «перелетная птица». «She was bored, of course; but then, she had returned to Anglia as a migrant bird rather than a zealot. She fucked no-one; she grew older; she knew the contours of her solitude» [9, с. 253] («Она вернулась в Англию, как перелетная птица. Она ни с кем не встречалась, старела, на память знала контуры своего одиночества»). Симона де Бовуар отмечала, что когда женщина стареет, ее обманутое ожидание превращается в иронию и часто в цинизм. Такой анализ в определенной степени относится к Марте, но ирония героини переходит в состояние безразличия, потери грани экзистенциального видения мира вокруг. Ее прежняя жизнь будто растаяла во времени. Марта здесь занимается привычными для нее с детства делами, она посещает сельские выставки, живет размеренной спокойной жизнью. Хотя в этой части, как и в предыдущих Марта вновь сама, у нее нет друзей, а только знакомые, которые не вызывают у нее никаких чувств. В отличие от классических образов антиутопического жанра, где главный герой в конце романа находит выход в смерти или побеге, главная героиня не выбирает ни один из указанных вариантов, она просто живет по инерции, без чувств, без желаний, без любви, без настоящей жизни. Характерным для этой части является самопознание. Марта находится в ситуации, которая

по определению К. Ясперса называется «предельной». К таким ситуациям философ относит смерть, страдания, борьбу, вину, страх. Пребывание в «пограничных ситуациях» дают возможность показать человеку его конечность, а значит, заставляют его задуматься над смыслом своего существования. Лишь оставив Остров, Марта почувствовала то, что является настоящим, она увидела границу собственного существования. После того, как исчез проект, исчезла какая-то часть ее самой, соответствующий мнению Д. Радченка о том, что жизнь становится событием только тогда, когда герой начинает ее понимать, пропуская через свою душу. Герой, независимо от интеллектуального уровня, должен найти в жизни философский уровень, осмыслить жизнь [5, с. 259]. Марта отражает философию древних греков о познании самого себя. Автор сопереживает героине и пытается понять, почему меняется роль женщины в мире и к чему это приведет.

Анализ позволяет сделать следующий вывод, что однозначного ответа на вопрос: женщина человек или друг человека автор романа не дает, он остается открытым. Эта открытость связана с тем, что в современном обществе остаются разные, диаметрально противоположные взгляды на роль женщины, между женским и мужским отсутствует гармония, уступая место отчуждению.

Литература:

1. Апресян Р.Г. Принцип наслаждения и интимные отношения / Р.Г. Апресян // Человек. — 2005. — № 5. — С. 56–66.
2. Бовуар С. де. Второй пол. Т. 1 и 2: Пер. с франц./Общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой, коммент. М.В. Аристовой. — М.: Прогресс; СПб.: Алетейя, 1997. — 832 с.
3. Джумайло О. За границами игры: английский постмодернистский роман. 1980–2000. / О. Джумайло // Вопросы литературы. — 2007. — № 5. — С. 7–45.
4. Мельникова Н.Н. Архетип грешницы в русской литературе: к теоретической постановке проблемы / Н.Н. Мельникова // Філософські науки. — 2011. — № 3. — С. 26–36.
5. Радченко Д. Художественная дидактика Джулиана Барнса / Д. Радченко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. — 2008. — № 69. — С. 256–260.
6. Соколова Р.И. Мужская и женская цивилизации теории и реальность / Р.И. Соколова // Философские науки. — 2011. — № 1. — С. 72–77.
7. Фемінність та маскуліність: [Електронний ресурс] // Незалежний культурологічний часопис, «І». — 2003. — № 27. — Режим доступа: <http://gendocs.ru/v27922/?cc=1&view=pdf>. — Назва з екрану.
8. Чернишова С. Гендер, імперіалізм і ... острів'янки у світі Сомерсета Моема / Світлана Чернишова // Всесвіт. — 2011. — № 7–8. — С. 223–230.
9. Barnes J. England, England / J. Barnes. — London: Jonathan Cape, 1998. — 412 p.

К вопросу об авторском оформлении текстов художественных произведений

Курбиева Белла Юрьевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Дагестанский государственный педагогический университет (г. Махачкала)

В современной русистике под авторской пунктуацией понимается система пунктуационных знаков, находящихся за рамками официального употребления, преследующих определённые художественно оправданные цели.

Это, во-первых, такие знаки, которые связаны с индивидуальностью автора и избираются в зависимости от конкретных задач высказывания, поскольку задачи эти могут меняться при необходимости изменить содержание текста,

и, во-вторых, они всецело связаны с авторской индивидуальностью.

Индивидуальная пунктуация правомерна только при таком условии, когда при всём богатстве и разнообразии оттенков смысла в пунктуации не утрачивается её социальная сущность, не разрушаются её основы.

Язык художественной прозы отличается выразительностью и эмоциональностью. Это достигается при помощи различных речевых средств и приемов их употребления, в том числе и при помощи пунктуации. Автор художественного произведения не всегда следует зафиксированным в своде правил постановки знаков препинания. Писатели отдают предпочтение тем знакам, которые нельзя не заметить. В данной статье мы анализируем авторское употребление знаков препинания в произведениях В.В. Набокова. В качестве «авторских» знаков в своей прозе он использует тире, многоточие и точку в роли запятой.

Пристрастие В.В. Набокова к употреблению тире объясняется большими потенциальными возможностями этого знака; в его художественных текстах он используется настолько широко, что невозможно их представить себе без наличия этого знака, обладающего многообразными стилистическими функциями. Знак «тире» помогает писателю выделить очень тонкие смысловые оттенки, заострить внимание читателей на важных деталях, показать их особую значимость и выразительность. В частности, постановка тире на месте, не предусмотренном правилом, имеет свою причину: сознательное намерение автора выразить такой смысловой оттенок, которого могло бы в данном случае и не быть и которого читатель и не ожидает.

Такая постановка знака «тире» отражается на структуре художественного текста. Этот пунктуационный знак стал элементом набоковской стилистики. Если в набоковском тексте тире находится перед союзом «и», то оно символизирует уже не связь двух частей сообщения, а как бы отталкивание второй части от первой, союз «и», отделенный паузой и лишённый словесного ударения, акцентно примыкает к следующим за ним словам; вместо паузы «ожидания» возникает пауза «разрыва»:

И не только случилось, что Колдунов являлся ему в собственном виде, в обстановке отрочества, наскоро составленной сном из таких аксессуаров, как парта, чёрная доска, кроме этих бытовых снов случались и сны романтические, даже декадентские, т.е. лишённые явного присутствия Колдунова, но зашифрованные им, пропитанные его гнетущим духом или полные как бы слухов о нем, каким-то образом выражающих его сущность — и этот мучительный колдуновский фон, на котором разворачивалось действие первого попавшегося сна, был куда хуже прямых снов-явлений Колдунова, каким он запомнился, — грубым, мускулистым гимнастом («Весна в Фиальте»; «Лик»).

Рассмотрим еще отрывки:

Николай Степаныч постоял перед дверью, хотел было позвонить, — да вспомнил, что нынче воскресенье, подумал — и всё-таки позвонил («Звонок»);

Она разогнулась, зевая, почесала бедро и, как была, голая, в одних чулках, подошла к окну, — и отодвинула штору («Возвращение Чорба»).

С точки зрения существующей нормы автор ставит лишний знак «тире» между однородными сказуемыми и перед союзом. Проанализировав произведения Набокова, мы пришли к выводу, что знак «тире» используется или как знак заменяющий, двоеточие, или как лишний, неоправданный нормой. В данном случае «тире» лучше слов, более ёмко, чем слова, создает экспрессию, передачи настроения героя. Набоков использует «тире», которое становится центром сосредоточения экспрессии высказывания.

Ганин кивнул и молча взял половую щетку, лежавшую на дубовом бауле. В зеркале прихожей он увидел отраженную глубину комнаты Алферова, дверь которой была настежь открыта. В этой солнечной глубине — день был на диво погожий — косой конус озаренной пыли проходил через угол письменного стола, — и он с мучительной ясностью представлял себе те фотографии, которые сперва ему показывал Алферов и которые он потом с таким волнением рассматривал один, когда помешал ему Клара. На этих снимках Машенька была такой, какой он её помнил («Машенька»)

Данный фрагмент, в котором тире перед «и» замещает запятую, является более сильным знаком, и наполняет текст большей эмоциональностью; тире подразумевает паузу, которая в сочетании с лишённым ударения союзом «и», поэтому и прилегающим к последней части высказывания, сообщает особую лиричность звучания текста, то есть тире, стоящее перед союзом «и», отражает чисто стилистические интонации, передающие романтические воспоминания героя.

Вторым излюбленным пунктуационным знаком в прозе Набокова является многоточие. Если тире — это пропуски грамматичные, то есть пропуски членов предложения, то многоточие обозначает пропуск частей текста, которые по каким-либо причинам скрываются автором.

Многоточие очень ёмкий знак, поскольку он может передать еле уловимые оттенки значений более ярко и глубоко, чем слова; он незаменим для создания обширного подтекста, а также передачи эмоционального и интеллектуального напряжения. Многоточие, как правило, определяет в основном глубокий и значимый подтекст. В какой-то степени это касается и «тире», однако в прозе В. Набокова, в котором подтекст играет большую роль, многоточие ярче, выпуклее обнажает имплицитный смысл текста:

Я повернулся, увидев в верхке от себя высокие колеса вспотевшего локомотива, и долго пытался найти между макетами вокзалов обратный путь... Как странно горели лиловые сигнальные огни во мраке за веером мокрых рельсов, как сжималось мое бедное сердце... («Посещение музея»).

Многоточие может отражать эмоциональную сторону произведения. В романе «Приглашение на казнь» герой его Цинциннат ожидает свидания и безумно волнуется. Речь его прерывиста, это особенно ярко проявляется в диалоге, поскольку собеседники прерывают друг друга; эмоциональный накал весьма велик:

Продолжайте в том же духе, — сказал Родриг Иванович. — Если будете послушны, то может быть, может быть, мы вам позволим одним глазком на новичка». — «Как долго... это свидание... сколько мне дадут... — с трудом выговорил Цинциннат («Приглашение на казнь»).

Часто только широкий контекст может объяснить глубокое содержание, заключённое в многоточии, только этот знак препинания может передать долгие и глубокие чувства приговорённого к смерти; многоточие, поставленное после первого предложения, в зачине абзаца, придает значительность начальной ключевой фразе, содержание которой конкретизируется в последующем изложении, где, кстати, мы наблюдаем ещё четыре многоточия, что усиливает акцентуацию ситуации, заявленной вначале:

И настолько сильна и сладка была эта волна свободы, что всё казалось лучше, чем на самом деле: его тюремщики, каковыми, в сущности, были все, показались сговорчивей... в тесных видениях жизни разум выглядывал возможную стёжку... играла перед глазами какая-то мечта... словно тысяча радужных иголок вокруг ослепительного солнечного блика на никелированном шаре... («Приглашение на казнь»).

Особенно частым у Набокова является такое употребление многоточия, когда оно явно имитирует желание показать сам процесс размышления. Это внутреннее состояние человека, мыслящего взволнованно, сбивчиво, парадоксально, порой иронически, даже резко сатирически:

Недавно он разошелся с женой, которая совершенно неожиданно изменила ему, — и с кем, с кем... пошляком, с ничтожеством... О чем же говорить с братом? Рассказать беззаботно о приключениях на юге России? Шутливо пожаловаться на сегодняшнюю (нестерпимую, задыхающуюся) нищету? Притвориться человеком с широкими взглядами, стоящим выше эмигрантской злобы, понимающим... что понимающим? Что Серафим мог предпочесть моей бедности, моей чистоте — деятельное сотрудничество... с кем, с кем! Или напротив, — нападать, стыдить, спорить, а не то — едко острить... Термин «пятилетка» напоминает мне чем-то конский завод («Встреча»)

Сам Набоков особенно ценил это качество многоточия: «многоточие изображает, должно быть, следы на цыпочках ушедших слов».

Письменный текст — это отработанное автором в языковом и стилистическом отношении произведение, в котором синтаксические конструкции, синтаксические сред-

ства связи, грамматические формы, пунктуационные знаки выступают не только как знаки соединения отрезков высказывания, но и как знаки, способствующие членению текста.

В произведениях Набокова можно встретить точку, заменяющую запятую и способную приобретать дополнительную значимость, включаясь в систему акцентных и даже смысловых средств. Знак «точка», свидетельствующий об экспрессивном расчленении текста, передаёт воплощение синтаксической структуры предложения не в одной, а в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, то есть во фразах. С помощью парцелляции создаётся динамика действий.

Цинциннат вбежал на крыльцо, толкнул дверь и вошёл в свою освещённую камеру. Обернулся, но был уже заперт. Ужасно. На столе блестел карандаш. Паук сидел на жёлтой стене («Приглашение на казнь»);

Он встал, снял халат, ермолку, туфли, снял полотно штаны и рубашку. Снял как парик голову, снял ключицы. Снял бёдра, снял и бросил руки, как рукавицы. Всё расплзлось. Всё падало («Приглашение на казнь»);

Туманное происхождение трубки. Дорогая, ещё не обкуренная, с полным вставным стерженьком в прямом мундштуке. К ней — замшевый чехольчик («Королёк»).

Маленький кусок, три с половиной странички, но какой кусок. Увертюра. Изящно. Ильин лучше Анненского, иначе всё-таки могли бы спутать. Он был счастлив; он выписал ещё пять экземпляров. Он был счастлив. Умалчивание объяснялось косностью, придирки — недоброежелательностью. Он был счастлив. Продолжение следует («Уста к устам»)

Представленные выше примеры демонстрируют движение мысли от частного к общему, что допускает более активное проникновение экспрессивных элементов. Это находит отражение, прежде всего, в «разрыхлении» синтаксиса, что достигается парцелляцией. Таким образом, появляются новые рематические тексты, обеспечивающие акцентированную логику в данном сегменте. Подаваемое порциями сообщение экспрессивнее, лучше обслуживает потребности коммуникации, чем громоздкие построения. Парцеллированные конструкции устанавливают соотношение между понятиями этого текста, выполняя композиционно-семантическую функцию.

Резюмируя вышеизложенное, можно говорить о том, что набоковские произведения обладают подтекстом, и такие знаки препинания, как тире, многоточие, точка (используемая вместо запятой), наделенные способностью передавать еле уловимые оттенки значений, более того, как раз эта неуловимость и подчёркивается знаками, когда словами уже трудно что-либо выразить, и становятся показателями психологического напряжения, подтекста. Авторская пунктуация выступает как сово-

купность иерархически организованных позиций, маркированных или немаркированных знаками препинания или другими пунктуационными средствами, призванных

обеспечить единство текста и его частей, текстовые связи семантических единиц одного языкового уровня, а также межуровневые связи.

Литература:

1. Акимова Г.Н. Современное употребление скобок (в связи с новыми синтаксическими явлениями) // РЯШ, 1980. № 3. — с. 21.
2. Валгина Н.С. Русская пунктуация: принципы и назначение. — М., 1979.
3. Кольцова Л.М. Художественный текст через призму авторской пунктуации. Автореф. дисс.д.ф.н. Воронеж, 2007.
4. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. — Л., 1972 [О «специфически поэтических типах употребления знаков препинания»]. — С. 71–72.

Семантика драгоценных металлов «золото» и «серебро» в поэзии К. Бальмонта

Метелкина Ольга Андреевна, студент
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

Драгоценности издавна привлекают внимание писателей и поэтов своей таинственностью и магическими свойствами. Самыми распространенными из драгоценных металлов являются золото и серебро. Это, несомненно, одни из первых драгоценных металлов известных человеку. Они никогда не были просто химическими элементами, с древних времен люди наделили их магическими способностями влиять на окружающий мир и судьбу человека. Таким образом, золото и серебро имели не только экономическую ценность, но также и культовое значение. Люди верили, что эти металлы способны гарантировать долгую жизнь, увеличить мудрость, принести непрерывный поток денег. Алхимики называли золото «царем металлов» и обозначали символом Солнца. И как известно, одной из главных задач алхимии было добиться умения превращать неблагородные металлы в чистое золото. Серебро же всегда являлось символом Луны, простоты, женственности и целомудрия.

Эти благородные металлы очень часто употребляются в литературных произведениях, начиная с детских сказок («Сказка о золотом петушке» А.С. Пушкина, «Сказка о серебряном копытце» П.П. Бажов и т.д.) и заканчивая произведениями, ставшими уже классическими для русской литературы («Золотой теленок» И. Ильф, Е. Петров).

Поэты-символисты часто употребляли в своих произведениях различные художественные детали: цветовые, световые, бытовые и т.д. В целом художественную деталь характеризуют как «выразительная подробность, несущая большую смысловую нагрузку. Деталь всегда позволяет нам ее увидеть, она конкретна». Отсюда вытекает «обильная насыщенность текста деталями» и «избирательное отношение к деталям» [6].

Проанализировав творчество одного из самых ярких представителей символизма Константина Бальмонта, мы

пришли к выводу, что в его произведениях можно говорить о наличии таких художественных деталей, как «драгоценные камни» и «драгоценные металлы». Так, о частом употреблении драгоценностей в стихотворениях Константина Бальмонта Ю.И. Айхенвальд сказал: «Поэт злоупотребляет драгоценными камнями... Драгоценности, обилие красочных пятен вторгаются у него и в такие картины, которые должны бы очаровать именно своей незадействованностью и простотой» [2, 3].

А Е.В. Аничков [3, 20] в своей книге «К.Д. Бальмонт», называя драгоценные камни в поэзии Бальмонта, характеризует их как «разные и пестрые символы, которые можно нанизать на одну нитку, они все составляют частички одной бесконечной вереницы». Литераторы не раз затрагивали символику драгоценных камней в творчестве К.Д. Бальмонта, но довольно поверхностно, поэтому тема употребления драгоценных камней и металлов в качестве символических деталей, по-прежнему остается еще недостаточно изученной.

Чаще всего в лирике К.Бальмонта встречается золото. Как уже говорилось выше, древние алхимики тесно связывали этот металл с Солнцем, который является символом божественного разума. Золото можно сравнить с сердцем всей земли. Конечно, сравнение золота с Солнцем основано и на цвете металла. Солнце, золото и желтый цвет в христианской идеологии всегда были «символами человеческого разума, освещенного божественным откровением; и в христианской атрибутике они являются символами веры» [7].

Эту связь золота с солнцем можно найти и в творчестве К. Бальмонта. В его стихотворениях золото встречается в солнечных лучах («где не светят лучи золотистые» — стихотворение «Болотные лилии» [1895, 43]), или в вспышке света («и я, как свет, вскормленный

тучей, блистаю вспышкой золотой» — стихотворение «К Шелли» [1898, 93]), в луче («Где, взор души сливая с мечтами, последний медлит луч золотой» — стихотворение «Осенний лес» [1912, 205]), в заре («Ты (заря) иглою золотою, проворною вышиваешь»... — стихотворение «Зоря-зореница» [1906, 361]), и даже в свете лампы («Когда же догорит лампада золотая» — стихотворение «Гиероглифы звезд» [1912, 402]).

Также золото тесно связано еще с одним небесным светилом — звездой. Доказательство этому мы можем найти в следующих стихотворениях: «Звезды золотые блещут без конца» («Млечный путь» [1895, 61]), «И семь золотых семизвездий вели нас к пределам пустынь» («Звездоликий» [1909, 397]).

В христианском мировоззрении золото являлось символом райского света, священного мира; золотым называют лучшее время в существовании человечества — Золотой век в античных греческой и римской мифологии. Другой важный символ золота, который мы можем повстречать в творчестве Бальмонта, связанный с пониманием этого металла, как лучшего, идеального времени, это символ некой мечты, сказки, сна. Так, например, в стихотворении «Однодневка» золото связано с мечтой и иллюзией («Я живу своей мечтой в дымке нежно-золотой» [1898, 85]), а в стихотворении «Мы шли в золотистом тумане» [1895, 55] мы встречаем метафору «золотистый туман», которая обозначает некий сон, забвение, в котором жил лирический герой. В стихотворении «Будем как солнце» [1903, 156] говорится уже о «золотом сне», который все равно является неким воплощением мечты. Несколько раз в своих произведениях к слову «сказка» Бальмонт подбирает эпитет именно «золотая»: «Как призрак сказки золотой» («Восхваление луны» [1903, 164]), «Но повсюду вечно чуду буду верить я мечтой, буду вольным и красивым, буду сказкой золотой» («Воля» [1903, 195]). Золото становится у К. Бальмонта и характеристикой вечно прекрасного края, о котором мечтает каждый: «Если хочешь в край войти вечно-золотой, облачную лестницу нужно сплести мечтой» («Облачная лестница» [1908, 384]).

Конечно, упоминается золото в стихах К. Бальмонта и как символ осени: «Ты горишь, как багровый, как темный, как желтый, весь согретый изменчивым золотом, праздник осенних листов» (стихотворение «Гимн огню» [1903, 158]). Здесь можно отметить, что у древних ацтеков золото было символом периодического обновления природы, а, как известно, хоть это время года и является временем увядания природы, в то же время оно символизирует и стремления природы обновиться, ведь за осенью всегда приходит весна. Ну и прежде всего, большую роль здесь вновь играет цветовая характеристика.

Также К. Бальмонт использует эпитет «золотой» для характеристики поля, ржи. Например, «Все побеги и ржи, и пшеницы в золотой я одену наряд» («Лето» [1914, 428]), «И серебряный дождь напоил золоти-

стые нивы» («Северный венец» [1931, 505]). Еще в Древней Греции золото, ассоциируемое с Солнцем, считалось символом плодородия, богатства и власти.

Можно отметить, что в целом Константин Бальмонт использует в своих произведениях золото в типичной для этого металла символике плодородия, Солнца, богатства.

Другой не менее популярный в мире драгоценный металл — серебро. В народе оно всегда ценилось как металл, защищающий от демонов, злых сил, не зря считалось, что вампиров и ведьм можно изгнать именно серебряными пулями, а если вокруг своего дома, государства закопать серебряные фигуры воинов, то они не дадут врагам захватить ваш дом.

В творчестве К. Бальмонта серебро употребляется реже, чем золото. Как правило, оно встречается при описании различных явлений природы. В первую очередь, это вода в любых ее проявлениях: будь то ручей («робко бьется струя серебристая» — стихотворение «Струя» [1890, 25]), река («у старой мельницы привязанная лодка, — Я льну к прохладе серебра» — стихотворение «Где б я ни странствовал» [1912, 410]), морские брызги («и брызг серебристых кристаллы» — стихотворение «Среди шхер» [1912, 515]) или даже гроза, точнее плывущие по небу тучи («В небесах — серебряные кони, бешено несутся табуны» — «Верховные кони» [1912, 520]).

Еще одно явление природы, которое часто трактуется у К. Бальмонта как серебряное, это туман, например, в стихотворениях «Восхвалении луны» [1903, 164] и «Двойная жизнь» [1903, 172]. Правда, в обоих случаях туман совершенно разный. В первом стихотворении описывается Луна, которую окутал туман («И вновь горит блистательной Луной в одежде из серебряных туманов»). Во втором стихотворении «серебряный туман» — метафора, которая означает сон, небытие, забвение: «Ушел туда, где гул волны, тонул в серебряных туманах и видел царственные сны».

Во все века серебро считалось исключительно женским металлом, обладающее ярко выраженной энергией Луны, даже название его восходит к слову «серб». Если золото — это символ мужского начала, то серебро — женского. Поэтому вполне объяснимо, что словосочетание «серебряная луна» встречается и в творчестве у К. Бальмонта. Это стихотворение «Воля» [1903, 195] — «В снежном царстве я застыну под серебряной луной».

И, конечно, серебро выступает символом чистоты, красоты, женственности и спокойствия, невинности и верности.. Например, в стихотворении «Белый лебедь» [1898, 78], где лебедь является образом совершенства, прекрасной девушки, Бальмонт называет его «безмятежно-серебристым».

И еще один интересный вариант употребления слова «серебро» в творчестве Бальмонта связан со звуком. Здесь стоит отметить, что для поэзии Константина Бальмонта характерно использование звуковых образов, в отличие, например, от зрительных образов В.Я. Брюсова.

Так, у Константина Бальмонта серебряным становится, в первую очередь, смех: «Твой смех прозвучал серебристый, нежней, чем серебряный звон» (стихотворение «Нежнее всего» [1903, 175]). Затем, это, конечно, звон: «Раскрылся невидимый цвет. В нем воздух и звон серебристый, ему же названия нет» (стихотворение «По тропинке» [1903, 529]).

Таким образом, в творчестве Константина Бальмонта серебро, в отличие от золота, употребляется только в положительном смысле, как что-то нежное, чистое, легкое. Хотя в целом серебро не имеет однозначно положительную символику в мировой культуре. Как известно, в своем роковом значении серебро символизирует «тленность человеческого существа, которое должно непрестанно бороться со своими негативными наклонностями, если желает достичь совершенства» [7]. Однако в этом значении употребления металла в произведениях Константина Бальмонта нами пока не встречалось.

Литература:

1. Бальмонт К.Д. Избранное/Сост., вступ. ст. и примеч. Е.В. Ивановой. — М.: Сов. Россия, 1989. — 592 с., 1 л. портр.
2. Айхенвальд Ю.И. Силуэты русских писателей. — М.: 1994. — 5 с.
3. Аничков Е.В. К.Д. Бальмонт. Избранное. Вступительная статья. // М.: 1987, с. 3–47.
4. Вахитов С.В. Словарь наименований драгоценных и поделочных камней. М., 200. С. 128.
5. Лилия Бранд. Чары камней. Лечебные и магические свойства камней и минералов. — 2-е изд., — СПб.: Наука и Техника, 2010. — 224 с.
6. Азадовский К.М., Бонгард-Левин Г.М. Встреча. Константин Бальмонт и Иван Шмелёв. Наше наследие, 61 (2002).
7. Грэфенштейн А. Краткая энциклопедия символов. <http://www.symbolarium.ru/>

Усадебная культура в жизни и творчестве А.С. Пушкина

Поташова Ксения Алексеевна, магистрант
Московский государственный областной университет

Значение усадебной культуры в жизни поэта велико — именно родовые имения были одним из факторов формирования эстетики и поэтики Пушкина. В связи с этим на протяжении всего творчества Пушкина образ усадьбы в его произведениях изменяется. На разных этапах своей жизни поэт обращался к усадьбам Захарово, Большие Вязёмы, Михайловское, Тригорское, Петровское, Болдино. В произведениях об этих усадьбах отражаются личные переживания поэта. Образ русской усадьбы в восприятии Пушкина постепенно расширялся, обогащался, совершенствовался.

Первым отражением усадебной жизни в поэзии Пушкина является его послание к К.Н. Батюшкову — стихотворение «Городок» (1815). Темой этого стихотворения являются дружба и любовь, уединение поэта, его поэтические фантазии:

В ходе наших исследований мы пришли к выводу, что фрагмент наивной языковой картины мира, связанный с драгоценными металлами, у К. Бальмонта представляется весьма полным в его произведениях, особенно часто поэт обращается к драгоценностям в своем сборнике стихотворений «Будем как солнце».

В основном Константин Бальмонт использует довольно узкий круг драгоценных камней и металлов. И лидирующее место здесь занимают золото и серебро. Константин Бальмонт не только просто употребляет драгоценности в качестве сравнения, но, как мы это могли заметить, в его стихотворениях драгоценные камни и металлы приобретают свой смысл, свое символическое значение. Золото и серебро в творчестве поэта используются чаще всего для характеристики окружающего мира, явлений природы. И в целом, создаваемые здесь поэтом образы, опираются на многовековую традицию и символику народов разных культур.

От шума вдалеке,
Живу теперь я в городке,
Безвестностью счастливом.
Я нанял светлый дом
С диваном, с камельком;
Три комнаты простые —
В них злата, бронзы нет,
И ткани выписанные
Не кроют их паркет. [I; с. 95], [1]

В стихотворении Пушкин представляет идиллический мир русской усадьбы. Стихотворение сохраняет свои индивидуальные особенности, но близко к произведениям XVIII в., это влияние особенно заметно в восприятии усадьбы.

Впервые в русской литературе образ усадьбы как идиллического мира появился в поэзии XVIII века в творчестве

А.Д. Кантемира, Г.Р. Державина, И.И. Хемницера. В их произведениях усадьба изображалась местом свободного времяпрепровождения, философских размышлений, навеянных наблюдениями за природой, за сельским бытом. В век Просвещения, общественного служения усадьба стала символом тихой жизни, свободной от городских страстей, суеты.

В изображении К.Н. Батюшкова усадьба, по-прежнему, — антитеза государственной службы, городской суеты, но поэтом представлена жизнь не в окружении большого семейства, а жизнь уединённая, полная мечтаний, поэзии, духовного созерцания. Таков образ усадьбы в стихотворении Батюшкова «Мои Пенаты»:

О лары! Уживитесь
В обители моей,
Поэту улыбнитесь —
И будет счастлив в ней!
В сей хижине убогой
Стоит перед окном
Стол ветхий и треногий
С изорванным сукном. [I; с. 102]

И Батюшков, и Пушкин описывают укромный, уединённый, не очень ухоженный, удалённый от суетной столицы и царского двора домик — жилище поэта. Образ усадьбы-хижины появлялся в это же время в произведениях В.А. Жуковского, В.Л. Пушкина, словно описывающих один и тот же дом.

Несомненно, на формирование образа усадьбы в творчестве Пушкина оказало влияние сельцо Захарово, традиционный уклад которого с шумными праздниками, хороводами и песнями, живописной природой, сказками няни помнил поэт с детства. Захарово стало для Пушкина особым миром, в котором были заложены основы мировосприятия, созерцания окружающего. В стихотворении «Послание к Юдину» (1815) поэт представил наиболее полное описание усадьбы Захарово:

Уж вижу в сумрачной дали
Мой тесный домик, рощи тёмны,
Калитку, садик, ближний пруд,
И снова я, философ скромный,
Укрылся в милый мне приют.
И, мир забыв и им забвенный, —
Покой души вкушаю вновь... [I; с. 167]

Образы усадебного мира в стихотворении представлены через воспоминания. Бытовых картин в стихотворении нет, образ усадьбы воплощён в идиллическом преломлении, тяготеет к творчеству Батюшкова, Муравьёва. В последующих, уже прозаических, произведениях Пушкин также вспоминает Захарово. Л.М. Аринштейн в работе «Сельцо Захарово в биографии и жизни А.С. Пушкина» указал на значение этой усадьбы в повести «Барышня-крестьянка»: «Образ Захарово в то время акти-

визировался в сознании Пушкина, находился, выражаясь фигурально, на кончике пера. А это значит, что какие-то элементы этого образа так или иначе участвовали в формировании поэтической картины русской помещичьей жизни, изображённой в повести». [2; с. 9]

Ещё в лицейский период Пушкин в стихотворении «Воспоминания в Царском Селе» (1814) указал на иное значение усадьбы, которое стало характерным для его произведений на протяжении всего творчества. Усадьба в сознании Пушкина неразрывно связана с историей государства. Значительное влияние на восприятие поэтом усадьбы оказали Большие Вязёмы. Интересно, что, находясь в Михайловском и работая над романом «Евгений Онегин», Пушкин в черновой рукописи второй главы вспомнил и изобразил силуэт церкви Преображения в Больших Вязёмах.

Во время Михайловской ссылки Пушкин часто бывал в Святых Горах, работал в монастырской библиотеке, собирая материал для трагедии «Борис Годунов». Но черновой рисунок поэта с изображением церкви Преображения свидетельствует о том, что поэт при создании трагедии «Борис Годунов» обращался и к этому храму. Такое обращение к местам, связанным с детством, является неслучайным — поэт словно превращает «тропинки детства» в «тропы истории», старинные названия родных мест — бывших когда-то владений семьи Годуновых — звучат как топонимы Смутного времени.

Но через всю сознательную жизнь поэт пронёс в своём сердце образ другой усадьбы. От личной и творческой биографии Пушкина неотделима усадьба Михайловское. Именно с этими местами связано более глубокое, философское восприятие поэтом образа русской усадьбы.

Рис. 1. И. Иванов. Сельцо Михайловское, 1838

Красоту псковских мест поэт оценил ещё в свой первый приезд в Михайловское — в 1819 г. он написал стихотворение «Домовому» — стихотворение, напоминающее просьбу, молитву о сохранении, защите усадьбы:

Поместья мирного незримый покровитель,
Тебя молю, мой добрый домовой,
Храни селенье, лес, и дикий садик мой,
И скромную семью моей обитель! [II; с. 93]

В этом же году мир русской усадьбы был описан Пушкиным в стихотворении «Деревня». Восприятие усадьбы здесь сложнее. Представлено два мира: мир большой — это мир вне усадьбы (мир истории) и мир малый — сама усадьба, дом, приют спокойствия и вдохновения. Связующей нитью этих «миров» стало изображение повседневной жизни крестьян.

В лирических произведениях, эпистолярном наследии Пушкина периода можно найти самые разные упоминания о родной усадьбе. В Михайловском поэтом создано около ста произведений, которые являются своеобразным путеводителем по этим местам.

Обращаясь в стихотворениях к Михайловскому, Пушкин никогда не называл это место усадьбой. По отношению к Михайловскому поэт использует иные номинации: деревня (самое частое), «поместье мирное», «изгнанья тёмный уголок», «изгнанье мирное», «глушь», «мой мирный уголок», «обитель дальняя трудов и чистых нег», «строгое уединенье».

В черновике письма Пушкина к В.Ф. Вяземской можно по отношению к Михайловскому найти даже Евангельское изречение: «И вот я — пророк в отечестве своём». Особенно ценным для этого периода в жизни поэта стало «постоянное соприкосновение» со Святогорским монастырём. Митрополит Анастасий (Грибановский) писал о жизни Пушкина в усадьбе:

«Наблюдая воочию тесную нравственную связь народа с монастырём и углубляясь в изучение истории Карамзина и летописей, где развёртывались перед ним картины древней аскетической Святой Руси, Пушкин со свойственной ему добросовестностью не мог не оценить незримого нравственного влияния, какое оказывала на наш народ и государство наша Церковь, бывшая их вековой воспитательницей и строительницей» [3; с. 48]. В Святогорский монастырь поэт приходил в моменты творческих исканий, сюда приходил поклониться могилам предков, памятью которых он дорожил.

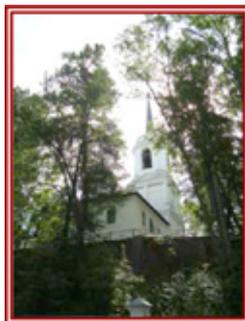

Рис. 2. Святогорский Свято-успенский монастырь

Анализ писем Пушкина этих лет показывает, что мысли поэта всё более занимали христианские добродетели — помощь и внимание к ближним, сострадание человеку. Пушкин обращался к друзьям, чтобы попросить их участия в оказании помощи. В письмах к брату очевидна забота о судьбах людей, пострадавших от наводнения в Петербурге, — поэт готов отказаться от денег на издание «Евгений Онегина» в пользу несчастных: «Этот потом с ума мне нейдёт, он вовсе не так забавен, как с первого взгляда кажется. <...> Помогай из Онегинских денег, но, прошу, без всякого шума, ни словесного, ни письменного» (из письма к Л.С. Пушкину от 4 декабря 1824) [XIII; с. 127].

Роман «Евгений Онегин» настолько вдохновил Пушкина, что он позабыл о прежнем своём нерадостном пре-

бывании в усадьбе в Михайловском, в письме В.Ф. Вяземской в октябре 1824 г. поэт сообщил: «Я нахожусь в наилучших условиях, чтобы закончить мой роман в стихах» [XIII; с. 114]. Наблюдения за усадебной жизнью Михайловского и других окрестных деревень давала натуральный, верный материал из истории сельской жизни. В каждый свой приезд в Михайловское Пушкин бывал в Тригорском — в усадьбе Осиповых-Вульф:

Быть может (сладкое мечтанье!),
Я к Вашим возвращусь полям,
Приду под липовые склоны,
На скат тригорского холма,
Поклонник дружеской свободы,
Веселья, граций и ума.
«Простите, верные дубравы...» [I; с. 36]

Рис. 3. Усадьба Тригорское

Находясь в псковских имениях, Пушкин написал для романа несколько глав, в которых великолепно рассказал об усадебной жизни, показал картины деревенской природы. Снова Пушкин не употребляет слова «усадьба». Описывая имение Онегиных, поэт называет дом «почтенным замком».

Это определение синонимично названию господского дома. Неоднократно именно так Пушкин называет Тригорский дом: «Вчера я посетил Тригорский замок, библиотеку, сад. Уединение его поистине поэтично, так как оно полно вами и воспоминаниями о вас. Вспоминайте иногда Тригорского изгнанника» (из письма А.С. Пушкина к П.А. Осиповой-Вульф, 25 июля 1825) [XIII; с. 193].

В Тригорском Пушкин особенно любил парк. По определению С.С. Гейченко, Тригорский парк — «самый замечательный образец русского садово-паркового искусства второй половины XVIII в» [4; с. 151]. Липовые аллеи, чудесные виды на приволье полей, лугов, изгибы реки Сороти — всё это нашло своё отражение в романе «Евгений Онегин». Образ усадьбы в романе складывается из сплетения природных, пространственно-временных и лирических мотивов. Наиболее важные события в «Евгении Онегине» происходят именно в усадебном парке — сцена свидания и объяснения Татьяны с Онегиным, в саду Татьяна мечтает о своём герое. Сад в усадьбе Лариных светлый, солнечный, радостный. Таким запомнил Пушкин парк Тригорского, поэтическим символом которого, символом многих радостей, творчества была «ель-шатёр». О значении Тригорского парка в романе Пушкина написал К.Г. Паустовский в книге «Михайловские рощи: повести

и рассказы»: «Тригорский парк пропитан солнцем. Такое впечатление остаётся от него почему-то даже в пасмурные дни. Свет лежит золотыми полянами по весёлой траве, зелени лип, обрывах над Соротью и на скамье Онегина. <...> Этот парк как будто создан для семейных праздников, дружеских бесед, для танцев при свечах под чёрными шатрами листьев, девичьего смеха и шутивых признаний» [5; с. 186].

Образ усадебного парка в «Евгении Онегине» наполнен красотой, эстетикой, выступает как идиллический. В романе Пушкин описывал кабинет, очень похожий на свой в Михайловском:

И стол с померкшею лампадой,
И груда книг, и под окном
Кровать, покрытая ковром,
И вид в окно сквозь сумрак лунный,
И этот бледный полусвет,
И лорда Байрона портрет,
И столбик с куклою чугунной
Под шляпой с пасмурным челом,
С руками, сжатými крестом. [VI; с. 146]

Рис. 4. Кабинет А.С. Пушкина в усадьбе Михайловское

Старый усадебный дом в Михайловском точно напоминал те имения, которые поэт описывал в ранних стихотворениях. В комнатах было много вещей отца и деда, в книжном шкафу — старые книги, землемерные планы, месяцесловы, календари, альбомы матери.

Интерес к истории своих предков неотделим у Пушкина от истории родового поместья. В 1827 г. Поэт, «почуя рифмы», вновь посетил Михайловское. В этот приезд Пушкин начал писать своё первое прозаическое произведение — роман «Арап Петра Великого». К эпохе Петра I поэт обратился как профессиональный историкограф. Главным героем романа стал прадед самого поэта — Абрам Петрович Ганнибал. С интересом к истории рода, истории государства Пушкин посещал усадьбу Ганнибалов Петровское — сельцо, расположенное неподалёку от Михайловского, на противоположном берегу озера Кучане. Поэт часто бывал у своих родственников, слышал про «стародавних бар рассказы» от старых слуг Ганнибалов. Ещё со времён Михайловской ссылки Пушкин мечтал получить от П.А. Ганнибала автобиографию своего прадеда, в письме к П.А. Осиповой он писал: «Я рассчитываю ещё повидать моего двоюродного дедушку — старого арапа, который, как я полагаю, не сегодня — завтра умрёт, а между тем мне необходимо раздобыть от него записки, касающиеся моего прадеда» [XIV, с. 494].

Полученные от П.А. Ганнибала сведения об истории рода положены Пушкиным в основу «Арапа Петра Великого». В романе нет конкретного изображения усадебной жизни русского дворянина, но в противопоставлении старого патриархального уклада новому, петровскому быту поэт отразил истинные национальные ценности русской жизни: дом, семья, преемственность поколений. В.Г. Белинский, определяя значение романа для русской литературы, писал: «Будь этот роман кончен, так же хорошо, как начат, мы имели бы превосходный исторический русский роман, изображающий нравы величайшей эпохи русской истории» [6; с. 490]. В «Арапе Петра Великого» отражение нашли те черты, которые соответствовали традиционной русской усадебной культуре. Таким представлено отношение к родовому имени Гаврилы Афанасьевича Ржевского: «Он происходил от древнего боярского рода, владел огромным имением, был хлебосолом, любил соколиную охоту. Дворня его была многочисленна. Словом, он был коренной русский барин, по его выражению, не терпел немецкого духу и старался в домашнем быту сохранять обычаи любезной ему старины».

Известно, что П.А. Ганнибал, славившийся своим суровым нравом, особенно по отношению к крестьянству, стал прообразом Троекурова в романе «Дубровский»: «Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать полную волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума. Несмотря на необыкновенную силу физических способностей, он раза два в неделю страдал от обжорства и каждый вере бывал навеселе. <...> С крестьянами и дворовыми обходился он строго и совершенно равно» [VIII; с. 161]. Удивительно много общих черт и в быту изображённого села Покровского: «Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губерниях, где находилось его имение. Дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность, разделяя шумные, а иногда и буйные его увеселения» [VIII; с. 161]. Совпадает и столь характерный для Петровского пейзаж: «Вот Покровское! Дубровский поднял голову. Он ехал берегом широкого озера, из которого вытекала речка и вдали извивалась между холмами» [VIII; с. 174].

Новым словом в творчестве поэта, во всей русской литературе стали «Повести покойного Ивана Петровича Белкина». Проза дала возможность Пушкину «раскрыть личную жизнь и внутренний мир человека в связи с жизнью социальной и общественными отношениями» [7; с. 338]. Действительно, в процессе создания цикла повестей большое значение имела реальная деревенская действительность, окружившая поэта в Болдино в 1830 г. Знакомство с вотчиной предков стало для Пушкина ещё одним источником творчества, подобно Михайловскому, Тригорскому, Петровскому. Мир «Повестей Белкина» — мир русской провинции, в котором изображение дворянской усадьбы, её быта имело особое значение.

Образ провинциальной дворянской усадьбы появился на страницах повестей «Барышня-крестьянка», «Метель», «Выстрел». В каждой из этих повестей читатель встретит описание усадебного дома, парка, познакомится с укладом жизни провинциального помещика. Если проследить образ усадьбы на протяжении всего цикла повестей, можно отметить, что в «Гробовщике», в одной из первых повестей цикла, изображён на фоне мрачной атмосферы московский дворянский особняк, занятый нечестно разбогатевшим предпринимателем, а заканчивается цикл повестью «Барышня-крестьянка», показывающей идиллическую усадебную провинциальную жизнь. Уже из этого сопоставления видно, что Пушкин противопоставил городской жизни жизнь деревенскую, традиционную, самодостаточную.

В повести «Выстрел» усадьба стала местом, в котором разворачиваются необычные приключения, романтические коллизии. Описан уклад жизни некой деревеньки Н*: *«Ближних соседей около меня не было, кроме двух-трёх горьких, коих беседа состояла большей частью в икоте и вздыханиях»* [VIII; с. 71]. Скучной деревенской жизни противопоставлена жизнь богатой графской усадьбы, куда очень редко приезжают владельцы. Пушкин представил в повести замечательное описание этой усадьбы: *«Обширный кабинет был убран со всевозможной роскошью; около стен стояли шкафы с книгами, и над каждым бронзовый бюст; над мраморным камином было широкое зеркало, пол был обит зелёным сукном и стлан коврами»* [VIII; с. 71].

«Портрет» провинциальной дворянской усадьбы изображён Пушкиным в повести «Барышня-крестьянка». Представлено поместье, словно самостоятельное государство, с хозяевами, землями, крестьянами. Центр усадьбы — барский дом, в котором Пушкин описал несколько комнат (столовая, библиотека, гостиная, спальни). В усадьбе было своё хозяйство — ферма, конюшни, пастбища, сенокосные угодья. Барская усадьба была огорожена, деревню окружала околица. Показаны и развлечения господ — приезды гостей, охота. Уклад жизни усадьбы — патриархальный, жили «от праздника к празднику». Так в повести показан идиллический мир, воплощение родного дома, естественности, внутренней гармонии, свободы,

простоты. Особенности изображения провинциального быта подчёркнуты Н.К. Геём в работе «Пушкин — прозаик». Исследователь писал: «Удивительный феномен — «раздвижение» рамок пушкинского повествования. Это «расширяющийся» изнутри мир, казалось бы сосредоточенный «на пяточке», но таящий в себе огромный, национальный, истинно русский мир» [8; с. 376].

Образ усадьбы в творчестве Пушкина не может быть однозначно представлена как идиллическая, критическая или диалектическая. В произведениях поэта усадьба — это символ русской национальной культуры, она несёт в себе мировоззренческую функцию, является своеобразной моделью миропонимания дворянина. В творчестве Пушкина в разнообразных воплощениях представлена духовная сущность усадьбы: изображение усадебных строений, садов, бытовых предметов, взаимоотношений господ и дворовых, разных поколений семьи владельца. Изображая эти составляющие, поэт показывает, что усадьба — это не просто мечта об одиночестве, спокойствии, творчестве, а жизнь среди близких и родных душ, понимание родовой связи предков и потомков как основы достоинства человека, как условие жизни в мире. Образ усадьбы отражает присущее поэту чувство историзма.

В стихотворении «Вновь я посетил...» (1835) выражен апофеоз духовного мира усадьбы в пушкинском понимании: журчанье ручья будит воспоминания не о рассказах няни, приятных сердцу, как привычный и однообразный шум любимого ручья:

...Но пусть мой внук
Услышит ваш приветный шум, когда,
С приятельской беседы возвращаясь,
Веселых и приятных мыслей полон,
Пройдет он мимо вас во мраке ночи
И обо мне вспомнит.
[III; с. 400]

Нравственно-эстетические ценности, воплощённые Пушкиным в образе русской усадьбы, являются необходимыми для дальнейшего полноценного существования как каждого из нас в отдельности, так и для возрождения и развития всей русской культуры.

Литература:

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 16 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959. Цитаты будут приведены по этому изданию с указанием тома и страницы в тексте статьи.
2. Аринштейн Л.М. Сельцо Захарово в биографии и жизни А.С. Пушкина. М., 2004. с. 9.
3. Грибановский Анастасий, митрополит. Пушкин и его отношение к религии и Православной Церкви. М., 1996. с. 48.
4. Гейченко С.С. Пушкиногорье. М., 1981. с. 151.
5. Паустовский К.Г. Михайловские рощи: повести и рассказы. Ярославль, 1982. с. 186.
6. Белинский В.Г. Собр. соч.: В 9-ти т.М., 1981. Т.6, с. 490.
7. Гессен А.И. Жизнь поэта. М., 1972. с. 338.
8. Гей Н.К. Пушкин — прозаик. М., 2008. с. 376.

Типичные функции компаратива (на примере поэмы Н.В. Гоголя «Мертвые души»)

Самсонова Елена Николаевна, аспирант

Московский государственный областной социально-гуманитарный институт

Известно немало научных работ, посвященных изучению функционирования сравнений в языке отдельных писателей и поэтов [см. работы М.В. Андреевой, В.В. Вомперского, Н.А. Кожевниковой, Е.А. Некрасовой, А.Е. Камышовой, И.Г. Пятаевой, Е.А. Филатовой, Л.И. Рудницкой, И.Е. Грицютенко, Л.Т. Красиной, С.В. Сыпченко, В.И. Мацапуры, И.Е. Боднара и др.]. Такой повышенный интерес к изучению сравнений и их функционирования в художественном тексте обусловлен тем обстоятельством, что «...именно сравнение является одним из средств репрезентации мировоззренческих, интеллектуальных и эмоциональных интенций личности, отраженных в её творениях — текстах художественных произведений» [1, с. 44].

Данная статья посвящена выявлению основных функций компаративных единиц в поэме Н.В. Гоголя «Мертвые души». Вслед за исследователем И.Г. Пятаевой, мы выделили оценочно-характеристическую, субъективно-познавательную, конкретизирующую и описательно-образительную функции.

С одной стороны, все эти функции являются постоянными (или типичными), так как они «...присущи сравнению априори, определены изобразительным характером фигуры: компаратив всегда будет их выполнять, независимо от художественных задач конкретного произведения» [6, с. 64] Но, с другой стороны, в рамках нашего исследования интересным представляется количественное соотношение сравнений в названных функциональных группах (см. Приложение 1).

В поэме «Мертвые души» нами было зафиксировано 367 сравнений, различных по объему, способу выражения и семантической наполненности. Проанализировав собранный языковой материал, мы получили следующие результаты:

1) Большая часть сравнений (30,5 %) выполняет описательно-образительную функцию, что, на наш взгляд, объясняется композиционными особенностями поэмы.

Главы «Мертвых душ» связаны между собой сюжетобразующим героем Павлом Ивановичем Чичиковым, путешествующим по российским губерниям с единственной целью добыть «миллион». В первой главе автор дает общую характеристику провинциального губернского города, неоднократно используя компаративные единицы. Например, подробнейшим образом (изображение занимает более трех страниц) описана гостиница, в которой остановился главный герой: «...гостиница была тоже известного рода, то есть именно такая, как бывают гостиницы в губернских городах, где за два рубля в сутки проезжающие получают покойную

комнату с тараканами, выглядывающими, как чернослив, из всех углов, и дверь в соседнее помещение, всегда заставленную комодом, где устраивается сосед, молчаливый и спокойный человек, но чрезвычайно любопытный, интересующийся знать о всех подробностях проезжающего [2, с. 8]; «...половой бежал по истертых клеенкам, помахивая бойко подносом, на котором сидела такая бездна чашек, как птиц на морском берегу <...> на одной картине изображена была нимфа с такими огромными грудями, какие читатель, верно, никогда не видывал» [2, с. 9]; «После обеда господин выкушал чашку кофею и сел на диван, подложивши себе за спину подушку, которую в русских трактирах вместо эластичной шерсти набивают чем-то чрезвычайно похожим на кирпич и булыжник» [2, с. 10] и др.

Вторая, третья, четвертая, пятая и шестая главы, посвященные помещикам, имеют сходную композицию: пейзажная зарисовка, подробное описание дома и его обитателей, портретная характеристика помещика, обед и, наконец, сцена продажи мертвых душ. Такое построение глав предполагает использование большого количества сравнений, выполняющих именно описательно-образительную функцию, и дает автору возможность детально «прорисовать» образ каждого помещика, по замечанию Ю.В. Манна, «...одна подробность влечет за собой другую, все вместе они составляют тон, колорит, смысл образа...» [7, с. 277]

Для наглядности некоторые компаративные единицы, входящие в данную функциональную группу представим в виде сравнительных таблиц (см. Таблицы 1, 2, 3, 4, 5).

Нами неслучайно были взяты для анализа образы Манилова и Плюшкина: Маниловым Н.В. Гоголь открывает свою галерею помещиков, а Плюшкиным закрывает её.

По нашему мнению, сравнения, которые использует Н.В. Гоголь для создания образа Манилова, с одной стороны, подчеркивают неопределенность персонажа («ни то ни се, ни в городе Богдан ни в селе Селифан», день «какого-то светло серого цвета», стены выкрашены «какой-то голубенькой краской вроде серенькой»), и, с другой стороны, они отражают авторскую иронию через противоречия в описаниях, несоответствие желаемого и действительного (на одном столе «щегольский подсвечник» и «медный инвалид», на обед подается самое простое блюдо — щи, «не как на паркетах и в столицах», но «от чистого сердца»).

Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают компаративные единицы, служащие для портретной характеристики помещика: «Манилов, еще вовсе человек не пожилой, имевший глаза, сладкие как сахар, и шу-

Таблица 1

Пейзажная зарисовка

Персонаж	Пример
Манилов	«Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день был не то ясный, не то мрачный, а какого-то светло-серого цвета, какой бывает на мундирах гарнизонных солдат, этого, впрочем, мирного войска, но отчасти нетрезвого по воскресным дням» [2, с. 28]
Плюшкин	«Зелеными облаками и неправильными трепетоллиственными куполами лежали на небесном горизонте соединенные вершины разросшихся на свободе дерев. Белый колоссальный ствол березы, лишенный верхушки, отломленной бурей или грозой, подымался из этой зеленой гущи и круглился на воздухе, как правильная мраморная колонна <...> Хмель <...> обвивал до половины сломленную березу. Достигнув середины ее, он оттуда свешивался вниз и начинал цеплять вершины других дерев или же висел на воздухе, завязавши кольцами свои тонкие цепкие крючья...» [2, с. 107].

Таблица 2

Портретная характеристика

Персонаж	Пример
Манилов	«На первый взгляд он был человек видный; черты лица его были не лишены приятности, но в эту приятность, казалось, чересчур было передано сахару...» [1, с. 23]; «... явя в лице своем выражение не только сладкое, но даже приторное, подобное той микстуре, которую ловкий светский доктор засластил немилосердно, воображая ее обрадовать пациента» [1, с. 28]
Плюшкин	«...маленькие глазки еще не потухнули и бегали из-под высоко выросших бровей, как мыши, когда, высунувши из темных нор остренькие морды, насторожа уши и моргая усом, они высматривают, не затаился ли где кот или шалун мальчишка, и нюхают подозрительно самый воздух» [2, с. 111]; «Гораздо замечательнее был наряд его: никакими средствами и стараниями нельзя было докопаться, из чего состряпан был его халат: рукава и верхние полы до того засалились и залоснились, что походили на юфть, какая идет на сапоги; назади вместо двух болталось четыре полы, из которых хлопьями лезла хлопчатая бумага.» [2, с. 111]

Таблица 3

Описание обстановки

Персонаж	Пример
Манилов	«Комната была, точно, не без приятности: стены были выкрашены какой-то голубенькой краской вроде серенькой, четыре стула, одно кресло, стол, на котором лежала книжка с заложенною закладкою, <...> но больше всего было табаку. Он был в разных видах: в картузах и в табачнице, и, наконец, насыпан был просто кучею на столе.» [2, с. 30–31]. «Вечеру подавался на стол очень щегольский подсвечник из темной бронзы с тремя античными грациями, с перламутровым щитом, и рядом с ним ставился какой-то просто медный инвалид, хромой, свернувшийся на сторону и весь в сале, хотя этого не замечал ни хозяин, ни хозяйка, ни слуги» [2, с. 24].
Плюшкин	«Он [Чичиков] вступил в темные широкие сени, от которых подуло холодом как из погреба. <...> он наконец очутился в свету и был поражен представшим беспорядком. Казалось, как будто в доме происходило мытьё полов и сюда на время нагромоздили всю мебель. <...> На бюро <...> лежало множество всякой всячины: <...> лимон, весь высохший, ростом не более лесного ореха, <...> два пера, запачканные чернилами, высохшие, как в чахотке, зубочистка, совершенно пожелтевшая, которую хозяин, может быть, ковырял в зубах своих ещё до нашего приезда на Москву французов <...> С середины потолка видела люстра в холстинном мешке, от пыли сделавшаяся похожею на шелковый кокон, в котором сидит червяк» [2, с. 109–110].

Таблица 4

Описание обеда (угощения для гостя)

Персонаж	Пример
Манилов	<i>«Вы извините, если у нас нет такого обеда, какой на паркетах и в столицах, у нас просто, по русскому обычаю, щи, но от чистого сердца»</i> [2, с. 29]
Плюшкин	<i>« – Ведь вот не съешь, а у меня был славный ликерчик, если только не выпили! Народ такие воры! А вот разве не это ли он? « – Чичиков увидел в руках его графинчик, который был весь в пыли, как в фуфайке. – Еще покойница делала, – продолжал Плюшкин, – мошенница ключница совсем было его забросила и даже не закупила, каналья! Козявки и всякая дрянь было напичкались туда, но я весь сор-то повынул, и теперь вот чистенькая; я вам налью рюмочку.»</i> [2, с. 107].

Таблица 5

Мимика персонажа в момент, когда Чичиков предлагает продать ему мертвые души

Персонаж	Пример
Манилов	<i>«Здесь Манилов, сделавши некоторое движение головою, посмотрел очень значительно в лицо Чичикова, показав во всех чертах лица своего и сжатых губах такое глубокое выражение, какого, может быть, и не видано было на человеческом лице, разве только у какого-нибудь слишком умного министра, да и то в минуту самого головоломного дела.»</i> [2, с. 34–35]
Плюшкин	<i>« – Ах, батюшка! ах, благодетель мой! – вскрикнул Плюшкин, не замечая от радости, что у него из носа выглянул весьма некартинно табак, на образец густого кофею <...> Но не прошло и минуты, как эта радость, так мгновенно показавшаяся на лице его, так же мгновенно и прошла, будто ее вовсе не бывало, и лицо его вновь приняло заботливое выражение.»</i> [2, с. 117].

ривший их всякий раз, когда смеялся...» [2, с. 16]; «Как он может [губернатор] этак, знаете, наблюсти деликатность в своих поступках, – присовокупил Манилов с улыбкою и от удовольствия почти совсем зажмурил глаза, как кот, у которого слегка пощекотали за ушами пальцем» [2, с. 27]. Как мы видим, автор неоднократно описывает глаза Манилова, акцентируя таким образом внимание читателя на данной детали портрета. «Глаза – зеркало души», – гласит народная мудрость, но с чем Н.В. Гоголь сравнивает глаза помещика? Объектами сравнения становятся сахар и кот, «которого слегка пощекотали за ушами пальцем». В «Большом словаре русских народных сравнений» под ред. В.М. Мокиенко находим следующее толкование компаративной единицы «сладкий как сахар»: «Пренебр. О чем-либо лицемерно слащавом, приторно любезном и угодливом поведении» [9, с. 594]. В разговоре с Чичиковым Манилов упоминает губернатора, способного «наблюсти деликатность в своих поступках», эта черта вызывает у помещика неподдельное восхищение, заставляя его зажмуриться от удовольствия. На наш взгляд, данные сравнения не только помогают раскрыть образ Манилова, но и формируют у читателя негативное отношение к персонажу.

Компаративные единицы, введенные в текст поэмы для создания образа Плюшкина, акцентируют внимание чита-

теля на таких качествах персонажа, как скупость, мелочность и мнительность, которые постепенно разрастаются до невероятных размеров и превращают «рачительного хозяина» в «прореху на человечестве». Когда-то у Плюшкина была семья: «две милостивые дочки, обе белокурые и свежие, как розы» [2, с. 112], сын, «разбитной малый», хозяйство «текло живо и совершалось размеренным ходом <...> везде и во все входил зоркий взгляд хозяина и, как трудолюбивый паук, бегал хлопотливо, но расторопно, по всем концам своей хозяйственной паутины» [2, с. 112], но с течением времени помещичий дом опустел, а вещи обратились в тлен: «люстра в холстинном мешке от пыли сделалась похожа на шелковый кокон, в котором сидит червяк» [2, с. 110], «В углу комнаты была навалена на полу куча <...> пыли в ней было в таком изобилии, что руки всякого касавшегося становились похожи на перчатки» [2, с. 110], клади и стоги превратились в навоз, «хоть разводи на них капусту», мука в подвалах «превратилась в камень <...> к сукнам, холстам и домашним материям страшно было притронуться, они обрачались в пыль» [2, с. 114] и т.д.

Такое детальное описание вещей, окружающих Плюшкина и постепенно превращающихся в пыль, неслучайно. По замечанию Е.С. Добиная, «...нужно было нагромоздить,

навалить, нагородить подробности. Само скопление их образно выражало, как сгнившие, омертвевшие вещи навалились на героя этой главы, задавив все человеческое, что было в нем раньше» [5, с. 44].

2) На втором месте сравнения, выполняющие субъективно-познавательную функцию (27 %), «связанную с отражением в сравнении точки зрения самого персонажа» [10, с. 14]. Возьмем, к примеру, переживания Чичикова после неудачной встречи с Ноздрёвым (глава V): «*Что ни говори, — сказал он сам в себе, — а не подоспей капитан-исправник, мне бы, может быть, не далось бы более и на свет божий взглянуть! Пропал бы как волдырь на воде, без всякого следа, не оставивши потомков, не доставив будущим детям ни состояния, ни честного имени!*» [2, с. 85]. Здесь использовано сравнение «пропал бы как волдырь на воде, без всякого следа», которое заставляет читателя взглянуть на ситуацию глазами персонажа, понять, что он чувствует, что его тревожит, и постигнуть психологию его поступков. Павел Иванович Чичиков озабочен вопросом продолжения рода: в его планы, безусловно, входят жена и дети. Герой считает своим долгом обеспечить будущей семье «состояние» и «честное имя». Автор, вводя в текст данное сравнение, как будто заставляет читателя задуматься: «Может быть, афера с мертвыми душами — это всего лишь попытка выполнить свой долг и стать счастливым?»

Не менее интересными, на наш взгляд, являются и размышления героя после бала (глава VIII): «*Нет, право... после всякого бала точно как будто какой грех сделал; и вспоминать даже о нём не хочется. В голове просто ничего, как будто после разговора со светским человеком...*» [2, с. 212]. Интересно отметить, что в начале поэмы на бале у губернатора (глава I) Чичиков, стараясь произвести приятное впечатление на чиновников и дам города NN, был со всеми обходителен, учтив и крайне любезен. Но в главе VIII герой ведет себя иначе: он никого не замечает, от любезностей и учтивости не остается и следа, мысли Павла Ивановича заняты только губернаторской дочкой, остальные для него как будто не существуют («... *весь бал, со своим говором и шумом, стал на несколько минут как будто где-то вдали...*» [2, с. 161]). Наконец, герой у цели, он завязывает с блондинкой разговор, не подозревая, что ему уже готовится «пренеприятнейшая неожиданность» в лице Ноздрева, который раскрывает тайну о покупке мертвых душ. Для Чичикова это становится крахом всего, о чем он мечтал, что запланировал. И, приехав в гостиницу, он долго не может успокоиться и прийти в себя: «...*положение мыслей и духа его было так же беспокойно, как беспокойны те кресла, в которых он сидел. Неприятно, смутно было у него на сердце, какая-то тягостная пустота оставалась там...*» [2, с. 166]. Герой восклицает: «*Чтоб вас черт побрал всех, кто выдумал эти балы!*» [2, с. 166] и далее автор вводит в текст монолог Чичикова, посвященный балам, в котором отражается точка зрения персонажа: «... *просто*

дрянь бал, не в русском духе, не в русской натуре <...> Всё из обезьянства, всё из обезьянства!» [2, с. 166]. На наш взгляд, герой неслучайно сравнивает свои чувства после бала с грехом, а ощущение внутренней опустошенности ассоциирует с разговором светского человека, ведь Чичиков знает настоящую цену этой роскоши: «*Невидаль, что иная наворотела на себя тысячу рублей! А ведь на счет же крестьянских оброков или, что еще хуже, на счет совести нашего брата. Ведь известно, зачем берешь взятку и покривишь душой: для того чтобы жене достать на шаль...*» [2, с. 166].

3) На третьем месте сравнения, выполняющие оценочно-характеристическую функцию (22,9 %), «связанную с появлением в сравнении авторской модальности» [10, с. 14]. Проанализируем ряд компаративных единиц, отражающих авторскую иронию.

Например, для характеристики полицмейстера Н.В. Гоголь использует сразу несколько компаративных единиц: «*Полицмейстер был некоторым образом отец и благотворитель в городе. Он был среди граждан совершенно как в родной семье...*» [2, с. 142]. Здесь сравнения полицмейстера с «отцом» и «благотворителем», а горожан — с «родной семьей» создают комический эффект, который усиливается с добавлением еще одного сравнения: «...*а в лавки и в гостинный двор навевывался, как в собственную кладовую*» [2, с. 142].

Приведем еще один пример, когда сравнение выполняет оценочно-характеристическую функцию: «*Вот я сейчас отдам приказ, — сказал он [председатель] и отворил дверь в канцелярскую комнату, всю наполненную чиновниками, которые уподобились трудолюбивым пчелам, рассыпавшимся по сотам, если только соты можно уподобить канцелярским делам...*» [2, с. 138]. Сравнение чиновников с «трудолюбивыми пчелами, рассыпавшимися по сотам», безусловно, отражает иронию автора. Труды пчел и труды чиновников неравнозначны: первые добросовестно выполняют свою работу, вторые же только делают вид, что работают, поэтому, по мнению автора, и нельзя соты уподобить канцелярским делам.

Не менее показательна и картина бала в губернаторском доме (глава VIII). После детального описания дам города NN, их нарядов и украшений автор заключает: «... *словом, кажется, как будто на всем было написано: нет, это не губерния, это столица, это сам Париж!*» [2, с. 156]. Однако в следующем предложении Н.В. Гоголь высмеивает стремление провинциальных дам соответствовать последним веяниям моды, их ориентиры (столицу, Париж), упоминая о наличии «собственного вкуса»: «*Только местами вдруг высовывается какой-нибудь не виданный землею чепец или даже чуть не павлиное перо в противность всем модам, по собственному вкусу*» [2, с. 156].

4) Меньше всего компаративных единиц, которые выполняют конкретизирующую функцию (19,6 %), связанную «с описанием при помощи срав-

нений психологических и эмоциональных состояний, движений, жестов и т.д.» [10, с. 15]. Ярким примером может послужить описание Плюшкина, вспоминающего давно минувшее время, когда они с председателем «...однокопытниками были, вместе по заборам лазили!» [2, с. 120]: *«И на этом деревянном лице вдруг скользнул какой-то тёплый луч, выразилось не чувство, а какое-то бледное выражение чувства, явление, подобное неожиданному появлению на поверхности вод утопающего, произведшему радостный крик в толпе, обступившей берег. Но напрасно обрадовавшиеся братья и сёстры кидают с берега верёвку и ждут, не мелькнёт ли снова спина или утомленные бореньем руки, — явление было последнее. Глухо всё, и ещё страшнее и пустынное становится после того затихнувшая поверхность безответной стихии. Так и лицо Плюшкина вслед за мгновенно скользнувшим на нём чувством стало ещё бесчувственней и ещё пошлее»* [2, с. 120]. Здесь Н.В. Гоголь использует развернутое «остраненное» сравнение, в котором настолько широко развивается объект сравнения, что возникает отдельная самоценная картина. Размышления о чувствах Плюшкина, вызванных случайным воспоминанием, рождают у автора ассоциацию с последним появлением на поверхности воды утопающего, то есть с последней надеждой на его спасение. Сравнение расширяется в ряде подробностей, описывающих «толпу, обступившую берег» или «безответную стихию», по замечанию И.Е. Боднара, «...создается впечатление полной автосемантии сравнительно-сопоставительных конструкций, однако при этом каждый

компонент остается зависимым от содержательно-фактуальной стороны текста» [1, с. 49].

Подводя итог всему вышеизложенному, мы хотели бы подчеркнуть, что большая часть компаративных единиц (30,5 %) выполняет описательно-изобразительную функцию: этот факт, на наш взгляд, обусловлен творческой задачей, которую ставил перед Н.В. Гоголь. В 1836 году в письме к В.А. Жуковскому писатель отмечал: «Если совершу это творение так, как нужно его совершить, то... какой огромный, какой оригинальный сюжет! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится в нем!» [4, с. 145] Вполне закономерно, что «стилевой доминантой поэмы «Мертвые души» является описательность» [8, с. 168], которая, по нашему мнению, находит свое выражение и через введение в текст сравнений, выполняющих описательно-изобразительную функцию.

Немного меньше компаративных единиц, которые выполняют субъективно-познавательную функцию (27 %), они позволяют автору наиболее ярко отразить в сравнении ход мыслей, точку зрения того или иного персонажа, такие языковые единицы помогают читателю увидеть мир глазами героев, наталкивают на мысль о неоднозначности гоголевских образов: «Герои мои вовсе не злодеи, прибавь я только одну добрую черту любому из них, читатель примирился бы с ними всеми» [3, с. 258].

В заключение отметим, что дальнейшее исследование компаратива и его функций в художественной прозе Н.В. Гоголя, в частности в бессмертной поэме «Мертвые души», позволит выявить новые аспекты изучения языка писателя, глубже проникнуть в мир гоголевской поэтики.

Литература:

1. Боднар И.Е. Сравнение в языковой картине мира Н.В. Гоголя. — Язык произведений Н.В. Гоголя. Гоголевские чтения в Полтаве. — Полтава, 2009. — 120 с. — С. 44–49
2. Гоголь Н.В. Собрание сочинений. В 7-ми томах. Под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Храпченко. Т.V. Мертвые души. Поэма. Примеч. С.И. Машинского. — М.: «Худож. лит.», 1978. — 541 с.
3. Гоголь Н.В. Собрание сочинений. В 7-ми томах. Под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Храпченко. Т. VI. Статьи. Примеч. Ю.В. Манна. — М.: «Худож. лит.», 1978. — 559 с.
4. Гоголь Н.В. Собрание сочинений. В 7-ми томах. Под общ. ред. С.И. Машинского и М.Б. Храпченко. Т. VII. Письма. Примеч. Г.М. Фридендера. — М.: «Худож. лит.», 1978. — 429 с.
5. Добин Е.С. Искусство детали. Наблюдения и анализ. — Л.: «Советский писатель», 1975. — 192 с.
6. Камышова А.Е. Сравнение и его функции в структуре прозаического текста (на материале прозы В. Брюсова): дис. канд. филол. наук: 10.01.08 — Санкт-Петербург, 2006. — 155 с.
7. Манн, Ю.В. Поэтика Гоголя. 2-е изд., доп. — М.: «Худож. лит.», 1988. — 413 с.
8. Мацапура В.И. Индивидуальный стиль Гоголя и его характерные особенности. Гоголевские чтения в Полтаве. — Полтава, 2009. — С. 164–171. — http://www.nbuv.gov.ua/Portal/Soc_Gum/Pafn/2009_XLVII/pdf/57-64.pdf от 12.05.12 / 20:42
9. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских народных сравнений. — М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. — 800 с.
10. Пятаева, И.Г. Структура, типы и функции сравнений в художественной прозе Ф.М. Достоевского: дис. канд. филол. наук: 10.02.01. — Москва, 1994. — 156 с.

Эпистолярный жанр и его трансформация в русской литературе Мордовии (на примере романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди» и повествования в письмах В. Юрченкова «Мгновения Любви»)

Уторова Екатерина Анатольевна, кандидат филологических наук
МОУ «Средняя общеобразовательная школа с углубленным изучением отдельных предметов № 38»

В русских эпистолярных романах и повестях конца XVIII—XIX вв. форма письма выполняет лишь посредническую функцию. Письма используются либо в их дневниковой, исповедальной функции (фигура адресата формальна), либо как удобное средство для введения в роман разных голосов, разных точек зрения на происходящие события.

Главная проблема, которая оказывается в центре эпистолярной художественной прозы XIX в. — это проблема человеческого общения и взаимопонимания, вопрос о принципиальной возможности/невозможности диалога героев и условиях его осуществления.

В романе Ф.М. Достоевского впервые в русской литературе отношения героев представлены в виде эпистолярного романа-диалога. Большинство последующих произведений русской литературы, написанных в эпистолярной форме и так или иначе продолжающих традицию эпистолярного романа, будет ориентировано на Ф.М. Достоевского — с точки зрения типа героев, своеобразия конфликта и сюжетной ситуации, развития сюжета, а также мотивно-тематического комплекса. В повествовании В. Юрченкова диалога между героями не происходит. Адресат присутствует, но складывается впечатление, что опубликованные письма служат только полем для стили-

стических упражнений. Примером этому служат стихи, написанные автором писем. Но, тем не менее, мы наблюдаем преемственность, традиции классика в произведении В. Юрченкова прозаика Мордовии.

В центре романа в письмах — герой, обретающий себя в слове, ищущий себя и свое «я» посредством освоения письменного слога. Новаторство Ф.М. Достоевского и заключается в том, что в рамки старого, традиционного жанра он вводит нового героя, что, соответственно, программирует и возникновение нового типа сюжета.

Для Макара Девушкина смысл жизни заключается в формировании собственного слога, что означает поиск и постепенное обретение своего «я». В этой разновидности эпистолярного романа осуществлению *happy end*'а мешают внешние обстоятельства, которые вторгаются в мир героев и не дают возможности реализоваться тому «маленькому счастью», которое пытаются создать в своей жизни «маленькие люди».

Для героя В. Юрченкова *happy end*'а вовсе не существует. Герой живет надеждой, что возлюбленная не то что ответит, а просто прочтет его письма. Герои не имеют возможности для встречи, мы не знаем имени героини, кому адресованы письма, а так же пространственно-временные ориентиры не указаны. Но герой не разочаровывается, он живет надеждой на встречу.

Повествование в письмах В. Юрченкова строится на любовном сюжете, ситуации любовного *rendez-vous* (в широком смысле — как встречи мужчины и женщины и завязавшихся между ними личных отношений). Как правило, здесь письма четко делятся на «мужские» и «женские», и этот гендерный признак маркируется и самими героями. Это всегда принципиально переписка мужчины и женщины, это всегда — история любви. Но в нашем случае «женские» письма не опубликованы, возможно они даже и не писались, по крайней мере ссылки на этого в тексте мы не находим.

У Ф.М. Достоевского М. Девушкин — маленький человек, «бедный человек», Варенька — скромная юная девушка, которая страшится «злых людей», «их гонения, ненависти». Макар Алексеевич — ее единственная надежда. Герой любит Вареньку так, что тратит на нее все возможное и даже сверх возможного. Оба героя страдают в этом дисгармоничном мире. Парадокс заключается в том, что они живут рядом друг с другом, но обмениваются самыми сокровенными мыслями только в письмах.

В произведении В. Юрченкова из первого письма мы узнаем героев, «милостивая сударыня» и «робкий поклонник». Перед тем, как привести в текст самого письма, В. Юрченков утверждает его подлинность, жизненную правдивость, говорит, что оно лежит перед ним. Причем, если у Достоевского роман-диалог в письмах, то у прозаика Мордовии — монолог. Письма героя предельно искренни, это письма, где «сердце говорит, где все наружи, все на воле». Нужно очень сильно любить, чтобы написать такое количество писем (напечатано только 15, но писатель указывает, что на этом письма обрываются, что

только эти сохранились). Вначале письма герой называет возлюбленную на «Вы», но с шестого письма, когда чувство начинает разгораться еще больше, переходит на «Ты».

В этих письмах мы наблюдаем настоящую исповедь, тревожные ожидания, сомнения, философские рассуждения о смысле бытия, верность чувству. Здесь в полной мере перед читателем предстает духовный облик героя, его отношение к любви. Письма по интонации, силе чувства, искренности напоминают хвалебную речь. Страстное признание он вынашивал очень долго. Его письма также читаются на одном дыхании. Здесь герой обнаруживает глубину чувства, абсолютную открытость, надежду на взаимность.

Таким образом, письма в повествовании В. Юрченкова «Мгновения любви» являются важными структурными компонентами сюжета, основными средствами раскрытия подлинной сути героя произведения. Герой наделен поистине «божественным» даром слова, который, собственно, и делает человека человеком. Это его и отличает от Макара Девушкина. Но общее между героями то, что их доброе, чувствительное сердце склонно к восторженному восприятию окружающего, к преувеличению «благости» и «доброты» того мира, в котором они существуют. Свою собственную безграничную доброту, свой «оптимизм» они готовы перенести на весь этот, как им кажется, прекрасный божий мир.

Макар Алексеевич Девушкин живет очень непростой, очень противоречивой духовной жизнью. Одна из особенностей его сознания — боязнь правды, желание видеть существующий мир «в розовом свете». Но этим его сознание не исчерпывается. Оно двойственно, и источник этой двойственности — несовпадение, а чаще всего — прямая противоположность между идеальными представлениями, мечтами и надеждами, между чувствительностью сердца героя и угнетающей прозой и холодностью действительности, противоположность между стремлением к человеческому единению и братству и фатальной «разрозненностью частных интересов в благоустроенном обществе». Герой

В. Юрченкова не ощущает трагического разлада между идеалом и действительностью. Согласно его теории человек живет в трех мирах. «Первый мир — мир физический, все то, что нас окружает, до чего можно дотянуться, потрогать пальцами. Второй мир — мир отношений между людьми, далекими и близкими, добрыми и злыми <...> Третий мир — мир смысла <...> [2, с. 36–37]. Здесь трансформируется идея Девушкина о разделении мира на реальный и идеальный. Скорее всего третий мир подразумевается, но не находит своего выражения, поскольку социальный фактор оказывается сильнее эмоциональной сферы героя. Противоречивость духовного мира Девушкина подчинена, однако, определенной закономерности, проистекающей из той глубокой и сложной художественной задачи, которую поставил себе Достоевский. Собственно, сюжет «Бедных людей» — это по-

степенное мучительное осознание героем правды о собственной жизни и о том мире, в котором он обречен существовать. Отсюда — постоянное нарастание трагизма и вместе с тем усиление социальной содержательности романа.

У Ф.М. Достоевского и В. Юрченкова эпистолярный роман — это роман в эпистолярной форме и одновременно роман с эпистолярным сюжетом. История о переписке героев рассказана в форме писем. Каждое из писем в составе романного целого одновременно является и «настоящим» письмом (для героев), и художественной формой (для автора). Каждое письмо имеет типичную композиционную форму: обращение, основное содержание и подпись (как у Ф.М. Достоевского, так и у В. Юрченкова).

Обращение может быть выражено:

1) степени сравнения прилагательного: «Любезнейший Макар Алексеевич!» [1, с. 6] и «Здравствуй, милая!» [2, с. 43], «Здравствуй любимая и милая!» [2, с. 45]

2) форма обращения в письмах может быть официальной: «Милостивая государыня, Варвара Алексеевна!» [1, с. 11], «Милостивый государь, Макар Алексеевич!» [1, с. 63] и «Милостивая сударыня!» [2, с. 37]

Подпись может быть выражена:

1) только именем собственным: «Макар Девушкин» [1, с. 78],

2) только инициалами: «М.Д». (11.08., стр. 87), «В.Д». [1, с. 113],

3) притяжательными местоимениями в сочетании с именем собственным или с инициалами: «Ваша В. Д». [1, с. 76], «Ваш Макар Девушкин» [1, с. 75],

Подобных примеров в произведении В. Юрченкова мы не находим. Почти все письма заканчиваются одинаково: «До свидания, любимая! Да хранит Тебя Бог!» Это во многом объясняется тематикой анализируемых произведений. Подпись, используемая мордовским прозаиком, еще раз показывает отношение героя к своей возлюбленной. Для него она — идеал, совершенство. Использование имени, по нашему мнению, приземлит образ, сделает его более достижимым. В центре такого произведения — герой, обретающий себя в слове, ищущий себя и свое «я» посредством освоения письменного слова.

В анализируемых произведениях подчеркивается значимость такого изобразительного средства как повтор.

Повторы непосредственно связаны со «стилеобразующим ядром» индивидуального почерка Ф.М. Достоевского и В. Юрченкова. В характере повторов, в их количественном использовании, структурном и стилистическом своеобразии с особой яркостью проявляется взволнованность, напряженность повествования.

Например: «И еще скажу, маточка: чуден иногда человек, очень чуден» [1, с. 8]; «Прощайте, прощайте, храни вас господь!» [1, с. 10]; «Только вы-то, ангельчик, выздоравливайте, ради бога, выздоравливайте, не огорчите старика» [1, с. 15] и «После того как я осмелился отправить Вам первое свое послание, я ждал ответа, долго ждал» [Юрченков, 2003: 38]; «Ваш голос как будто звучал рядом,

совсем рядом» [2, с. 38], «И все же Ваш голос звенел, колокольцем звенел, даже неслышимый» [2, с. 38—39].

Повторы подчеркивают интенсивность описания событий жизни главными персонажами: их стиль писем то плавный, неторопливый, то взволнованный, напряженный, динамичный.

С помощью повторов достигается большая смысловая, и экспрессивная нагрузка в изображении внутренних переживаний и личностных качеств персонажей, причём повторы позволяют раскрыть не только отдельные черты характера, но и выявить мгновенное психическое состояние героя.

В работе отмечается изобразительные особенности однородных членов предложения: они выступают как важнейшее средство подробного описания предметов, их свойств, различных явлений и процессов, а также являются средством усиления выразительности речи персонажей.

В письмах главных героев однородные члены предложения выступают в качестве описания окружающей действительности и внутреннего мира персонажей. Например, «А вот теперь весна, так и мысли все *такие приятные, острые, затейливые*, и мечтания приходят нежные; все в розовом цвете» [1, с. 4], «Я еще и в должность не собирался, а вы уж подлинно как пташка весенняя, *порхнули* из комнаты и по двору *прошли* такая веселенькая» [1, с. 4], «Поставил у себя *кровать, стол, комод, стульев парочку*, образ повесил» [1, с. 5—6] и «Мне кажется, что любой человек всегда любит через что-нибудь: *через слово или через безмолвие, через гремучую страсть или через сдержанную и тонкую лирику, через дух, через сознание или через бессознательность, через сходство или через различие*» [2, с. 47], «Прости меня, но я хочу говорить с Тобой *постоянно, ежедневно, ежечасно*» [2, с. 49] (курсив наш).

Своеобразие однородных членов предложения проявляется в двойственности их значения: с одной стороны, с помощью однородных членов достигается большая экспрессивность и выразительность, а с другой, — позволяет судить об образовательном уровне героев.

Тропы — важное средство языковой изобразительности. Изучению тропизации в текстах Ф.М. Достоевского и В. Юрченкова не уделялось должного внимания, а между тем тропы прямо связаны с речевым изображением персонажей.

Тропы являются важным характерологическим средством: с одной стороны, они позволяют ярко и образно раскрыть внутренние чувства и душевные переживания героев, а с другой стороны их использование обусловлено спецификой романа — перепиской персонажей, что проявляется в стремлении главного героя «улучшить свой слог».

Что касается изобразительно-выразительных средств, то в романе Ф.М. Достоевского герой Макар Девушкин использует огромное количество слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «голубчик», «ангельчик», «Варенька» и т.д. Слова с суффиксами уменьшительности

и ласкательности имеют разговорную сферу употребления, характеризуют Девушкина как малообразованного героя и, напротив, сравнительно небольшое количество данных слов у героя В. Юрченкова, свидетельствует о начитанности и образованности героя. В его речи много эпитетов, сравнений, риторических восклицаний, что делает речь более эмоциональной и выразительной. Чувства героя возвышенны, а героиня сравнивается с божеством.

У Ф.М. Достоевского реальность господствует над эмоциями персонажей и «давит» на их чувства. В письмах значительно чаще встречается описание пейзажа и внутреннего состояния персонажей, чем описание портрета и интерьера. Главные герои стараются больше передать свои внутренние ощущения и переживания, что отражается на восприятии природы, чем описывать в красках скудное внешнее окружение и убранство. Данная особенность обусловлена спецификой жанра — переписка позволяет скрывать неприглядную действительность. Например, «У нас растворили окошко; солнышко светит, птички чирикают, воздух дышит весенним ароматом, и вся природа оживает <...>» [1, с. 4] и «Ты приедешь ко мне, а вместе с тобой придет весна. Сойдет весна, обнажится земля, появятся первые робкие ростки травы, рас-

пустится верба, раскроются первые цветы — подснежники» [2, с. 49]. Вместе с весной просыпаются и чувства героев, писателями делается больший акцент на эмоционально-чувственную сферу героев.

Таким образом, пейзажи в анализируемых произведениях имеют важное характерологическое значение: описание природы в письмах главных героев являются отражением их внутренних чувств и переживаний, а также используются для выражения отношения к окружающему.

Таким образом, не подлежит сомнению истинное значение романа Ф.М. Достоевского «Бедные люди» в становлении русской эпистолярной художественной прозы, а также особенности этого жанра, которые проступают в характере самораскрытия главных героев; в возможности сквозь призму чувств и переживаний главных персонажей узнавать о жизни других людей, о которых они друг другу повествуют, а также позволяют ярче «увидеть» героев не только через их отношение к действительности, но и через их речь. Все это находит отражение в произведении прозаика Мордовии В. Юрченкова. Преемственность традиций Достоевского несомненна. Доказательством этого служат лексико-стилистические средства, используемые для характеристики персонажей.

Литература:

1. Достоевский Ф.М. Бедные люди: Роман; Белые ночи. Неточка Незванова. Кроткая: Повести. — Л.: Худож. лит., 1984. — 328 с.
2. Юрченков В. Мгновения любви // Странник. — Саранск, 2008. — С. 3–60.

5. ОБЩЕЕ И ПРИКЛАДНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Практическое владение языками или феномен полиглотов

Абдулхаков Рамис Рафилевич, кандидат филологических наук
Российский исламский институт (г. Казань)

В данной статье мною предпринята попытка проанализировать феномен полиглотов или что нужно знать, чтобы овладеть несколькими иностранными языками. Не скрою, тема весьма интересная, увлекательная, местами и противоречивая, тем не менее, полагаю, что для полноты всей картины необходимо скрупулезное и более детальное научное исследование.

В современном контексте становления многополярного мира, по разным оценкам экспертов существует около 3000 языков. Если говорить о различных диалектах и наречиях, то цифра получится запредельной, однако на сегодняшний день лингвисты всех стран озабочены проблемой исчезновения языков. На грани вымирания порядка 150 языков индейцев США, свыше 200 языков австралийских аборигенов и около 1000 языков Новой Гвинеи. Поэтому одной из глобальных задач современного мира стоит не только вопрос сохранения природных ресурсов, но и сохранение всех культурных традиций и языков.

Полиглот (от греческого *πολυ-*, «много» и *γλῶττα*, «язык») — человек, владеющий многими языками. Владение языками еще называют хобби интеллектуалов. Издавна полиглотов считали чудаками с гениальными наклонностями, изучающими не только языки, но и диалекты исключительно только из любви к своеобразному искусству. В наше непростое время, отношение к этому феномену можно сказать, серьезно изменилось, тем не менее, секретами оперативного изучения иностранных языков известных полиглотам, хотели бы взять на вооружение не только преподаватели, но и простые обыватели.

Ресурсы всемирной паутины пестрят всевозможными методами изучения иностранных языков, в них описаны биографии известных полиглотов как приключенческие романы. Каждый из этих удивительных людей свидетельствует о безграничных возможностях человека. Однако при всем уважении, возникают и весьма противоречивые вопросы, например, удастся ли обычному человеку со средними способностями пройти их путь? Какие эффективные технологии целесообразно использовать, или какими качествами необходимо обладать, чтобы выучить десяток-другой языков?

До сих пор достоверно неизвестно, каким количеством языков может овладеть человек. На протяжении

всей истории человечества находились люди, которые могли изъясняться не только на своем родном языке, но и в разной степени владели большим количеством иностранных языков.

Как гласит легенда, Будда говорил на полутора десятках языках. Один из самых известных полиглотов прошлого, хранитель библиотеки Ватикана кардинал Джузеппе Каспар Меццофанти (1774–1849 гг.) переводил со ста четырнадцати языков и семидесяти двух «наречий», плюс с нескольких десятков диалектов. Джузеппе Меццофанти свободно говорил на шестидесяти языках, почти на пятидесяти из них писал стихи и эпиграммы. При этом стоит отметить, что кардинал никогда не выезжал за пределы Италии и изучил это невообразимое количество языков самостоятельно. Знание иностранных языков издавна считалось неотъемлемым признаком высокой морали, культуры и образованности. Многие исторические деятели, политики, дипломаты и полководцы в совершенстве владели несколькими иностранными языками. Обратимся к биографии некоторых выдающихся личностей:

Первым известным в истории полиглотом был Митридат VI Евпатор, царь Понта. Со своей многонациональной армией, он долго и успешно сражался с Римской империей. Полагают, что Митридат знал 22 языка, на этих языках он вершил суд над своими подданными. Поэтому издания с параллельными текстами на многих языках (особенно Библии) называют «митридатами».

Самой известной в древности женщиной-полиглотом была царица Египта Клеопатра (69–30 до н.э.). Говорят, что она изучила многие языки, тогда как цари, правившие до нее, не знали даже «египетского» (Плутарх, Антоний, 27). Вместе с греческим языком и латинским Клеопатра знала не менее 10 языков.

Кристиана Расмус Рарка (1787–1832). Самый великий зарубежный лингвист. Он свободно говорил на 230 языках. И в память о себе оставил несколько десятков собственноручно составленных словарей.

Людвиг Шютц из Франкфурта-на-Майне свободно поддерживал беседу на 270 языках.

Зияд Фавзи бразилец ливанского происхождения. Знает 58 языков, преподает в университете Сан-Паулу. Свободно говорит, читает и переводит на 58 языках. В 1997 году Книга рекордов Гиннеса назвала его самым

главным полиглотом планеты. Несмотря на столь выдающиеся способности, сеньор Фавзи — человек в высшей степени скромный. Скромность отражается и в преподавании иностранных языков в университете, переводит с любого из пятидесяти восьми языков, для себя хочет переводить со ста. Причем не имеет значения, с какого языка начинать. Сейчас он готовит к изданию учебника по нескольким языкам, используя свой метод быстрого усвоения материала.

Альберто Тальнавани, житель Италии говорит на всех европейских языках, является членом 50 академий мира. Знает 15 языков. Каждый год лингвист добавляет в свою копилку знание двух-трех новых языков.

Ричард Фрэнсис Бёртон — британский путешественник, писатель, поэт, переводчик, этнограф, лингвист, фехтовальщик и дипломат. По некоторым оценкам владел двадцатью девятью языками, относящимися к различным языковым семьям.

Никола Тесла — всемирно известный сербский физик, владел 8 языками.

Гарольд Уильямс журналист из Великобритании знает 80 языков. Интересно, что греческий, латинский, иврит, французский и немецкий Гарольд изучил, когда ему было всего одиннадцать лет.

Лев Толстой в совершенстве владел английским, французским, немецким, итальянским, польским, чешским и сербским. Прекрасно говорил на греческом, латыни, украинском, татарском, церковно-славянском, турецком, болгарском. Изучал древнееврейский и многие другие языки.

Александр Грибоедов знал английский, немецкий, французский, итальянский, латынь и греческий. В зрелые годы изучил турецкий, персидский и арабский.

Николай Чернышевский уже в 16 лет основательно изучил девять языков: латинский, древнегреческий, персидский, арабский, татарский, древнееврейский, французский, немецкий и английский.

Евгений Чернявский (Москва, Россия) может перевести более чем с 45 языков. Свободно говорит на 20 языках.

Вили Мельников знает где-то 93 языка, причем настолько, что может писать стихи. После афганской войны в нем открылись феноменальные способности. Каждый новый язык изучает быстро и без особых усилий, поражая ученых своим талантом.

Юрий Саломехин из Москвы знает 38 языков. Чтобы не забывать изученное составляет расписание на неделю. Сегодня «освежает» немецкий и голландский, завтра — чешский и болгарский, послезавтра — английский и французский. Так каждый день и без перерывов.

Сергей Григорьевич Халипов (доцент кафедры скандинавской филологии СПбГУ) знает 44 языка [<http://best-teachers.ru>].

Как считают полиглоты, любой человек средних способностей может в течение всей своей жизни освоить пять или шесть иностранных языков, неспособных, как известно, нет, но, нужны желание, воля, терпение и самое главное не быть стеснительным.

Евгений Михайлович Чернявский, известный в кругах лингвистов как уникал, знает (в разной степени, конечно) тридцать восемь иностранных языков. В разное время ему приходилось преподавать в общей сложности одиннадцать языков, переводить научные труды и художественные произведения с двадцати восьми. С одиннадцатью языками работал как переводчик-синхронист. Между тем, все свои знания Евгений Михайлович приобрел в основном самостоятельно, в свободное от работы время. Он утверждает, что у него нет ни особого таланта, ни сверхъестественных способностей, ни феноменальной памяти. Просто ему было интересно изучать иностранные языки, поэтому он увлекся. Е.М. Чернявский разработал свои собственные рекомендации, как стать полиглотом. Эти рекомендации просты и по своей сути весьма оптимистичны, к тому же они приоткрывают завесу над «тайной» полиглотов, которые переверачивают все наши представления о феноменальных возможностях человеческого интеллекта. Вот упомянутая памятка для изучающего иностранные языки:

1. Занимайтесь регулярно, лучше по полчаса ежедневно, чем раз в неделю и по несколько часов.

2. Всегда имейте при себе компактно записанные текущие материалы, например, тексты, слова, таблицы.

3. При малейшей возможности говорите на изучаемом языке, практика — основа всего.

4. Читайте как можно больше, даже если плохо понимаете текст. Необходимо подбирать материалы, которые будут по плечу, не особо трудные.

5. Используйте попусту пропадающее время при поездке на транспорте, или при ожидании и т.д.

Другой не менее известный отечественный полиглот, доцент кафедры скандинавской филологии Ленинградского университета Сергей Григорьевич Халипов знает сорок четыре языка. В университете студенты восхищенно говорят ему вслед: «Это Халипов, который знает сто языков». Сам Халипов утверждает, что он знает восемь языков, еще на десяти говорит, на остальных читает, пишет, переводит.

У него разработана своя система: сначала овладеть базовыми навыками фонетики, затем составить представление об основах грамматики и усвоить некоторый словарный запас. С.Г. Халипов считает, что дело не в количестве языков; главное — это познание глубинных законов языка, его взаимосвязи с другими языками, взаимодействия речи и абстрактного мышления. Когда С.Г. Халипова спросили, чем объяснить тот факт, что выпускники наших школ и даже вузов, много лет изучающих иностранные языки, не могут на них разговаривать, Сергей Григорьевич ответил следующее: «Наше преподавание рассчитано на пассивное овладение языком, нас не учат говорить». [www.langinfo.ru].

Как правило, выучить иностранный язык самостоятельно можно, есть люди, которые таким образом одолевают по одному языку в год, а то и больше. Естественно, это не означает, что за короткий промежуток времени они овладевают им в совершенстве. Другой вопрос: можно ли

30-е года XX века Г.О. Винокуром было выдвинуто положение о подчеркнутой номинативности термина, что подразумевало существование термина только как имени существительного или как словосочетания на его основе. Хотя ученый и признает, что в техническом языке употребляется очень много глаголов, но настаивает на том, что непосредственно в терминологию они входят в форме абстрактного имени существительного. Данный ход размышлений разделялся многими лингвистами в свое время (О. С. Ахманова, Н.А. Щеглова, О.Д. Митрофанова и др.) и был применим не только к глаголам, но прилагательным и наречиям.

А.А. Реформатский отчасти поддержал идеи О.Г. Винокура, однако признал, что наряду с существительными, терминами могут быть глаголы, прилагательные и наречия. Конечно, существительному он отдавал приоритет и считал их предпочтительнее. По его мнению, остальные части речи могли быть включены в терминологию в том случае, если они не могли подвергнуться синонимической замене именем существительным.

Однако одностороннее и прямолинейное положение Г.О. Винокура имело немало противников. Так В.П. Даниленко говорит о том, что термины, выраженные другими частями речи, также способны выражать определенные понятия и иметь определенное содержание вне конкретных сочетаний этих терминов с другими терминами. Л. Хоффман, С.Г. Казарина, В.П. Даниленко, Ф.А. Циткина и даже О.С. Ахманова приводят в своих работах достаточно примеров для подтверждения противоположного мнения о том, что терминами могут быть, по крайней мере, 4 части речи: имя существительное (приоритетно), имя прилагательное, наречие и глагол. Именно в такой последовательности они количественно представлены в терминологиях (от большего к меньшему).

Как справедливо отмечает О.С. Ахманова, в большинстве европейских языков, включая английский язык, система существительного очень сильно развита, в ее рамках имеются неограниченные возможности образовывать отглагольные существительные и отвлеченные прилагательные. Из этого можно заключить, что теоретически состав терминосистем таких языков может быть исчерпан только существительными. Однако даже при таких условиях терминируемые понятия гораздо шире, чем семантические возможности имени существительного как средства выражения этих понятий.

Прилагательное в терминологии используется чаще всего в своей классифицирующей функции и выступает, как правило, в составе словосочетаний в качестве терминоэлемента. Терминологизация имен прилагательных приводит к изменению лексико-грамматических и лексико-семантических свойств: утрачиваются оттенки качественности, приобретаются семантико-морфологические свойства относительных прилагательных, следствием чего становится невозможность образования степеней сравнения и краткой формы. Шамсутдинова Р.Р., исследуя медицинские термины татарского языка, говорит о том,

что прилагательные в терминологии стремятся к выражению родо-видовых отношений между понятиями, выполняя функцию уточнения.

В.П. Даниленко, анализируя взаимоотношения имени и глагола относительно сферы употребления и сферы фиксации, пишет о возможности использования в сфере функционирования в качестве терминов различных частей речи, поскольку, хотя семантика глагола неэквивалентна семантике термина-существительного, тем не менее, термин-глагол дает более суженное по объему, по сравнению с именем, понятие конкретного процесса, явления, описываемого в данной конкретной ситуации: «терминами можно считать такие глаголы, которые... именуя важное основное понятие науки, называют основные процессы данной дисциплины» [В. П. Даниленко, 1973, с. 82].

В ходе исследования системы терминов социальной работы представляется возможным рассмотреть в ее составе 4 знаменательных частей речи: имен существительного и прилагательного, глагола и наречия.

Термины-существительные являются важнейшим лексико-грамматическим средством для выражения понятия о процессах, состояниях, действиях, деятелях, предметах, качествах.

Существительные, употребляемые в качестве терминов, имеют те же грамматические категории, что и существительные общелитературного языка: число, падеж (care's task, child's (material) circumstances, children's legislation, children's resource center, Down's child, survivor's benefit).

Так же как существительные из общего словарного фонда, термины-существительные по форме могут быть простыми (abuse, adult, age, anger, case), производными (disempowerment, education, ex-partner, ex-spouse, hospitalization, immobility, incapacity, isolation, masculinity, medication) и составными, в том числе сложнопроизводными (alcohol-addicted, anxiety-depression, asylum seeker, birthrate / birth rate, boarding school, checklist).

Значение одушевленности может передаваться с помощью аффиксов -er, -or, -ist, -holic, -ian, -ant, -ent, -ee, (abuser, alcoholic, assessor, autistic, clinician, dependant/dependent, earner, employee).

Следует отметить наличие однокоренных пар терминов-существительных и терминов-глаголов: abuse — to abuse, advocate — to advocate, care — to care, convict — to convict, disadvantage — to disadvantage, discharge — to discharge, divorce — to divorce, harm — to harm, neglect — to neglect, nurse — to nurse, support — to support, witness — to witness. В данном случае имеет место конверсия, один из морфологических способов терминообразования, с направлением конверсии по модели N=>V. В результате терминосистема пополняется терминами-глаголами, которые, как показал анализ терминов, употребляемых в специальной литературе для социальных работников, могут выражать профессиональное понятие и выступать в качестве термина. Чаще всего термины-глаголы соотносятся с однокоренным термином-существительным, из

чего следует, что в терминологии социальной работы термины-глаголы в основном существуют на базе соотносимого с глаголом термина-существительного (to adopt — adoption, to befriend — befriender, to bring up — upbringing, to child-sit — child-sitting, to cohabit — cohabitation, to depress — depression, to diagnose — diagnosis).

В сфере функционирования термин-глагол демонстрирует наличие тех же грамматических категорий, что и глагол общелитературного языка: время, вид, залог, наклонение. Используются как личные формы глагола, так и неличные (причастие, герундий, инфинитив).

Что касается терминов-прилагательных, то в сфере функционирования их свойства действительно несколько ограничены по сравнению с прилагательными общелитературного языка. Прилагательные выполняют функцию уточнения понятия, являясь маркерами родовидовых отношений между предметами, понятиями, явлениями. Соответственно, чаще всего термин-прилагательное представляет собой терминологический элемент номинативного терминологического словосочетания (intellectual development, interpersonal development, inter-professional approach, interventive work, investigative approach, investigatory procedure, male-dominated occupation, marital breakdown, maternal health).

Как и в общелитературном языке в исследуемой терминосистеме имеет место процесс субстантивации прилагательных. В числе отобранных примеров терминов встречаются следующие ЛЕ, используемые в качестве субстантивированного прилагательного и прилагательного (adolescent, bi-sexual, blind, contraceptive, disabled, elderly, heterosexual, homeless, individual, infant, lesbian, male, minor, old, peer, professional).

В терминосистеме социальной работы представлены производные термины-наречия, образованные от основы терминов-прилагательных при помощи аффикса -ly. Наречия, образованные с помощью других аффиксов, или сложные наречия, состоящие из двух основ, не выявлены в исследуемом корпусе терминов. Данная особенность вытекает из области функционирования термина-наречия, который в исследуемых примерах состоит в синтаксической связи с прилагательным, указывая на признак последнего или уточняя его. В такой функции могут выступать только наречия — производные от прилагательных, а суффикс -ly является наиболее узнаваемым и часто употребляемым для производства наречия именно от прилагательного, а не от существительного, местоимения или числительного. Приведем следующие примеры терминологических словосочетаний с термином-наречием в составе: (cognitive-behaviourally oriented therapist, mentally disordered offender, psychoanalytically oriented psychiatrist, socially excluded member, sexually transmitted disease).

На этапе рассмотрения принадлежности терминов к различным морфологическим классам встает вопрос о разграничении сложных слов (сложнопроизводных существительных типа boarding school, asylum seeker и др., глаголов типа bring up, child-sit, kick out и др.) и синтак-

сических словосочетаний. Поскольку такого рода образования представляют собой единое целое с точки зрения семантики, имеют общее ударение по части фонетики и слитное или через дефис, довольно часто раздельное написание по части орфографии, то в данной работе они отнесены к сложным словам-терминам. Следует отметить, что для общеупотребительных сложных слов такого типа характерно чаще слитное или через дефис написание, реже — раздельное. Особенностью исследуемой терминологии является наличие большого количества раздельно-оформленных сложных слов-терминов. Одной из причин такого положения дел является то, что термин, выражая специальное, порой довольно узкое понятие, неизбежно наращивает свою звукографическую оболочку, оформляясь, в том числе, в сложнопроизводное слово. Следующей причиной этому видится принадлежность терминологии социальной работы к классу научных терминологий общественных и гуманитарных наук, термины которых в основном представляют собой термины-определения. Такие термины-определения, в отличие от номенклатурных терминов точных наук, непосредственно связаны с концепцией конкретной области и не обладают определенной устойчивостью номенклатурного термина. Сложнопроизводные слова-термины как нельзя лучше отвечают вышеуказанной специфике и, соответственно, могут быть отнесены либо к терминам-существительным, либо к терминам-глаголам.

Итак, как показывает материал исследования, имена существительные не являются единственным средством выражения специального понятия в области социальной работы, однако бесспорным остается факт, что существительные являются основной, преобладающей частью речи для выражения научного или прикладного понятия. Корпус терминов социальной работы имеет преимущественно именную характер, представляя научные и прикладные знания о процессах, состояниях, действиях, деятелях, предметах, качествах.

Также в корпусе терминов социальной работы представлено большое количество терминов-прилагательных, которые необходимы для построения терминологических словосочетаний и передачи с их помощью узкого специального понятия.

Особенностью данной терминологии является количественное преобладание терминов-глаголов над терминами-наречиями, которые, образуясь на базе термина-прилагательного, встречаются единично. Термины-наречия функционируют и могут быть рассмотрены только в пределах терминологического словосочетания, где они выполняют функцию уточнения.

Большая часть терминов данной области являются консубстанциональными терминами, т.е. по форме они совпадают с общеупотребительными словами, что еще раз доказывает, что данная терминосистема (как и любая другая) является частью, подсистемой литературного языка, обеспечивая при этом коммуникацию в сфере научно-профессиональной деятельности и знания.

Анализ научной литературы по данному вопросу и исследование конкретной системы терминов социальной работы подтверждают, что на современном этапе развития терминоведения ученым представляется правомочным включение различных морфологических классов в состав терминосистем. При этом ядром любой терми-

носистемы будут являться имена существительные или номинативные словосочетания. Что касается количественного распределения между тремя другими частями речи (прилагательное, наречие, глагол), то следует рассматривать каждый конкретный корпус терминов отдельно.

Литература:

1. Головин Б.Н. «Термин и слово» // Термин и слово. Межвузовский сборник. Горький: изд. ГГУ им. Н.И. Лобачевского, 1980, с. 3–12.
2. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / С.В. Гринев-Гриневиц. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 304 с.
3. Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии. // Труды Московского института истории, философии и литературы. Т.5. сборник статей по языковедению. М., 1939. – с. 3–54.
4. Даниленко В.П. Русская терминология / В.П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 246 с.

Переносное значение формы единственного числа имен существительных и их нереферентное употребление

Головань Эльвира Александровна, преподаватель

Донецкий государственный институт здоровья, физического воспитания и спорта (Украина)

Многим языкам присуще явление, когда существительное, обозначающее какой-либо конкретный предмет, выступает как название совокупной множественности однородных предметов, то есть развивает контекстуальное значение множественности. Выделим следующие значения существительного в форме единственного числа: 1) обозначение конкретного единичного предмета: *Этот человек мне нравится; I like this man*; 2) родовое / обобщенное значение: *Человек смертен; Man is mortal*; 3) обозначение совокупности / множественности: а) собирательные существительные с лексическим значением множественности: *студенчество, полк, народ, толпа*, англ. *family, government, team, committee, board, crew, audience*; б) существительные в форме родительного падежа: *Такая система облегчает работу водителя*; генитивные конструкции типа *День матери / студента, Дом учителя*, хотя *Клуб путешественников*; англ. *Mother's Day, Father's Day*, хотя *Fools' Day*. Реализация значения множественности формами единственного числа рассматривалась в рамках многих лингвистических концепций, теории референции и теории значения в частности. Общие и отличительные черты этих теорий, как правило, определяются тем, что первая исследует смыслы языковых единиц (они обеспечивают связь языка и мышления), способы их комбинирования и отношения между ними, вторая же рассматривает связь языка с объективной действительностью [3, с. 54–55].

А. А. Потеня, анализируя происхождение собирательных существительных, обратил внимание на употребление несобирательных конкретных существительных в

форме единственного числа в функции «образа сплошной множественности», «символа множественности» (*привалила птица к круту берегу*) и определил это как синекдоху [9, с. 25]. М.А. Шелякин среди способов реализации количественных отношений формой единственного числа существительных, кроме собирательной множественности, рассматривает синекдохическую (*Кроет уж лист золотой Влажную землю в лесу*) и дистрибутивную (*повелено брить им бороду*) репрезентацию отдельной множественности, а также обще-понятийную репрезентацию всего класса предметов (*Волк – хищник*) [12, с. 16–18]. Последняя относит содержание существительного к каждому отдельному предмету, входящему в определенный класс. Вслед за логиками, М.А. Шелякин пишет: «Собирательные понятия отличаются от общих понятий тем, что их содержание нельзя отнести к каждому отдельному предмету, а только к их совокупности. Общее же понятие можно употреблять относительно каждого отдельного предмета того класса, на который понятие распространяется» [12, с. 18].

Согласно О.О. Лешковой [4, с. 94], специфику отображения формой единственного числа класса предметов определяет то, что она оформляет слово как номинативную единицу. Поэтому ей свойственно отображение класса предметов как такого. При таком употреблении в значении числовой формы доминирующими компонентами являются указание на целостность и на качественное своеобразие класса предметов (например, *Собака давно стала домашним животным*). А.А. Реформатский определил как один из «самых загадочных

парадоксов: как множественное передается через единственное?» [10]. Цель статьи — проанализировать имеющиеся в лингвистической литературе попытки решения данного вопроса и наметить особенности употребления несобирательных имен существительных в единственном числе со значением множественности в русском и английском языках.

Случай, когда форма выходит за рамки своей семантической области, употребляясь для обозначения другого референта либо класса референтов, С.С. Ермоленко определяет как экспрессивное употребление грамматической формы. В данном случае ученый говорит о возникновении у формы переносного значения или транспозицию формы в несвойственный для нее контекст [1, с. 8]. Роль контекста тут определяется тем, что он противоречит первичному (производящему, категориальному) значению грамматической формы и вместе с тем указывает на новое, переносное значение [1, с. 8–9]. Анализируя пример У. Чейфа «*An elephant likes peanuts*» ‘Слон любит арахис’, С.С. Ермоленко отмечает, что, поскольку речь идет о слонах вообще, то контекст противоречит значению конкретной единичности, которое, как правило, свойственно сочетанию неопределенного артикля и существительного, и обозначает здесь не какого-то слона, а всю совокупность этих животных, то есть форма единственного числа передает тут значение множественности. Согласно С.С. Ермоленко, переносное значение, появляющееся у грамматической формы вследствие ее транспозиции, представляет собой сложное образование и включает в себя образно-эстетический, коннотативный и денотативный компоненты. Денотативное содержание формой непосредственно не выражается. Сначала реципиент замечает в речевом акте слово с формальным показателем определенной грамматической категории (в данном случае — единичности), что ассоциируется со своим основным, прямым значением. Далее, под влиянием контекста, значение этой формы переосмысливается в сторону множественности, и вместе с тем новый референт, множественность, образно интерпретируется как единичность. Исходным пунктом в данном процессе, который порождает значение множественности, является материальный аспект грамматической формы единственного числа. Между множественным числом в прямом значении и его переносном употреблении С.С. Ермоленко отмечает как смысловые, так и формальные связи: идентичность в плане выражения и «внутренняя», смысловая производность, то есть отношения семантической деривации [1, с. 10–11].

Лингвисты акцентируют внимание на том, что в реализации значения родового единственного числа английский и русский языки выявляют определенное отличие, связанное с наличием в английском языке категории артикля. Согласно С.С. Ермоленко, форма единственного числа в русском языке может выражать родовое понятие и при прямом своем употреблении: *Осенью лист желтеет*. В английском языке родовое значение выражается

с помощью той же формы, но с определенным артиклем: *The elephant likes peanuts* ‘Слон любит арахис’. Наличие категории артикля, согласно с ученым, обеспечивает возможность формальной дифференциации переносного и непереносного выражения определенной грамемой родового значения. О. Есперсен среди возможных пяти способов выражения так называемого «всеобщего числа» в английском языке называет: 1) существительное в единственном числе без артикля — это существительные *man* и *woman*: *Man cannot live by bread alone* ‘Не хлебом единым живет человек’, а также названия массы, материальной и нематериальной: *Blood is thicker than water* «Кровь плотнее воды»; *History is often stranger than fiction* «История часто чуднее придуманного»; 2) существительные в единственном числе с неопределенным артиклем: *A cat is not as vigilant as a dog* «Кошка менее бдительна, чем собака»; 3) *The dog is vigilant* «Собака бдительна» [2, с. 235–236]. Обобщающее значение свойственно неопределенному артиклю. В грамматиках такие случаи определяют как обозначение целого класса предметов посредством одного его представителя: *A hacker is usually a very proficient programmer* ‘Как правило, хакер — искусный программист’.

Различие референтного и нереперентного употребления существительного Е.В. Красильникова [6] иллюстрирует на примере: *Книга лежит на столе — Книга источник знаний*. Тут в первом случае идея количества не является релевантной, поскольку предмет не индивидуализирован. Во втором случае имеем не указание на конкретный предмет действительности, а выражение понятия об этом предмете.

Рассмотрим примеры анализа семантики числа, ориентированные на реальную или представляемую действительность, ситуации речи (выполненные в рамках теории референции). Е.В. Падучева определяет референцию как соотношение высказывания и его частей с действительностью — с объектами, событиями, ситуациями, состоянием верей в действительности (либо в мире сказки, мифа, фильма) [7, с. 291]. Хорошо известное в лингвистике введенное К. Доннеланом противопоставление операции референции (привязывание свойства к его носителю) и актуализации (индивидуализация конкретных носителей определенного свойства). Для нас существенно, что утверждение оппозиции референтных и атрибутивных употреблений предполагает и противопоставление конкретности и (неконкретности) абстрактности [3, с. 45]. В.А. Плуноян определяет такие два типа употребления существительных: 1) существительное обозначает один или несколько конкретных объектов: *Я хочу видеть этого человека*; — что в литературе называют референтным употреблением (specific); 2) существительное X обозначает вообще целый класс объектов с именем X, не делая никакой внутренней «индивидуализации»: *Человек не может долго выдержать без воды и еды* — не референтные (generic, non-specific) [8, с. 285]. Все референтные употребления соотносятся с конкретным представителем

определенного класса объектов и предполагают апеллирование к некоторым индивидуальным свойствам этих представителей, что позволяет отличить их от остальных объектов [8, с. 286]. А.К. Киклевич [5, с. 187–188] в зависимости от денотативного статуса говорит о репрезентации именных групп двумя типами: референтным (индивидуализированным) и генерическим (нереферентным). Благодаря сигнификативному компоненту осуществляется характеристика объекта (передается информация и о его вхождении в определенный таксономический класс), денотативный компонент значения слова обуславливает его референтное значение.

Согласно Г.Г. Сильницкому [11, с. 271], область конкретной референции определяют денотативная и дейктическая квантификация, а область абстрактной референции — сигнификативная квантификация. Морфологическая оппозиция между единственным и множественным числом четко проявляется в сфере денотативной квантификации (*Они увидели кита / двух китов*) и выявляет тенденцию к нейтрализации в более абстрактной области квантификации (ср. *Синие киты — самые большие животные* и *Синий кит — самое большое животное*). Апеллирование к понятию референции при из-

учении артикля позволило Г.Г. Сильницкому [11, с. 278] сделать следующие выводы: при существительных в обобщенно-родовом значении оппозиция между артиклями в значительной мере нейтрализуется. Определенный артикль выполняет тут синтетическую тотальную функцию, которая отображает универсальную референтную область как целый класс, противопоставленный другим классам (англ. *The whale is the largest of animals* 'Кит — самое большое животное'), в то время как неопределенный артикль указывает на аналитическое отображение этой универсальной области: *A whale (every whale) breathes air* 'Кит (каждый кит) дышит воздухом'.

Анализ вопроса обозначения множественности формой единственного числа в литературе иллюстрирует разные подходы и попытки объяснения несовпадения формы и значения: переносное употребление, символ, синекдоха, либо же объясняется посредством нереферентного употребления существительного, принадлежностью к абстрактной референции, отображением универсальной референтной области как целого класса. Учет прагматического фактора — выявление отношения говорящего к сообщаемому — является перспективой дальнейшего анализа.

Литература:

1. Ермоленко С.С. Образные средства морфологии. — К.: Наук. думка, 1987. — 124 с.
2. Есперсен О. Философия грамматики / Отто Есперсен; Пер. с англ. В.В. Пассека, С. Сафроновой. — М.: Едиториал УРСС, 2002. — 404 с.
3. Загнітко А.П. Сучасні лінгвістичні теорії. — Донецьк: Юго-Восток, 2007. — 219 с.
4. Лешкова О.О. К вопросу о функционально-семантической категории собирательности в русском и польском языках // Советское славяноведение. — 1984. — № 5. — С. 92–101.
5. Киклевич А.К. Притяжение языка [в 3 тт.]: Т. 3. — Грамматические категории. Синтаксис. — Olstyn, 2009. — 460 с.
6. Красильникова Е.В. Некоторые проблемы изучения морфологии русской разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики 1981. — Отв. ред. В.П. Григорьев. — М.: Наука, 1983. — С. 107–120.
7. Падучева Е.В. Референциальные аспекты семантики предложения // ИАНСЛЯ 1984. — Т. 42. — С. 291–303.
8. Плуноян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. — М.: Едиториал УРСС, 2000. — 284 с.
9. Потенба А.А. Из записок по русской грамматике: [в 3 тт.] — Т. III.: Об изменении значения и заменах существительного. — М.: Просвещение, 1968. — 551 с.
10. Реформатский А.А. Число и грамматика // Лингвистика и поэтика / Отв. ред. Г.В. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания. — М.: Наука, 1987. — С. 76–87.
11. Сильницкий Г.Г. Система квантификаторов и квантитативные характеристики именных и глагольных групп // Типология итеративных конструкций / отв. ред. В.С. Храковский. — Л.: Наука, 1989. — С. 270–282 (311 с.)
12. Шелякин М.А. О функциональной модели форм числа существительных в русском языке // Ученые записки Тартуского государственного университета: Функциональные аспекты грамматики русского языка. — Тарту, 1985. — Вып. 719. — С. 3–21.

Базовый концепт «время» в калмыцком фольклоре

Голубева Евгения Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель
Калмыцкий государственный университет (г. Элиста)

Время является неотъемлемым атрибутом существования всех предметов и процессов материального мира, важной составляющей жизни и сознания человека, той универсальной категорией бытия, которая всегда вызывала неизменный интерес, была предметом анализа ученых разных областей знаний и до сих пор остается объектом научных исследований.

Для содержательного описания модели, картины мира необходимы определенные параметры, или универсальные категории, одной из которых как раз и является категория времени в концептуальном значении.

Время, как составляющая модели мира, отвечает параметрам модели: имеет структуру, свойства, семиотический характер. Если языковое время — это способ представления временных понятий в языке с помощью разных языковых средств, то языковая модель времени структурирует научные и наивные представления о времени, выраженные в языке.

С понятием времени самым тесным образом связано представление о его цикличности. И в этом пункте религиозно-мифологическое сознание принципиально противоречит современной картине мира, утверждающей необратимость времени. Согласно древним воззрениям многих народов, история вселенной и человечества разворачивается не в виде бесконечной последовательности событий, а по кругу: через какое-то время все, что было, повторяется вновь, и причем в том же самом виде. Эта концепция круговорота бытия нашла отражение не только в мифах, но и в ранней философии, еще тесно связанной с мифологическим наследием.

Восприятие времени в принципе абстрагировано от непосредственного, чувственного восприятия — поскольку, постольку человек не может произвольно менять свое положение во времени (подобно тому, как он делает это в пространстве).

В гуманитарных науках разработаны свои классификации и модели времени. Часто в работах при описании времени исторического, социального, индивидуального человеческого существования время выступает в двух качествах: время как элемент физического описания реальности, как одна из координат некоторой движущейся точки и время как определенного рода величина и мера человеческой жизни, социально-исторического бытия людей; время как параметр физического измерения длительности физических событий и время как общее условие человеческого бытия (его порядок и мера, реальная связь и последовательность).

Человеку архаического общества было присуще наивно-целостное понимание окружающего мира как неотъемлемой части вселенной, что, в свою очередь, определило и отношение к времени. Восприятие временного континуума древним сознанием обусловлено космическими циклами, так как человек ощущал себя неразрывно связанным с космосом и космическими ритмами, которые определяли его жизнь и привели к понятию цикла. В основе летоисчисления и в целом временных представлений тех пор лежал природно-космогонический творческий акт и биокосмические ритмы, согласно которым строилась хозяйственная, семейная, трудовая и прочая жизнь человека.

Главенствующий смысл мифического времени в идее начального времени, или правремени. Идея первоначала как начала всего выступает как целостность, как качество, свойство события, характеристика предмета. В примитивном, мифологическом сознании категория времени не существует как чистая абстракция, так как само мышление людей на архаических стадиях развития было по преимуществу конкретным, предметно-чувственным.

Представления о цикличности времени, о завершенности и повторяемости цикла характерно для всех народов мира — оно универсально. Необходимо заметить, что и сегодня чувство времени у человека порождается восприятием изменений в мире, а его основным источником является космическое время — смена времен дня, сезонов года и т.п., т.е. циклизм имеет место быть и в сознании современного человека.

С древнейших времен в сознании человека существуют два представления о времени: время как последовательность повторяющихся однотипных событий, «жизнь кругов» (циклическое, наивное) и время как однонаправленное поступательное движение (линейное, естественнонаучное).

На фоне относительной полноты исследования категории времени в естественных науках, а также высокой степени ее изученности в философии, истории, психологии, а также социологии, культурологи можно говорить только о начальной стадии изучения вопроса в лингвистическом, а тем более в лингвокогнитивном аспекте.

Естественной отправной точкой во времени является настоящее, которое разделяет время на предшествующее ему прошлое и последующее будущее. Оно одно как будто непосредственно дано как нечто наличное; от него взор направляется в прошлое и будущее. Однако и настоящее имеет свое положение в череде опосредованных событий, т.е. существуют точки, от которых ведется исчи-

сление времени. Такой точкой для конкретного человека является его рождение, для культуры, эпохи, человечества — определенная общепринятая точка в виде календарной системы.

У монголов двенадцатилетний животный цикл начинается с мыши (крысы): *Хулһн жил* — год мыши; *Үкр жил* — год коровы; *Бар жил* — год тигра; *Туула жил* — год зайца; *Лу жил* — год дракона; *Моһа жил* — год змеи; *Мөрн жил* — год лошади; *Хөн жил* — год овцы; *Мөчн жил* — год обезьяны; *Така жил* — год курицы; *Ноха жил* — год собаки; *Һаха жил* — год свиньи.

У калмыков же новый год начинается с *бар* — тигра, продолжаясь в такой же последовательности. Это связано с тем, что у калмыков в отличие от монголов Новый год начинается не в феврале, а где-то в ноябре — декабре, и знаменуется праздником *Зул*, который отсутствует в монгольской культуре. В феврале же калмыки празднуют *Цаһан Сар* — праздник весны, который есть у монголов, но не как праздник весны, а как Новый год.

Хронологическое представление времени в калмыцком языке передается лексемой *цаг* в различных словосочетаниях и контекстах, в разных значениях «время», «эпоха»: *Кедү цаг* — сколько времени? *Жилин цаг* — времена года; *Көдлх цаг* (*көдлмшин цаг*) — рабочее время; *Сул цаг* — свободное время; *Нег цагт бөөдг* (*бөөсн*) *улс* — современники; *Кезэңк цаг* — старина, старое время; *Хая-хая* — иногда, время от времени, временами; *Цаган геех* — потерять время; *Цаг давсн хөөн* — с течением времени.

Опосредованное выражение временных представлений: *Цаг бөөнэ* — время терпит; *Тер цагт* — в то время как...; *Эн цаг күртл* — до сего времени; *Нанд цаг уга* (*нанд цол уга*) — у меня нет времени.

Измерение факта событий — назначенное время, срок: *Болзг* (*цаг болзг*) — срок, пора; *Эн цагас авн* — с тех пор; *Эн цаг күртл* — до сих пор; *Эн саамла* — в ту пору; *Кезэнэс авн* — с давних пор.

Лексические единицы с темпоральным значением меры времени, типа «*век*», «*год*», «*день*», «*час*», устойчивые обороты, пословицы, фразеологизмы, загадки на тему времени, представляют собой жанровые разновидности творчества народа и содержат его нравственно-философскую оценку времени. Жизненный опыт, повседневная практика, наблюдения за окружающей действительностью нашего кочевого народа в течение сложной многовековой истории нашли свое отражение в малых жанрах устного народного творчества — пословицах и поговорках.

Кир — *кирдэн*, *кем* — *кемдэн* — Всеу есть предел, всеу — свое время.

Цаг урдас сансн санан худлч — То, что преждевременно задумано, бывает ошибочным.

Өмнкнь өөрдэд, *ардкнь холдж* — Будущее приближается, прошлое отдаляется.

Цагнь ирхлэ булмгт шүдн ундг — Приходит время и при кушании булмука (название мучного блюда в виде каши, приготовляемой из сметаны, масла и муки) падает зуб.

Цаг негэр йовдго, *цэкрм цаһанар бөөдг уга* — Время течет, изменяется, ирис белым не остается.

Цагнь ирхлэ тергэр туула күүдг — Приходит время, когда и на телеге догоняют зайца.

Цагнь болхла цасн деер туумр шатдг — Приходит время — и на снегу разгорается пожар.

Өдр өдрэри бөөдг уга — День на день не приходится, день дню рознь.

Нарн нарвл, *өдр гидг*, *сар дегдвл*, *сө гидг* — Взойдет солнце — день, поднимется луна — ночь.

Чамта болв чигн өр цээх, чамаг уга болв чигн өр цээх — Будешь ты или нет, рассвет все равно наступит.

Цаг цар чолуг элэнэ — От времени изнашивается и камень-валун.

Цагиг — *цалм хайж зогсаж болдго* — Время арканом не остановишь.

Калмыцкая народная загадка, подобно другим жанрам устного поэтического творчества, выполняет функцию отображение объективной действительности средствами поэтического выражения, а потому мироощущение народа четко запечатлено именно в этих единицах фольклора. Загадки дошли до наших времен с седой старины. Об этом свидетельствуют отдельные элементы в их художественной структуре, приемы художественного изображения, в частности, олицетворения. По древним воззрениям калмыков можно допустить, что природа и животный мир понимали человеческую речь, почему они и наделялись свойствами и речью людей.

Арвһр-сарвһр модн арвн хойр ацта, *ац болһндан һучад бүчртэ*, *бүчр болһнд һурвн зун жирэд хамт-хаста* (*Жил*, *Сар*, *өдр*). — *загадка* На раскидистом дереве двенадцать сучков, на каждом сучке по тридцать ветвей, на каждой ветви триста шестьдесят листьев (Год, месяц, дни).

Таким образом, материал калмыцкого языка подтверждает представления древних поколений о необратимости времени и его цикличности. Время воспринималось как нечто наличное, не требующее объяснения и подтверждения существования. Более того, предки калмыков философски относились к течению времени, и осознали, что за жизнью есть некая другая жизнь, в рамках буддийской религии. Все это подтверждает теорию об универсальности категории времени для различных народов.

Каждый этнос существует в определенной местности со своим климатом и условиями природы, окружен определенным ландшафтом, соседствующими этносами и религиозными верованиями. Исходя из этого, каждый народ видит окружающий мир в собственном свете, исходя из того, что он присутствует в окружающем его мире. Анализируя реальную действительность, человек творит свою культуру, отражая свое видение мира, образ мира, миропонимание в единицах фольклора, речи, языке. Оттого картина мира каждого отдельного народа отличается от мировоззрения других народов, но концепты культуры, составляющие картины мира остаются универсальными и узнаваемыми в любой системе миропредставления каждого этноса.

Литература:

1. Трубников Н.Н. Время человеческого бытия. М.: Наука, 1987, стр. 255.
2. Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / Сост. Б.Х. Тодаева. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 839 с.
3. Скрелина Л.М. Время оперативное и время перевернутое: (Г. Гийом, П. Флоренский) // Язык и время. Архангельск, 1993, стр. 3–5.
4. Гуревич А.Я. Время как проблема истории культуры // Вопросы философии. 1969, №3, стр. 105–116.

Прагматическая семантика модальной рамки в сложноподчиненных предложениях с придаточными объектными

Захарова Виктория Анатольевна, ассистент
Оренбургский государственный университет

В рамках лингвистической прагматики поддерживается точка зрения о том, что системное значение языковых единиц может не соответствовать передаваемым этими единицами коммуникативным смыслам. Проблема взаимодействия языковых единиц в речи рассматривалась во многих написанных в прагматическом ключе работах как отечественных, так и зарубежных лингвистов, (Арутюнова 1985, 1990; Кобозева 1986; Кубрякова 2001; Почепцов 1986; Цурикова 2001, 2002; Austin 1962, 1970; Searle 1969, 1975, 2006; Bach 1979, 2003; Blum-Kulka 1981, 1989; Brown, Levinson 1987; Culpeper 1996; Levinson 1983, 2000; Robinson 2006 и мн. др.). В данной работе мы рассмотрим семантику модальной рамки в сложноподчиненных предложениях с придаточными объектными с точки зрения прагматики.

Языковая прагматика представляет относительно новое направление в лингвистике, исследующее функциональную сторону языка. Данное направление сформировалось со времени появления теории речевых актов Дж. Остина/ Дж. Серля. Исследования в области лингвистической прагматики отличаются многоаспектностью (Х.П. Грайс, Т.А. ван Дейк, Дж. Лич, Г.Г. Почепцов, Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева и др.) Человеческий фактор признается в качестве ведущего понятия прагмалингвистики (Степанов 1981, Арутюнова 1985, Гак 1982), по мнению Колшанского, прагматика изучает все те условия, при которых человек использует языковые знаки [6, с. 139], т. е. употребление языковых единиц с целью достижения конечной цели коммуникации — это воздействие на партнера. В этой связи прагмалингвистика выделяется как область лингвистических исследований, объектом которой является отношение между языковыми единицами и условиями их употребления в определенном коммуникативно-прагматическом аспекте, в котором взаимодействуют говорящий и реципиент, и учитываются цели и ожидания коммуникантов.

По мнению отечественного ученого Ю.С. Степанова: «прагматику можно определить как дисциплину, пред-

метом, которой является связанный и достаточно длинный текст в его динамике — дискурс, соотнесенный с главным субъектом, с «эго» всего текста, с творящим текст «человеком» [8, с. 332]. Целью лингвопрагматики является попытка объяснить функционирование языковых структур в качестве языковых действий. «Человеческий фактор, оказавшись в фокусе внимания современной лингвистики, способствует актуализации программы «прагматика-семантика-синтаксис» [7, с. 5]. По мнению Костровой О.А., прагматика движется не только «на встречу семантики, но и навстречу грамматике. Намечается параллельный ряд грамматических и прагматических понятий» [2, с. 4].

В прагматике существуют два направления: 1) ориентированное на систематическое исследование прагматического потенциала языковых единиц (текстов, слов, а также явлений фонетико-фонологической сферы); 2) направленное на изучение взаимодействия коммуникантов в процессе языкового общения и строящееся по преимуществу коммуникатороцентрических (автороцентрических) коммуникативных моделей. Нас интересует первое направление лингвистической прагматики. Пристальное внимание уделяется языковым единицам, отбору языковых средств и построение высказываний с учетом всех коммуникативных правил.

Более детальный анализ различных компонентов семантики высказывания наиболее последовательно проводится в исследованиях лингвистов последнего десятилетия: Н.Д. Арутюнова, Е.В. Падучева, В.В. Петров. Особенности коммуникативного поведения субъекта речи напрямую связаны с модусом. С точки зрения А.В. Зеленикова, модус включает ментальное и психическое положение дел, составляет содержание «оценки» (в широком смысле) пропозиционального содержания высказывания и, выступая как один из мотивирующих факторов, образует основу продуцирования речевого высказывания» [3, с. 141].

Н.Д. Арутюнова выделяет четыре плана модусов (сенсорный, ментальный, эмотивный и волитивный) и описы-

вают их типы:

- модус чувственного восприятия,
- модус истинностной оценки,
- модус полагания (мнения),
- модус общей аксиологической оценки,
- модус эмоционального состояния и отношения,
- модус сомнения и допущения,
- модус знания,
- модус незнания, сокрытия и безразличия,
- модус желания и волеизъявления,
- модус необходимости,
- модус кажимости [1, с. 109]

Модусные предикаты отличаются способностью выражать как субъективное отношение (установку) к определенному событию, так и объективное (пропозициональное) содержание. Согласно теории интерпретирующих модусных высказываний, разработанной Н.Д. Арутюновой, при интерпретации высказывания моделируется порожденный этим высказыванием модус, который объективируется модусным словом, словосочетанием или высказыванием.

Модальная рамка содержит информацию о том:

- является ли содержание высказывания необходимым или не/возможным (алетическая модальность),
- содержит ли высказывание позитивно или негативно окрашенные сведения (аксеологическая модальность),
- содержит ли оно некую форму, т.е. нечто разрешенное, запрещенное или должное (деонтическая модальность),
- является ли содержание высказывания известным, неизвестным или полагаемым (эпистемическая модальность).

Г. А. Золотова предлагает классификацию модальных рамок, «каждая из которых имеет свой репертуар модусных, рамочных предикатов» [4, с. 279–288]

1) перцептивная модусная рамка, в которой используются глаголы чувства и модусные предикаты, *tuna see, hear, feel*;

2) ментальная модусная рамка, эксплицируемая глаголами знания, мнения, восприятия в ментальном значении и модусными предикатами, типа *know, believe, think, consider, realize, remember, guess, it is known*;

3) волюнтативная модусная рамка репрезентируемая модальными глаголами и предикатами, глаголами речевого воздействия типа *may, want, wish, order, demand*;

4) реактивная модусная рамка, в которой используются краткие прилагательные и глаголы со значением эмоционального состояния типа *glad, happy, sorry, regret, be surprised*;

5) речевая модусная рамка, эксплицируемая глаголами речи *tuna claim, say, report, state, show, prove*.

В модальной рамке, как отмечает Золотова, субъект сознания предстает в одной из своих ипостасей: как субъект мыслящий, воспринимающий, чувствующий или говорящий. Основной особенностью актов высказывания, про-

изводимых с помощью СППО, является то что, одни из них передают произнесенную речь, другие мыслимую. «Между двумя предложениями, обычно находящимися в непосредственном соседстве, устанавливаются изъяснительные отношения, если одно из них (главное) имеет в своем составе слово, обозначающее речевую, мыслительную, познавательную, волевою, оценочную деятельность, эмоциональное или интеллектуальное состояние...» [4, с. 128].

В связи с этим, мы выделяем следующие классы глаголов, вводящих придаточное объектное — это предикаты:

а) выражающие мыслительную деятельность:

1) «*I think I remember Bess saying he thought it might come in handy on the job.*» [2, с. 85]

2) «*I knew that Martin would kill this man if I asked him to.*» [4, с. 312]

б) выражающие речевые процессы:

1) *Savannah said Eve hadn't been able to make any work* [1, с. 276];

2) *She tells me that her mind used to wander during meditation, too, but that now her practice is the great, easy, transformative joy of her life.* [3, с. 78]

в) выражающие чувственное восприятие:

1) «*...I feared the number of onlookers might increase. When he saw that the reverse had occurred, he was furious.*» [1, с. 159]

2) *Nate noticed that there were very few airstrips near the Indian settlements* [2, с. 41];

3) *Joe, too felt that she had acted with wisdom* [3, с. 14]

г) удивления:

1) *Jack was surprised that she sounded more amused than bothered* [4, с. 23];

2) *Madeline wondered that it was Doctor Halle who had saved the nameless young man from his fate* [4, с. 31].

Важным для всех групп глаголов, указанных выше, является то, что они предполагают вербализацию означаемых ими процессов и образуют наиболее простую репродукцию модальной рамки чужой речи и констатируют, что имело место речевое действие.

В нашем исследовании мы рассматриваем СППО с точки зрения прагматики на материале англоязычной беллетристики. Лингвопрагматическое исследование предполагает проникновение в область отношений, складывающихся между автором, персонажами и читателем. Целью же прагматики является раскрытие специфических коммуникативных намерений, присутствующих в речевом акте. И так как иллокутивный акт предполагает учет намерения говорящего, то в этом и заключается вся сложность речевого акта. Простое предложение считается простым речевым актом, а сложное предложение является комплексным речевым актом. И.М. Кобозев и Ким Гон Сук рассматривают СППО как элементарный речевой акт с одной иллокутивной функцией, заключенной в главном предложении [5, с. 96], но анализ высказываний показывает напротив включенность информации придаточного предложения в информацию главного предложения. Главное предложения представляет ведущую ил-

локуцию, говорящий избирает стратегию передачи чужой речи [5, с. 133]. При помощи придаточного предложения вводится дополнительная информация, и цель, которую при этом преследует говорящий, можно определить как комплексную иллюцию.

Таким образом, можно сделать вывод, что при выражении модальности в высказывании в сложноподчи-

ненном предложении с придаточными объектными наиболее часто используются предикаты, выполняющие функцию проводников модальности. Модальность присутствует в смысловой организации текста, что определяет статус модальной рамки (модально-оценочного модуля) как одной из основных характеристик высказывания.

Литература:

1. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. — М., 1988.
2. Гундарева, Е.С., Кострова, О.А. Семиотика косвенности в немецком языке (на материале сложноподчиненных предложений с придаточными объектными) / Е.С. Гундарева, О.А. Кострова. — Тольятти: ТГУ, 2005. — 130 с.
3. Зеленщиков, А.В. Пропозиция и модальность [Текст] / А. В. Зеленщиков. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. — 244 с.
4. Золотова, Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка [Текст] / Г.А. Золотова. — М., 1998.
5. Кобозева, И.М., Ким Гон Сук Сложные предложения как форма сложных речевых актов. / И.М. Кобозева, Ким Гон Сук // Сложное предложение, традиционные вопросы истории и описания, и новые аспекты его изучения. — М.: Русский учебный центр, 2000. — 143 с.
6. Колшанский, Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. / Г.В. Колшанский. — Изд-во ЛКИ, 2007. — 176 с.
7. Ляпон, М.В. Слова-предложения / М.В. Ляпон. — Русский язык. Энциклопедия. М., 1997.
8. Степанов, Ю.С. В поисках прагматики: (Проблема субъекта) // Ю.С. Степанов, Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. — М.: Наука, 1981. — Т. 40.
9. Gilbert, E. Eat, Pray, Love. New York: Penguin group, 2006.
10. Irving, J. Until I find you. London: Black Swan, 2006.
11. Wells, M. The Death of a Necromancer. New York: AVON BOOKS, 1998.
12. Wodehouse, P.G. Summer Moonshine. London: Arrow books, 2008.

Некоторые аспекты формирования социокультурной компетенции средствами иностранного языка в техническом вузе

Иванова Нина Михайловна, старший преподаватель
Московский государственный университет путей сообщения, Смоленский филиал

В XX веке значительно возросла образовательная значимость изучения иностранных языков, их функция на рынке труда в целом, что повлекло за собой усиление мотивации в их изучении. Существенно изменился также социокультурный контекст изучения иностранных языков во всех странах Европы, включая Россию. Роль оказания содействия странам Европы в согласовании целей, задач и содержания обучения иностранным языкам взяла на себя международная организация Совет Европы. Одной из задач совета Европы является согласование политики государств — членов Совета в области образования и культуры. Факт вхождения России в Совет Европы определил необходимость согласования образовательных стандартов России с общими европейскими стандартами [1, с. 92]. Материалы, разработанные под эгидой Совета Европы, стали отправной точкой для разработки нового государственного образовательного стандарта. В государственном образовательном стандарте в области иностранного языка

рассматриваются следующие компетенции: языковая компетенция, которая включает графическую сторону речи и орфографию, фонетическую, лексическую и грамматическую стороны речи; речевая компетенция, которая представлена четырьмя видами деятельности: говорением, письмом, аудированием и чтением, социокультурная компетенция, которая позволяет создать социокультурный портрет родной страны на иностранном языке; учебно-познавательная компетенция, которая включает общие специальные умения.

Согласно словарю русского языка компетенция — это круг деятельности, та область вопросов, в которой человек хорошо осведомлен [2, с. 355]. В современном мире, где все чаще обостряются межнациональные отношения, где все большее значение имеют патриотическое и интернациональное воспитание, развитие социокультурной компетенции играет особую роль. Социокультурная компетенция предполагает готовность и умение

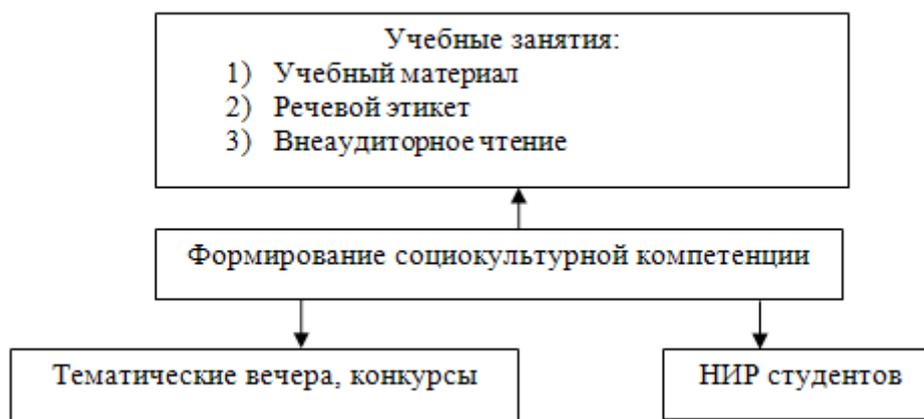

Рис. 1. Модель формирования социокультурной компетенции студентов

жить и взаимодействовать в современном многокультурном мире.

Обучение иностранному языку дает большие возможности для формирования социокультурной компетенции. Формирование социокультурной компетенции осуществляется в нашем вузе кафедрой «Иностранные языки» по трем направлениям: а) процессе учебной деятельности, во внеаудиторной работе и в научно-исследовательской работе студентов (см. рис. 1).

Программа по иностранному языку для 1 курса дневной формы обучения построена в форме диалога культур: образование в нашей стране — образование в Германии и Англии; столица моей Родины — столица Германии и Англии; Россия — родина моя — страна изучаемого языка.

Огромное значение для формирования социокультурной компетенции имеет изучение культуры иноязычных стран: знакомство с их историей, с выдающимися писателями, поэтами, учеными. Это знакомство осуществляется в ходе работы над аудированием, чтением и в процессе внеаудиторного чтения. Например, на 1 курсе в качестве внеаудиторного чтения студентам предлагается материал о величайшем поэте Германии И.В. Гёте, об известнейшем во всем мире городе Веймар — центре культуры и литературы Германии и о В.Сименсе — великом изобретателе Германии. Студентам 2 курса предлагаются следующие тексты: «Германия: страна и люди» и «Великие немцы». Студенты знакомятся с самыми яркими представителями немецкого народа от знаменитого реформатора Мартина Лютера до известнейшего политика 20 века Вили Брандта. На 3 курсе студенты нашего вуза работают с газетным материалом, который также отражает яркие страницы из жизни страны изучаемого языка. Данный материал дает возможность учащимся не только познакомиться с выдающимися представителями в области литературы, искусства, науки Германии, выразить свое отношение к многообразию культур, но и найти то общее, что объединяет все творческие тенденции мировой культуры.

Следующий момент, о котором нельзя забыть, говоря о формировании социокультурной компетенции — это конечно, речевой этикет. Речевой этикет — это культура речи, а культура речи — это лицо человека. Речевой этикет немецкого и английского языков имеет особое значение для воспитания личности в целом. Принимая во внимание нашу языковую культуру, можно многому научиться и научиться, изучая их разговорный этикет. Поэтому изучению клише, устойчивых фраз разговорной речи, фразеологических оборотов мы уделяем на занятиях большое внимание [3, с 64]. Про англичан говорят, что они «hardly ever lie, but they would not dream of telling you the truth», что означает «они едва ли говорят неправду, но и правду не говорят». Такова их языковая культура. Таков их национальный характер. А жители Баварии, например, про себя говорят: «Und wir Bayern sind überzeugt davon, dass es sich in keinem Land der Welt so gut leben lässt wie in unserem», что означает «И мы, баварцы, убеждены в том, что ни в одной другой стране мира не живется так хорошо, как в нашей», что является наглядным примером для патриотического воспитания наших учащихся.

Для успешного формирования социокультурной компетенции, для достижения полноценного результата недостаточно, на наш взгляд, ограничиться аудиторными занятиями. Целесообразно было бы широко использовать возможности внеаудиторной работы, нацеленной на реализацию по меньшей мере трех задач: расширение представления о культуре страны изучаемого языка; сопоставление родной культуры и культуры других народов; этическое и эстетическое воспитание.

Внеаудиторная работа в вузе включает в себя следующие формы: тематические вечера, например, «Хеллоуин», ко Дню Святого Валентина, «Пасхальные традиции мира», рождественские вечера и конкурсы. Традиционными стали у нас рождественские вечера на трех языках, которые проходили в различных формах, например «Рождество в Европе» в форме телемоста, где «корреспонденты» из Англии и Германии эмоционально

описывали предрождественские ярмарки, богатые традиционной выпечкой, товарами, сувенирами, игрушками, распродажами, заряжая сидящих перед «экраном» атмосферой приближающегося такого светлого, яркого праздника. Студенты с интересом рассказывали об истории этого праздника, традициях его празднования в Англии, Германии и России, читали стихи и пели песни на трех языках, в т.ч. ряженые исполняли настоящие русские колядки. В заключение, после хорового исполнения «Рождество к нам мчится» студентов и преподавателей угостили настоящим немецким пудингом. К этому мероприятию был также приурочен конкурс рождественских открыток в форме плаката на трех языках.

Рождественский вечер на 3-х языках «Я гражданин Мира» был высоко идеологическим и одновременно художественным мероприятием. Доказательством первого служат слова ведущего, которые красной нитью проходили через весь вечер: «Мы живем в разных государствах, имеем разные религиозные взгляды и даже видим разные деревья и цветы за окном. Однако, есть что-то, объединяющее нас, позволяющее носить гордое имя «Человек». Различаясь в мелочах, мы сходимся в главном. Мы — жители одной планеты. И, уважая свои и чужие взгляды, мы стараемся нести добро в этот мир. И сегодня, в преддверии сочельника Светлого праздника Рождества Христова мы хотим сказать, что главный символ Рождества — не елка и праздничная открытка, а милосердие. Оно объединяет людей всех вероисповедований и поколений. Оно позволяет нам понимать друг друга и чувствовать себя гражданином Мира». Здесь также читались стихи на 3-х языках, все участники праздника исполняли песни: «O, Tannenbaum» и «Jingle, Bells», рассказывали, как отмечают Рождество в Бразилии, Японии, Исландии, Испании, Швеции, Франции, читали отрывок из рождественских рассказов великого английского писателя Чарльза Диккенса. Кульминацией праздника стали театрализованные представления отрывков из произведения Н.В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Затем рождественские встречи приняли форму Клуба Рождественских встреч, для которого студенты нашего вуза на конкурсной основе разрабатывали эмблему клуба, девиз, гимн клуба, оформляли стенгазеты на английском и немецком языках. Заседание Клуба Рождественских встреч под названием «Рождественская машина времени» позволила нам перенестись в далекое прошлое, когда только Иисус Христос появился на свет, прочувствовать атмосферу Рождества в настоящий момент в странах мира и Европы и заглянуть в будущее. Заседание Клуба Рождественских встреч, посвящённое 200-летию со дня рождения Чарльза Диккенса, великого английского писателя и романиста, прошло в форме устного журнала, каждая страница которого позволяла присутствующим прикоснуться к сокровищнице мировой литературы, услышать, как великие русские писатели и мыслители оценивали творчество Диккенса.

Знакомство с поэзией страны изучаемого языка является ещё одним значимым средством для формиро-

вания социокультурной компетенции. Преподаватели кафедры используют эту возможность, проводя конкурсы на лучший перевод стихотворений великих английских и немецких поэтов. Работая над их рифмованным переводом, студенты технического вуза и технических специальностей почувствовали и полюбили эти небольшие шедевры мировых классиков и благодаря этим чувствам, создали сами свои первые маленькие шедевры, получив от этой работы, несомненно, удовлетворение.

Итак, формирование социокультурной компетенции неразрывно связано с основными целями образования: практической, развивающей и воспитательной. И воспитательная задача наиболее значима, поскольку от решения этой задачи зависит формирование в современном молодом человеке чувство патриотизма и интернационализма. Изучая иностранный язык, мы формируем культуру мира в сознании человека, развиваем желание участвовать в межкультурной коммуникации. И эту работу можно проводить еще в одном направлении — через научно-исследовательскую деятельность студентов. Наши студенты ежегодно участвуют в научно-практических конференциях «На переднем крае науки» с докладами по английскому и немецкому языкам. В апреле 2010 года кафедра провела внутривузовскую научно-практическую студенческую конференцию «Лингвострановедческие аспекты в межкультурном общении». Доклады охватывали и языковые исследования, например «Роль иностранных слов в обогащении русского языка», «Электронные словари», и социологические исследования, например «Социальная защищенность граждан в Германии», и достопримечательности Германии — «Молочный магазин братьев Пфунд», «Архитектура Германии XVIII века», «Достопримечательности Англии», «Красный рутмастер — хозяин дороги» и другие. Конференция была открыта докладом «Социальная востребованность знаний иностранного языка в современном обществе», тема которого способствует мотивации в изучении иностранных языков.

В 2011 г. научно-практическая студенческая конференция прошла под названием «Иностранный язык — через традиции в современность». В мае 2012 г. была проведена 1-ая межвузовская научно-практическая студенческая конференция «Лингвострановедческие основы межкультурной коммуникации». Формирование межкультурной коммуникативной компетентности на современном этапе выдвигается как основная цель обучения иностранному языку и включает в себя многие компетенции, важнейшей из которых является социокультурная компетенция, то есть усвоение речевого поведения носителей изучаемого языка, знание культуры, обычаев, традиций страны.

И в заключении хочется вспомнить старую китайскую поговорку, которая гласит: «Tell me and I forget, teach me and I remember, involve me and I learn» (скажите мне, и я забуду, научите меня и я запомню, вовлеките меня и я выучу).

Рассмотренные выше направления и приемы методической работы преподавателей способствуют вовлечению студентов в процесс познания и повысить эффективность

формирования у обучающихся социокультурной компетенции средствами иностранного языка.

Литература:

1. Обсуждаем ФГОС: стандарт требует доработки / В.И. Лутовинов // Администратор образования. — 2010. — № 21. — С. 90–94.
2. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. — 20-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1989.
3. Беленкова Н.М. Атабекова А.А. Иноязычная коммуникативная компетенция как средство социальной адаптации будущего специалиста в вузе: результаты экспериментального обучения // Высшее образование сегодня. — 2009. — № 8. — С. 63–67.

Использование уроков русского языка и литературы в развитии конкурентоспособной личности

Калугина Наталья Владимировна, преподаватель
Бузулукский педагогический колледж

Калугина Ирина Владимировна, аспирант
Оренбургский государственный педагогический университет

Новая система профессионального образования является многоуровневой: в рамках среднего профессионального образования выделяют базовый и повышенный уровни подготовки. Основными целями системы среднего профессионального образования являются: подготовка специалистов среднего звена и создание условий для развития личности в образовательном процессе [3, с. 119]. Уровень развития современного общества, постоянно увеличивающийся объем информации требуют коренных изменений в системе образования. В связи с этим одной из важнейших задач, стоящих перед обществом и школой, является создание благоприятных условий для развития творческой конкурентоспособной личности, обладающей нравственными качествами, готовой принимать ответственные решения. Конкурентоспособная личность, по определению В.И. Андреева, — это «личность, для которой характерно стремление и способность к высокому качеству и эффективности своей деятельности, а также к лидерству в условиях состязательности, соперничества и напряженной борьбы со своими конкурентами» [1, с. 468].

Современному специалисту-выпускнику, прежде чем устроиться на работу, необходимо составить свое портфолио, в котором должны быть представлены его достижения. Одним из важных качеств, которым должен обладать выпускник, является компетентность. Именно такой специалист может быть конкурентоспособным. Любого специалиста-выпускника можно охарактеризовать по наличию у него профессиональных знаний, профессиональных умений и навыков, опыта работы, профессионального потенциала, по его личным качествам [2,

с. 673]. Все эти показатели составляют понятие **профессиональная компетенция**. Высокая профессиональная компетенция позволяет специалисту-выпускнику быстро найти желаемую работу. Формирование профессиональной компетенции происходит главным образом в образовательном процессе. Целый ряд дисциплин способствуют развитию профессиональной компетенции у студентов. Предметы «Русский язык» и «Литература» нацелены на обучение студента умению грамотно общаться в учебной и профессиональной деятельности, в повседневной жизни. Этим определяется значение данных дисциплин. Изучение любого курса в значительной степени зависит от умения студента воспринимать и продуцировать речь в рамках различных функциональных стилей русского литературного языка. Курс русского языка и литературы, обучая студента важнейшим приемам работы с устным и письменным текстом, готовит его к более глубокому и адекватному восприятию всех дисциплин общегуманитарного цикла и предметов профессиональной подготовки.

Значение данной дисциплины для последующей профессиональной деятельности выпускника колледжа определяется ролью языка в обществе, в производственной и культурной деятельности человека.

Уверенное владение родным языком, способность быстро понимать речь окружающих и грамотно реагировать на неё, способность ясно излагать свои мысли в устной и письменной форме необходимы специалисту в любой области. Изучение дисциплин «Русский язык» и «Литература» способствуют, в первую очередь, развитию ком-

муникативной компетенции. Важнейшие задачи данных предметов:

1) обучение профессиональному общению в области избранной специальности;

2) развитие речевого мастерства для подготовки к сложным профессиональным ситуациям общения (ведение переговоров, дискуссии и т.п.);

3) повышение культуры разговорной речи, обучение речевым средствам установления и поддержания доброжелательных личных отношений.

Для осуществления этих задач преподавателю следует продумать технологию своей деятельности и деятельности студентов, которая способствовала бы большей результативности в обучении.

Учебный предмет — это приспособленная к изучению та или иная научная дисциплина или область деятельности. Умения и навыки, которые приобретает студент в результате изучения дисциплин, также влияют на развитие конкурентоспособной личности: знания и умения трансформировать вербальный и невербальный материал; знания и умения направлять диалог в соответствии с целями профессиональной деятельности; умения учитывать социальные и индивидуальные черты личности собеседника и другие.

Русский язык относится к числу важных учебных предметов, составляющих вместе с другими дисциплинами основу профессионального образования выпускников.

В разные периоды развития отечественной школы состав учебного предмета «Русский язык» менялся в зависимости от общих его целей и специальных целей изучения русского языка, от уровня развития науки о русском языке и наук психолого-педагогического цикла. В отличие от остальных учебных предметов, русский язык как родной выполняет две функции: он является, во-первых, предметом изучения и, во-вторых, средством изучения всех остальных дисциплин. От уровня его преподавания во многом зависят успехи учащихся в овладении как самим русским языком, в качестве средства общения во всех формах его применения, так и всеми остальными учебными предметами.

Для развития грамотной, связанной речи у студентов на уроках русского языка мы используем лексико-орфографическую работу, грамматический разбор, орфоэпические разминки, работу со словарями и другие. На уроках литературы студентам предлагается литературоведческий анализ произведения, заучивания наизусть лучших образцов художественной литературы, письменные работы творческого характера.

Особую роль на уроках русского языка и литературы играет работа с текстом. Текст — сочетание предложений, связанных между собой по смыслу одной темой. Предложения, даже сложные, почти никогда не употребляются в речи изолированно. Они связаны с другими предложениями по смыслу и грамматически и, объединяясь с ними, образуют текст. В отличие от предложения, которое позволяет выразить мысль, текст обеспечивает развитие мысли, развитие повествования. Каждое последующее

предложение не только повторяет тему предыдущего, но и развивает его мысль, добавляя к высказанному нечто новое, которое сообщается обычно в конце предложения; при чтении (произнесении текста) новое, сообщаемое последующим предложением, всегда выделяется голосом. Существенным для текста является комплекс признаков. Признаки текста:

1) текст всегда состоит из двух или нескольких предложений;

2) они должны быть связаны по смыслу единством темы;

3) единая мысль и тема должны присутствовать в каждом предложении текста, и каждое последующее предложение должно своим содержанием повторить тему предыдущего и в то же время сообщить что-то новое;

4) в последующем предложении должны присутствовать показатели связи с предыдущим.

Чтобы научить студентов созданию текста, в работе по развитию связной речи используются:

— анализ текстов (устных и письменных, положительного и негативного характера);

— составление композиционной схемы, плана, рабочих материалов;

— редактирование текстов;

— установка на определенную речевую ситуацию (то есть уточнение задачи адресата, обстоятельств высказывания);

— обсуждение первых вариантов устных и письменных высказываний и другое.

Одна из особенностей указанных приемов состоит в том, что многие из них являются одновременно и предметом обучения (например, составление плана и прием обучения, и способ деятельности студента, которым он пользуется при создании своего речевого произведения). Вторая особенность этих приемов — в широком сочетании их с таким дидактическим средством, как текст.

Задания, которые используются при этом можно условно разделить на пять групп.

1. Задания аналитического характера по готовому тексту. Например, определить основную мысль высказывания, сформулированную автором; часть, в которой содержится пример, в которой дается описание того-то; найти в тексте лишнее; часть, которую следовало бы расширить; неудачно введенные в текст цитаты; озаглавить отрывок словами текста; проследить зависимость употребления таких-то языковых средств (от задачи, замысла, высказывания; сопоставить исходный текст и конспект, что в них общего, чем отличаются и так далее.

2. Задания аналитико-синтетического характера по готовому тексту. Эти задания требуют анализа готового текста и создания на его базе элементов текста, но не текста в целом. Например, сформулировать основную мысль автора; озаглавить текст; подобрать эпиграф; составить композиционную схему текста и так далее.

3. Задания на переработку готового текста в плане его совершенствования. Например, устранить такие-то не-

дочеты в содержании и речевом оформлении высказывания; ввести в текст цитаты, подтверждающие такие-то суждения.

4. Задания, требующие создания нового текста на основе данного. Например, изложить подробно, сжато такую-то часть текста или весь текст; подготовить устное сообщение на такую-то тему на основе данного текста; дополнить текст своими рассуждениями по существу обсуждаемого в нем вопроса: записать услышанный рассказ и так далее.

5. Задания, требующие создания своего текста. Например, составить тезисы выступления, написать заметку, описать в научном стиле проведенный опыт, написать отзыв о сочинении товарища; подготовить доклад на такую-то тему.

Литература:

1. Андреев В.И. Конкурентология — Казань: Центр инновационных технологий, 2004.
2. Байденко В.И. Модернизация профессионального образования: современный этап/ В.И. Байденко, Дж. Зантворт. — М.: Исслед. центр проблем качества подготовки специалистов, 2002.
3. Ларионова О.П. Компетентность — основа контекстного обучения/ О.П. Ларионова//Высшее образование в России. — 2005. — № 10. — 118—122.

О когнитивно-дискурсивном подходе к изучению терминологии

Клэстер Анна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент
Омский государственный технический университет

В языках для специальных целей важную роль играет связь информации со знаниями и их использование в речевой деятельности, которая рассматривается в когнитивной лингвистике как особый вид обработки информации. Это сложный когнитивный процесс, включающий передачу и получение закодированной языковыми средствами информации, зависящей от условий его осуществления и от того, между какими партнерами он протекает. Поэтому изучение языковой обработки информации, необходимой для передачи знаний и проблемы коммуникации становятся центральными аспектами современного когнитивно-дискурсивного направления в терминоведении. В.Ф. Новодранова пишет, что «закрепив полученную человеком информацию, термин сам становится инструментом познания, поскольку дает возможность обобщать научные факты, умножать знания и передавать их следующим поколениям» [1].

Правильность построения и восприятия текста, как основной формы общения, являющейся осмысленной последовательностью языковых знаков, обеспечивается различными факторами, включая и условия коммуникации. Несомненно, научная коммуникация имеет особенности, которые связаны с тем, что наука «не просто отражает реальность, а интеллектуально обра-

батывает факты действительности» [2]. В результате чего научному языку присущи как грамматические, так и стилистические отличительные характеристики. Наиболее ярким лингвистическим отличием является то, что знания, передаваемые языковыми формами, в актах научной коммуникации репрезентируются особыми лингвистическими единицами — терминами. Таким образом, перечисленные проблемы имеют непосредственную связь с терминологической номинацией, изучение которой в последнее время отличается от принятых и привычных схем анализа термина как единицы сферы фиксации обращением к реальным текстам. Так Л.М. Алексеева утверждает, что именно в тексте заложена методика познания сущности терминообразовательных процессов, так как только в тексте открывается возможность поиска ответа на вопрос, каким образом появился тот или иной термин. Она настаивает на инкорпорационной основе терминопорождения, объясняя ее так: «В новых текстах рождаются новые понятия, которые, чтобы быть включенными в последующие тексты, должны компрессироваться до удобной формы терминологической единицы. Посредством этих терминологических единиц вербализуются новые понятия, которые в дальнейшем также компрессируются» [1].

Тексты можно использовать для написания диктантов: свободных, творческих, выборочных; при написании изложений и сочинений. Данные виды работ по развитию связной письменной речи издавна практикуются на уроках русского языка.

Таким образом, большую роль на формирование и развитие конкурентоспособной личности, его профессиональной компетентности оказывают дисциплины «Русский язык» и «Литература». По средствам данных предметов формируется высококвалифицированный специалист, речь которого соответствует принятым в образовательной среде нормам, отличается выразительностью, грамотностью, логичностью. Поэтому именно педагог-словесник может эффективно работать над формированием профессиональной компетенции студентов.

Создавая условия для эффективного усвоения, применения и развития знания, терминируются наиболее ценные в системе научных областей понятия, появившиеся в процессе развития теоретических представлений о мире, эффективно необходимые для научной деятельности. Так как в процессах научного познания создаются структуры информации, самые важные из которых объективируются в актах номинации, то начальным этапом терминологической номинации должно быть создание ментальных репрезентаций, которые определяют значения единиц, употребляемых для их фиксации в языке. В связи с изучением процесса понимания научного текста большое значение приобретают проблемы использования информации в актах коммуникации и его извлечением из них. Условия научной коммуникации выдвигают термин на роль той единицы, которая служит для передачи когнитивной информации, единицы, возникновение которой вызвано потребностью экономно вербализировать новое, наиболее существенное знание в процессе создания научного текста. Таким образом, достижение наивысшего когнитивного эффекта в результате переработки фрагмента информации, передаваемой научным текстом, обеспечивается употреблением терминов. Термин концентрирует творческое усилие научной мысли, фиксирует определенный этап научного познания, создает условия для эффективной научной деятельности человека. Именно термин определяет коммуникативность научного текста, так как он не только аккумулирует общую или базовую для участников коммуникации информацию, но и является языковой формой репрезентации нового научного знания.

Термины оптимизируют процесс сохранения и передачи информации в ходе научной коммуникации, так как смысл термина формируется характеристиками концептов, которые всегда представлены в системном значении слова. В этом состоит одно из отличий терминов от слов общелитературного (естественного) языка, концептуальные характеристики которых, по мнению когнитологов, проявляются только на функциональном уровне, то есть в высказывании. Поэтому важно отметить, что наличие у термина дефиниции позволяет использовать его как относительно стабильный элемент научного познания. Определение термина фиксировано, хотя и подвержено коррекции в связи с развитием научных знаний, то есть характеристики концептов, формирующих значение термина, в нем отражены достаточно точно и соответствуют определенному этапу развития науки.

Текст в ситуации общения, т.е. дискурс, сравнительно недавно стал объектом исследования одного из бурно развивающихся направлений когнитивной лингвистики — теории дискурса. Совокупность всего многообразия характеристик ситуации, в которой возникает дискурс, составляет среду ее существования. В последнее время ведется работа по изучению и описанию различных видов дискурса: политического, педагогического, рекламного, православного, медицинского, компьютерного и др. В данной статье будет рассмотрен такой вид дискурса, как

профессионально-ориентированный, с точки зрения способов описания в нем событий и фактов.

Обращаясь к изучению *профессиональной речи* в процессе коммуникации, мы полагаем, что на этом пути могут быть решены многие накопившиеся ранее проблемы, в частности важнейший вопрос о формировании *речевого смысла* [6]. Большой интерес представляет изучение способов описания в дискурсе событий и фактов с целью оказания воздействия на аудиторию, анализ выраженных в нем культурно-символических, когнитивных, социально-психологических аспектов человеческой деятельности.

Дискурс изучается сегодня психолингвистике, лингвистике, социальной психологии. Несмотря на обилие подходов, выявляются общие предпосылки и основания проводимых исследований, в числе которых методология системного подхода (Ломов, Юдин), исследования семантики текста (Жинкин, Т. Ван Дейк, Ушакова, Дресслер, Вундерлих), прагматические теории (Остин, Серль, Грайс), и др.

В связи с постоянно расширяющимся международным обменом в разных сферах профессиональной деятельности особую актуальность приобретают вопросы межкультурной и профессиональной коммуникации. Специфика и сложность возникающих здесь проблем связана с тем, что коммуникация осуществляется в условиях несовпадающих (в большей или меньшей степени) национально-культурных стереотипов мышления и поведения, в том числе и в ситуациях профессионального взаимодействия [5].

В связи с этим мы рассматриваем коммуникативную деятельность специалистов и профессионалов в рамках дискурса (процесса), противопоставляя последний тексту как продукту речевой деятельности. Текст принимается как статический "...продукт языкового / речевого сознания субъекта, детерминированный потребностями общения и предполагающий определенное воздействие на собеседника/читателя согласно замыслу автора" [4]. Таким образом, под текстом понимается абстрактная, формальная конструкция, а под дискурсом — различные виды ее актуализации, рассматриваемые в связи с экстралингвистическими факторами, то есть как сложное коммуникативное явление, включающее текст и контекст, необходимый для понимания текста. Контекст представляет собой экстралингвистические знания о мире, мнения, установки, цели адресата, отношения коммуникантов [3]. Таким образом, постулируется, что дискурс представляет собой связный текст в совокупности с внеязыковыми факторами (прагматического, социокультурного и других планов).

В профессиональном общении важную роль играют нормы и ценности трудообмена, обмена деятельностью, а также конкретные формы и методы взаимодействия людей при решении деловых вопросов, стереотипы в служебном, должностном и других видах поведения. Устоявшиеся в речевой практике образцы использования стратегий, приемов и выбора языковых средств формируют

дискурс профессионального общения во всем разнообразии его форм и видов.

Определяя типы профессионального дискурса, прежде всего, следует исходить из характеристик тех видов профессиональной деятельности, которые проявляются в исследуемом дискурсе (например, дискурс деловых переговоров, рекламный дискурс т.д.).

Вероятны следующие классификации профессионального дискурса: по способу представления дискурса, по статусу коммуникантов, по типу поведения коммуникантов, по виду окружающей ситуации. Учет дополнительных характеристик (профессионалы и непрофессионалы, иерархия коммуникантов, культурно-национальный компонент, эмоциональный и культурный компонент, стандартность / нестандартность ситуации, невербальные компоненты) позволяет выделить более специфичные типы дискурса. К ним можно отнести устный дискурс, письменный дискурс; дискурс, ведомый только професси-

оналами; дискурс, ведомый совместно профессионалами и непрофессионалами; дискурс, ведомый только непрофессионалами; дискурс с проявлением разного иерархического положения коммуникантов; дискурс без учета культурно-национального компонента (отрицательный); дискурс с учетом культурно-национального компонента (положительный); дискурс с учетом эмоционального и культурного (вежливого) компонента (положительный); дискурс без учета эмоционального и культурного (вежливого) компонента (отрицательный); дискурс стандартной ситуации и нестандартной ситуации; дискурс с проявлением невербальных компонентов.

В заключение отметим, что подход к изучению терминов не только как элементу терминосистемы, но и как к средству языкового выражения научного мышления в процессе коммуникации имеет особое значение для разработки семантики термина и является на данный момент перспективным в терминоведении.

Литература:

1. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. — Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2002. — 200 с.
2. Алексеева Л.М. Проблемы термина и терминообразования: Учеб. пособие по спецкурсу. — Пермь: Перм. ун-т, 1998. — 120 с.
3. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Языкознание: Большой энцикл. словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. — М.: Большая Рос. энцикл., 1998. — С. 136—137.
4. Борисова С.А. Смысловое восприятие: Темпоральная вариативность читательских проекций художественного текста. — Ульяновск, 1997. — С. 18—23.
5. Лузина Л.Г. Дискурс межкультурного профессионального общения // Язык и культура: сб. обзоров. — М.: ИНИОН, 1999. — С. 64—87.
6. Павлова Н.Д. Новые направления исследований в психологии речи и психолингвистике // Психологический журнал, 2007, том 28, № 2. — С. 19—30.

Структурно-семантические особенности новообразований-наречий в романе А.И. Солженицына «В круге первом»

Корнейчук Снежана Николаевна, преподаватель
Краснодарское президентское кадетское училище

В поисках выразительных средств художественной речи писатели иногда прибегают к словотворчеству. Создание индивидуально-авторских слов связано с использованием словообразовательных ресурсов родного языка. Эстетическая ценность таких новообразований определяется искусством автора, его умением применить наиболее яркие и стилистически оправданные экспрессивные краски тех или иных словообразовательных моделей.

В этой связи особое место занимает творчество А.И. Солженицына, насыщенное окказиональной лексикой. А.И. Солженицыну принадлежит в современной русской словесности особая заслуга: уже в первых своих публикациях он пролил на читателя, отойдя от канонов ка-

зненного тоталитарного языка, живой поток слов, которые воспринимались как индивидуально-авторские лексические новообразования (окказионализмы).

Однако в этом потоке не все слова можно считать прямым результатом словотворческой деятельности писателя. В предисловии к своему «Русскому словарю языкового расширения» А.И. Солженицын замечает, что «лучший способ обогащения языка — это восстановление накопленных, а потом утерянных богатств». Пояснением к этому замечанию служат признания самого писателя о внимательном изучении всех четырех томов словаря В.И. Даля «для своих литературных нужд и языковой гимнастики», о «выписках» слов и выражений «в форме,

удобной для охвата, повторения и использования» [8, с. 3]. Не только в словаре, но и во всех произведениях Солженицына «подобраны слова, никак не заслуживающие преждевременной смерти, еще вполне гибкие, таящие в себе богатое движение — а между тем почти целиком заброшенные, существующие близко рядом с границей нашего изношенного узкого употребления» [8, с. 4].

Лингвистический анализ произведений А.И. Солженицына, имеющий своей целью выяснение специфики его словотворчества, неизбежно приводит исследователя к мысли о реальном авторстве конкретного *непривычного* слова или *необычной* формы слова: созданы ли они самим писателем или извлечены им из языкового запаса, забытого современными пользователями? Размышления об этом находим и у Т.Г. Винокур и не можем не согласиться с ее выводом: «Ни в одном конкретном случае мы не можем с уверенностью сказать, что перед нами слова, которые Солженицын «взял да и придумал». Больше того, вряд ли сам он решился бы точно определить границу между созданным и воспроизведенным, настолько, как правило, бывает близка ему и органична для него та речевая среда, которую он изображает и членом (а, следовательно, в какой-то мере и творцом которой) он является» [1, с. 64–65]. Вот почему методика выборки лексического материала является многоступенчатой и использует интуитивный, лексикографический, сопоставительный и историко-словообразовательный подходы: слова, интуитивно воспринятые как окказиональные, сопоставляются с материалами толковых, этимологических, словообразовательных словарей и «Словарем живого великорусского языка» В.И. Даля [2, с. 4]. Кроме того, принимается во внимание фиксация слова в «Русском словаре языкового расширения», составленном А.И. Солженицыным.

Авторские слова Солженицына относятся к разным частям речи. Новообразования-наречия занимают среди них особое место.

Языковой материал, выбранный из текста романа «В круге первом», позволяет выделить наиболее типичные модели и приемы образования окказиональных наречий, отметить специфику их словообразования и смыслообразования. [5; 1, с. 318]

Литература:

1. Винокур Т. С новым годом, шестьдесят вторым! // Вопросы литературы. — 1991. — № 11–12. С. 48–69.
2. Горюва И.Г. Авторские окказионализмы в романе А.И. Солженицына «Красное колесо» / «Август четырнадцатого» (на материале сложных прилагательных): Автореф. дис. ...канд. филол. наук. — СПб, 2009.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. 4-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз. — Медиа, 2007
4. Мельникова С.В. О роли лексического потенциала в идиостиле А.И. Солженицына (на примере лексико-словообразовательных диалектизмов «Русского словаря языкового расширения») // А. И. Солженицын и русская литература. Научные доклады. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2004. С. 259–263.
5. Русская грамматика: В 2-х т. — М.: Наука, 1980
6. Солженицын А. В круге первом. Книга I. — М.: ИНКОМ НВ, 1991. — 352 с.
7. Солженицын А. В круге первом. Книга II. — М.: ИНКОМ НВ, 1991. — 320 с.
8. Солженицын А.И. Русский словарь языкового расширения. — М.: Наука, 1990.

Острее всего звучит созданный А.И. Солженицыным окказионализм, воплотившийся в форме наречия *непродорно* [7; 2, с. 117]. Слово «непродор» мы находим у В.И. Даля. В.И. Даль определяет значение этого слова следующим образом:

НЕПРОДОР, — дорный лес, трущобы, непроходимый, непролазный, чаща, мёртвое заглушь [3; 2, с. 531].

Авторское новообразование-наречие А.И. Солженицына употреблено им в предложении «... непродорно кашляющий старый курыка-кузнец...». Причина выбора писателем именно такой формы наречия кроется в том, чтобы показать наивысшую степень последствий курения.

Употребляя слово «ежедён» [7, 2, с. 111] вместо «ежедневно» в предложении «... (он ещё сыну отдавал ежедён своих полпайки)...», Солженицын усиливает внутреннюю действенную форму слова.

Авторские новообразования-наречия в романе А.И. Солженицына «В круге первом» составляют значительную группу. Среди них можно выделить следующие подгруппы:

1) АН — наречия, мотивированные простыми прилагательными: наречия с суффиксом *-о (е)* — коричнево [6; 1, с. 47], розово [6; 1, с. 156]; наречия с суффиксом *-и*, образованные от прилагательных с суффиксом *-ск* без нормативной приставки *по-*, франтовски [6; 1, с. 24].

2) Наречия, образованные на базе сочинительных словосочетаний, — совино-зловеще [6; 1, с. 124], приятно-тонко [3; 1, с. 294], мерно-гнусаво [7; 2, с. 14], каменно-крепко [7; 2, с. 208] и подчинительных словосочетаний — противоуставно [6; 1, с. 29], змеемудро [6; 1, с. 37], собственноножно [6; 1, с. 200], маломорозно [6; 1, с. 232], глубокозвучно [7; 2, с. 124], малозвучно [7; 2, с. 296].

3) Наречия, образованные префиксально-суффиксальным способом, — рассудливо [6; 1, с. 66], попоздну [6; 1, с. 62], доплотна [7, 2, с. 145], недоумело [7; 2, с. 119], избольна [7; 2, с. 146].

В. Мельникова справедливо считает, что «А. И. Солженицын — художник, остро чувствующий языковой потенциал. Писатель обнаруживает подлинное искусство изыскивать ресурсы национального языка для выражения авторской индивидуальности в видении мира...» [4, с. 262]

Лингвистические факторы, обуславливающие развитие словообразовательного гнезда существительных, заимствованных из скандинавского языка

Мирсагатова Дилором Убайдуллаевна, научный соискатель
Узбекский государственный университет мировых языков

В настоящее время в лингвистической литературе отсутствуют специальные работы, посвященные исследованию роли лингвистических факторов, обуславливающих эволюцию заимствованных слов в английском языке, в частности, эволюцию их словообразовательного гнезда. С другой стороны, не вызывает сомнения и то, что проблема лингвистических факторов остается актуальной и в рамках теории словообразовательных гнезд. Изучение материала, относящегося к нашей работе, подсказывает возможность выделения ряда лингвистических факторов, способных оказать влияние на эволюцию словообразовательного гнезда заимствованных слов в английском языке. Таковыми могут быть приобретение заимствованным словом на почве английского языка общеупотребительных и терминологических значений, а также его вхождение в омонимичный ряд. Собранный языковой материал дает возможность статически его обработать, что позволит получить общую картину влияния выше указанных факторов и послужит дополнением к качественному лингвистическому анализу.

Одной из проблем теории заимствования в английском языке является семантика заимствованного слова, которой посвящены множества специальных работ. Так, исследованию подвергались преобразования (Биппер Ю.Г. 1976), роль и место заимствованного слова в лексико-семантической системе языка (Майоров А.П. 1967), ассимиляция французских слов в семантическом плане (Крейн И.М. 1963) формально-семантическая характеристика латинских глаголов (Шумова Н.С. 1987), а в последнее время — прагматический аспект значений заимствованного слова в языке (Чермисина Т.И. 1986). Между тем, в специальной литературе недостаточное освещение получила проблема связи между семантикой заимствованного слова и другими его характеристиками, в частности, словообразовательной.

В настоящее время стало общепризнанным рассмотрение семантики слова-вершины в качестве лингвистического фактора, формирующего как структуру, так и семантику словообразовательного гнезда и влияющего на характер развития последнего в английском языке (Бабажанова Д.А., 1989, Дмитриева А.Г., 1981). Так объектом специального исследования стала семантика заимствованного слова по признаку конкретности/абстрактности (Карпухина Т.П., 1984; Синдживили Т.А., 1988). В данной работе в качестве лингвистического фактора рассматриваются общеупотребительные значения заимствованного слова, включающие в себе общелитературные, не терминологические значения — прямые, переносные, конкретные, абстрактные и т.д., появившиеся в ходе семан-

тической эволюции заимствованного слова [1, с. 200]. При определении общеупотребительных значений скандинавских вершин-существительных, мы основывались на данных словарей английского языка.

Можно предположить, что изменение общеупотребительных значений заимствованного слова в истории английского языка повлечет за собой изменение характера построения и развития его словообразовательного гнезда. Так, рассмотрим словообразовательное гнездо слова «kid», заимствованного из скандинавских языков.

Первоначальное данное слова в английском языке проникает в значение «козлёнок» (the young of a goat 1200), от которого образуются производные: «to kid» (to give birth to a kid 1400), «kidden» (to bring forth a kids 1400), «kiddish» (of or pertaining to a kid 1552), «kiddy» (a little kid; young goat 1579), «kiddling» (a little kid 1586), «kid-like» (similative 1881).

В дальнейшем употребление слова «kid» в просторечии привело к новому значению «ребёнок» (a young child; originally low slang, but of late in familiar speech 1599), которое дало в свое очередь ряд новых производных: «to kidnap» (Originally, to steal or carry off (children or others) in order to provide servants or labourers for the American plantations 1682), «kidnapped» (1798), «kidnapping» (1682), «kidnapper» (1678), «kidnappingly» (1838), «kidnappery» (1890), «kiddish» (1897), «kiddy» (slang; a little child, a baby 1899). [2, с. 272]

Анализируемое слова «kid» в 1645 году образует сложное слова «kid-skin» (the skin of a kid, esp. such skin tanned and used for gloves; also applied to skins of lambs or other animals) связанное с возделыванием кожи из шкуры козленка. Под влиянием слова «kid-skin» вершина-существительное «kid» приобретает новое значение «кожа (leather made from kid-skin or from lamb-skins or other substitutes; chiefly used in manufacture of gloves and shoes 1677), которое порождает производные «kidden» (made of kid-skin 1714) «kid glove» (a glove made of kid-skin or other similar leather 1832). Атрибутивное употребление производного «kid-glove» приводит к новому переносному значению «деликатный, мягкий, избегающей черной работы» (gentle, delicate or gingerly manner, characterized by wearing kid-gloves; avoiding real exertion of work 1856), от которого образуются «kidden» (covered or furnished with kid-gloves 1848), «to kid glove» (to cover the hands with kid-gloves 1848), «kid-gloved» (wearing kid-gloves; also figuratively refined, delicate, etc. 1859).

Употребление слова «kid» в определенных кругах общества приводит к новому значению «вор» (a term of ad-

miration for an e [pert young thief, pugilist, etc. in low circles. 1812), которое расширило значения производного слова «kiddy» (a professional thief who assumes « a fleshness» of dress and manner; one who dresses in a similar style; or a hat of a form fashionable among «kiddes» 1865).

Употребление слова «kid» в речи в выражении «to make a kid of» способствует появлению глагола «to kid» (slang: to hoax, humbug, try to make one believe what is not true 1811), от которого образуются «ridding» (1879), «kidder» (1888), «to kiddy» (to hoax, humbug 1851). Под влиянием глагола «to kid» исследуемое слова-вершина «kid» приобретает новое значение «обман, надувательство» (humbug, gammon 1873).

Между тем, в условиях США глагол «to kid» приобретает новый оттенок: высмеивать, подшучивать, валять дурака, говорить несерьезно и т.д., что дает такие производные, как «kidder» и «kidding».

Кроме того, анализируемое слова «kid» приобретает ряд других значений в английском языке: «мясо козлёнка» (the flesh of a young goat 1430), название Созвездия (a pair of small stars in the constellation» Auriga» represented as kids held in the hand of the charioteer 1609), которые оста-

Итак, анализ материала показал, что скандинавское слова «husband» реализовало все свои шесть общеупотребительных значений, появившиеся в ходе своей семантической эволюции в английском языке. Следовательно, генетическая связь скандинавских слов с английским языком более обуславливает построение и развития ими новых общеупотребительных значений. Другими словами, последнее является одним из основных факторов способствующих словообразовательной активности скандинавских вершин — существительных, имеющие близкое родство с английским языком.

Вместе с тем, материал исследования содержит производные слова, приобретающие новое общеупотребительное значение самостоятельного, т.е. независимо от слова-вершины и порождающие новые производные слова, не имеющие или имеющие отдаленную связь семантикой слова -вершины. Так производное слова «wireless», образованное от скандинавского существительного «wige» в XIX в. приобретает новое значение «приемник» (1894), от которого появляются глагол «to wireless» (1899) и другие производные «wirelessing», «wirelessed». [3, с. 132.]

Анализируемый нами материал показал, что производное слово или его значение самостоятельного возникают чаще в новых условиях употребления английского языка — в географических вариантах США и Австралии. Так сложное слова «to bushwhack» в значении «проби- раться сквозь заросли разрубая кустарники», образо-

ются нереализованными, т.е. не образуют ни одного производного слова.

Одновременное структура словообразовательного гнезда «kid» изменяется в зависимости от приобретения вершиной-существительным «kid» новых общеупотребительных значений: чем больше последних, тем шире и разветвленное структура его словообразовательного гнезда. Итак, приобретение скандинавским заимствованием «kid» новых общеупотребительных значений оказало ощутимое влияние на развитие структуры его словообразовательного гнезда в английском языке.

Вдольнейшем рассматриваемое слово «husband» заимствовалось из скандинавских языков рядом своих значений от самого раннего значения «хозяин дома» (the master of the house, the male head of a household 1000) образованы «hubandman» (1382), husbandry (1386). Далее появилось другое значение — «крестьянин или землевладелец, возделывающий землю» (one who tills and cultivates the soil; a farmer 1220) от которого образуются «to husband» (1420), husbandable (1611), husbanded (1578), husbanding (1420), husbandlike (1542), husbandly (1546), husbandary (1649), husbadland (1290).

ванное от скандинавского «bush» в условиях гражданской войны в США приобретает новое значение «вести партизанскую войну скрываясь в зарослях», что породило такие новые производные слова, как «bush-whacker», «bush-whacking», «bush-whackerism». Это же слово вершина в условиях Австралии стало употребляться в значении «необработанная земля, покрытая кустарником», что дало такие производные, как «bushman», означающего обитателя этих земель и «bush-ranger», означающего беглого преступника, скрывающегося в зарослях таких земель и живущего грабежом.

Итак, сопоставляемые заимствованные вершины-существительные развивают свои словообразовательные гнезда не только за счет реализации общеупотребительных своих значений, но и независимо от них, что чаще происходит в процессе употребления английского языка в новой языковой среде — в географических вариантах США и Австралии.

Таким образом, заимствованные слова развивают свое словообразовательное гнездо в зависимости от приобретения ими общеупотребительного значений в английском языке, в том числе в условиях их употребления в США и Австралии. При этом слова, заимствованные из генетически близкого источника — скандинавских языков более реализуют свои общеупотребительные значения и пополняют свое словообразовательное гнездо новыми производными, т.е. здесь важную роль играет генетическая близость источника и рецептора.

Литература:

1. Васильева Н.М. Структурно-семантическая организация словообразовательного гнезда в современном английском языке/Диссертация канд. филол. наук. — 1984. — 200 с.
2. The Concise Oxford Dictionary. Edited by Fowler H. — Oxford Univ. Press. — 1976.
3. A short etymological dictionary of Modern English by Eric Partridge. — London. — 1978.

Служебные части речи с уступительной семантикой (на примере языковых единиц со значением «существовать, совершаться несмотря на..., вопреки...»)

Мусатова Галина Александровна, кандидат филологических наук, доцент
Военный университет (г. Москва)

В данной статье подробно рассмотрим один из классов служебных частей речи с уступительным значением, который условно назван «*Существовать, совершаться несмотря на..., вопреки...*», определим его структурно-семантические особенности, проанализируем зависимость средств связи от лексического наполнения оформляемых ими синтаксических конструкций.

Данный класс включает несколько групп языковых единиц, для которых предлагается следующее общее толкование: говорящий считает, что имеет место ситуация Б, которая обычно препятствует существованию ситуации типа А; говорящий считает, что в данном случае А, несмотря на Б, имеет место. И ситуация А, и препятствующая ей ситуация Б могут быть как реальными фактами, так и мнениями, ощущениями, эмоциями говорящего, адресата, других лиц.

1 Синонимический ряд **несмотря на (несмотря на то что), невзирая на (невзирая на то что), хотя** ¹

Рассмотрим некоторые из возможных ситуаций.

А И А, и Б — факты, несовместимость между которыми принадлежит реальности.

Несмотря на то что туалет, причёска и все приготовления к балу стоили Кити больших трудов и соображений (Б), она теперь выступала на бал так свободно и просто (А), как будто все эти розетки, кружева не стоили ей и её домашним ни минуты внимания.

Хотя она [Дарья Александровна] и велела вчера сказать мужу, что ей дела нет до того, придет или не придет его сестра (Б), она всё приготовила к её приезду и с волнением ждала золовку (А) (Л. Н. Толстой «Анна Каренина»). — Несовместимы реальные факты: нет дела до того, придет ли сестра мужа — всё приготовила к её приезду и с волнением ждала золовку.

Б Или А, или Б, или А и Б одновременно отражают не

действительность, а эмоциональное состояние говорящего, адресата.

Кити рассказала матери о разговоре с Левиным, и, несмотря на всю жалость, которую она испытывала к Левину (Б — жалость), её радовала мысль, что ей было сделано предложение (А — радость).

Ещё по звуку лёгких шагов на лестнице он [Каренин] почувствовал её приближение, и, хотя он был доволен своей речью (Б), ему стало страшно за предстоящее объяснение (А) (Л. Н. Толстой «Анна Каренина»).

В Несовместимость А и Б отражает не реальное устройство мира, а какие-то общественные стереотипы или же личное мнение, желание говорящего.

Несмотря на то что ни наука, ни искусство, ни политика не интересовали его (Б), он твёрдо держался тех взглядов на все эти предметы, каких держалось большинство и его газета (А) (Л. Н. Толстой «Анна Каренина»).

Несмотря на то что Борменталь и Шариков спали в одной комнате приёмной (Б), они не разговаривали друг с другом (А), так что Борменталь сощурился первым (М. А. Булгаков «Собачье сердце»).

Таким образом, у лексем ряда **несмотря на, невзирая на, хотя** ¹ в центре внимания находится неблагоприятная ситуация Б.

2 Синонимический ряд **всё-таки 1, всё же 1, всё равно, тем не менее**

У лексем **всё-таки 1, всё же 1** ситуация А существует, несмотря на то что ситуация Б обычно препятствует этому. В данном случае Б не мешает А. Например: *Гавриле всё-таки было приятно слышать человеческий голос (А), хотя это и говорил Челкаш (Б) (М. Горький «Челкаш»). — Гавриле приятно слышать человеческий голос. Этому не мешает тот факт, что говорит Челкаш.*

¹ Здесь и далее мы используем индексы при словах хотя 1, всё же 1, хотя 2, чтобы показать оттенки уступительного значения.

Вы постоянно придираетесь ко мне, когда мы бываем в обществе (Б), но всё же вы мне симпатичны (А) (А. П. Чехов «Три сестры»). — Я испытываю к вам симпатию. Этому не препятствует тот факт, что вы постоянно придираетесь ко мне, когда мы находимся в обществе.

Для сочетания **тем не менее** предлагается следующее толкование: причина существования А — неспособность Б помешать А; А существует не благодаря чему-то, а несмотря на что-то. Лексема **всё равно** предполагает, что ситуация А возможна только потому, что субъект прикладывает все усилия по нейтрализации Б. Например: *Хоть он меня и не приглашал (Б), я всё равно к нему приду (А) (М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»). — Я приложу все усилия для того, чтобы прийти к нему, то есть нейтрализую Б.*

Лексеммы данного ряда являются конверсивами к лексемам ряда **несмотря на**. Их значение складывается из значения последних в результате некоторых перестановок [1, с. 27].

Несмотря на сильные морозы [Хотя были сильные морозы] (Б), строители продолжали работу (А). — Были сильные морозы (Б), но строители всё-таки (всё же, всё равно, тем не менее) продолжали работу (А).

Как показывают приведённые выше примеры, у синонимов рассматриваемого ряда в центре внимания находится ситуация А, одерживающая верх над ситуацией Б. Бывают случаи, когда ситуация Б вовсе не упоминается.

Мы всё-таки постараемся вернуться к шести часам (А).

Частицы **всё-таки 1, всё же 1, всё равно, тем не менее** часто употребляются в одном предложении с лексемами **несмотря на, невзирая на, хотя 1**: первые — в придаточном предложении, последние — в главном.

Несмотря на всё, что он видел, Алексей Александрович всё-таки не позволял себе думать о настоящем положении своей жены (Л. Н. Толстой «Анна Каренина»).

И хотя между обоими в их бесконечных спорах до сих пор возникали только противоречия, тем не менее они скучали друг без друга и виделись чуть не ежедневно (А. И. Куприн «Молох»). — Ситуация А (они скучали друг без друга) существует потому, что ситуация Б (между ними возникали только противоречия) не способна помешать ей.

Лексеммы **всё равно, всё-таки 1** предполагают заинтересованное отношение субъекта к существованию ситуации А, поэтому несут на себе большую эмоциональную окраску и часто употребляются в разговорной речи (диалоге).

«Я всё равно даже ради тебя не откажусь от искусства (А)», — сказала Катя (И. А. Бунин «Митина любовь»).

Лексема **всё же 1** менее эмоционально окрашенная и менее разговорная.

Сознаюсь в том, что я лгала, обманывала и жила тайной жизнью, скрытой от людей (Б), но всё же

нельзя за это наказывать так жестоко (А) (М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»).

Лексема **тем не менее**, как правило, не предполагает открыто выраженного эмоционального отношения говорящего к ситуации А.

Да, это внезапное появление могло испугать кого угодно, и тем не менее в то же время оно являлось большой радостью (А).

Хотя мы и не можем обнаружить каких-либо его поклонников или последователей, тем не менее ругаться, что их совсем нет, нельзя (А) (М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита»).

3 Синонимический ряд **как-никак, всё-таки 2, всё же 2**

Лексеммы **как-никак, всё-таки 2, всё же 2** предполагают наличие ситуации А, неблагоприятной для неё ситуации Б, а также благоприятного для А обстоятельства В, которое находится в центре внимания и объясняет, почему ситуация А существует.

Лексема **как-никак** предполагает, что ситуация А оценивается говорящим как нечто хорошее, а обстоятельство В, способствующее существованию А, оценивается как нечто значительное.

В гимназии довольно весело и важно (А). В караулах как-никак восемь пулемётов и юнкера (В)... (М. А. Булгаков «Белая гвардия»). — Существует ситуация А (в гимназии весело и важно). Этому способствует обстоятельство В (в караулах — восемь пулемётов и юнкера), которое оценивается говорящим как значительный факт.

Слово «**как-никак**» способно к вводному употреблению.

Как-никак, всё-таки я тебя люблю. У тебя тонкие, нежные пальцы, как у артиста, у тебя тонкая, нежная душа (А. П. Чехов «Вишнёвый сад»).

Лексеммы **всё-таки 2, всё же 2** предполагают, что и А, и В часто оцениваются говорящим как нечто плохое. Иногда можно рассматривать существующую ситуацию А и способствующее ей обстоятельство В как нечто хорошее, при этом стараться преуменьшить В, представить как нечто незначительное.

Неужели вы думаете, что из-за денег произвожу их? Ведь я же всё-таки учёный (В) (М. А. Булгаков «Собачье сердце»).

Может быть, ты к нему съездишь? Всё же он нам родственник (В) (М. А. Булгаков). — Говорящему обстоятельство В кажется недостаточно существенным фактором, поэтому он излагает свою точку зрения неуверенно.

Лексеммы **всё-таки 2** и **всё же 2** практически не отличаются друг от друга по своему значению, за исключением частотности употребления: **всё-таки** встречается значительно чаще, чем **всё же**.

4 Синонимический ряд **в то же время, при этом, при том что, при всём том, вместе с тем**

Для лексем ряда **в то же время** ситуации А и Б представляются как более или менее совместимые друг с

другом (хотя, по мнению говорящего, не часто встречающиеся вместе) и одновременно как более равноправные. Между ситуациями нет конфликта.

Так он [Левин] жил, не зная и не видя возможности знать, что он такое и для чего живёт на свете, и мучаясь этим незнанием до такой степени, что боялся самоубийства (Б), и **вместе с тем** твёрдо прокладывая свою особенную, определённую дорогу в жизни (А) (Л. Н. Толстой «Анна Каренина»). — Существуют и совмещаются друг с другом как равноправные 2 ситуации: а) Левин не знал, что он такое и для чего живёт на свете, мучился этим незнанием (Б); б) Левин твёрдо прокладывал дорогу в жизни (А). Ситуация Б существует не вопреки ситуации А, а вместе с ней, при этом А и Б редко встречаются вместе.

Она честная, порядочная, ну, добрая (Б), но в ней есть **при всём том** нечто принижающее её до мелкого, слепого, этакое шершавого животного (А) (А. П. Чехов «Три сестры»). — Существуют 2 ситуации: 1) она честная, порядочная, добрая; 2) в ней есть что-то, принижающее её до мелкого, слепого, шершавого животного. Эти качества присутствуют у одного человека, хотя, по мнению говорящего, не часто встречаются вместе.

5 Лексемы **хотя 2, вопреки (вопреки тому что), -таки**

Союз **хотя 2** предполагает, что ситуации А и Б представлены как логически несовместимые друг с другом, причём в возникшем противостоянии выигравшего нет. Ситуация, которая упоминается второй, представляется чуть более важной.

Очень рад, что вы привезли хорошие вести (Б), **хотя** смерть Шмита есть дорогая плата за победу (А) (Л. Н. Толстой «Война и мир»). — Хорошие вести и смерть Шмита — несовместимые друг с другом факты.

... Егор Семёнович смущался и виновато покашливал (Б), **хотя** вины за собой никакой не чувствовал (А) (А. П. Чехов «Чёрный монах»).

Предлог **вопреки** ярче других лексем данного подкласса подчёркивает идею несовместимости А и Б: имеет место ситуация А, но она противоречит Б, совершается вопреки ей (например, *вопреки установившемуся мнению, вопреки здравому смыслу, вопреки предсказаниям*).

Не смея употреблять ни картечи, ни ядер, они решились (А), **вопреки** своему обыкновению (Б), действовать холодным оружием (А) (А. С. Пушкин).

Смоленск оставляется (А) **вопреки** воле государя и всего народа (Б) (Л. Н. Толстой «Война и мир»). — Ср.: *наперекор воле государя, вразрез с волей государя и всего народа*.

Лексема **-таки** предполагает наличие ситуации А, хотя до самого её наступления не было уверенности в том, что она произойдёт.

Долохов разжалован в солдаты, а сын Безухова выслан в Москву. Анатоля Курагина — того отец

как-то замял (Б). Но выслали-**таки** из Петербурга (А) (Л. Н. Толстой «Война и мир»).

... за деньгами пришёл [мужичонка], дрова возил. И принесло ж его в такое время! Согрешил-**таки**: изругал, так изругал (А) (А. Н. Островский «Гроза»).

В двусоставных предложениях лексема **таки** может находиться после знаменательного слова — сказуемого или перед ним, то есть в начале группы слов, связанных со сказуемым.

Но хоть и велик был соблазн, я-**таки** успел побороть себя (Ф. М. Достоевский).

... А главное, всё равно, я ничему не могу учиться теперь, когда... — Петя остановился, покраснел до поту и проговорил-**таки**: — Когда отечество в опасности (Л. Н. Толстой).

В односоставном предложении частица обычно находится непосредственно после знаменательного слова, организующего главный член предложения.

[Счастливец]: Деньги есть; слава богу, занял-**таки**, удалось, наконец (А. Н. Островский).

6 Фраземы **как бы то ни было, даром что, несмотря ни на что, что ни говори**

Сочетание **как бы то ни было** имеет следующее значение: говорящий признаёт справедливость Б, которое противоречит А, и соглашается с тем, что можно было бы привести и другие факты против А. Однако он считает, что, каковы бы ни были обстоятельства, они недостаточны для того, чтобы помешать А существовать, и что А существует.

Слёзы сии отчасти возбуждаемы были пуншем, коего вытянул он пять стаканов (Б); но **как бы то ни было**, они сильно тронули моё сердце (А) (А. С. Пушкин «Станционный смотритель»). — В данном предложении фраза **как бы то ни было** близка сочетанию **«в любом случае»**: Слёзы были вызваны пуншем, но в любом случае они тронули моё сердце.

Всё-таки, **как бы то ни было**, человек знакомый, и у губернатора, и у полицеймейстера видались (А), а поступил как бы совершенно чужой (Б)... (Н. В. Гоголь «Мёртвые души»).

К обозначенному выше сочетанию близка фраза **что там ни говори**, которая имеет значение «несмотря ни на какие возражения».

Такое неожиданное приобретение было суций подарок. В самом деле, **что ни говори**, не только одни мёртвые души, но ещё и беглые, и всего двести с лишком человек! (Н. В. Гоголь «Мёртвые души»).

— **Что ни говори**, это одно из удовольствий жизни, — сказал Степан Аркадьич (Л. Н. Толстой «Анна Каренина»).

Фраза **несмотря ни на что** указывает на полную уверенность говорящего или субъекта в том, что ситуация А будет иметь место, несмотря на то что могут возникнуть какие-то серьёзные препятствия к её существованию.

...весеннее ли расположение подействовало на

него, или толкал его кто сзади, только он [Чичиков] протеснялся решительно вперед (А), **несмотря ни на что** (Н. В. Гоголь «Мёртвые души»).

Она просто арестовала князя, уже подъезжавшего к дому её соперницы, и, **несмотря ни на что**, а вместе с тем и на доводы самого Мозглякова, пересаживала старичка в свою карету (А) (Ф. М. Достоевский «Дядюшкин сон»). — Она совершила свои дей-

ствия с полной уверенностью, несмотря на то что Мозгляков не хотел этого.

Таким образом, класс служебных частей речи с уступительной семантикой «Существовать, совершаться несмотря на..., вопреки...» включает 6 групп языковых единиц, основное значение которых состоит в следующем: ситуация А существует, несмотря на наличие неблагоприятной для нее ситуации Б.

Литература:

1. Апресян В.Ю. Уступительность в языке и слова со значением уступки [Текст] // В.Ю. Апресян // Вопр. языкознания. — 1999. — № 5. — С. 24–45.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове [Текст] // В.В. Виноградов. — М.: Высшая школа, 1986. — 640 с.

Фразеологические обороты в романе И. Ильфа и Е. Петрова «12 стульев» как средство характеристики персонажей

Носкова Наталья Юрьевна, аспирант
Оренбургский государственный педагогический университет

Фразеология русского языка является одной из актуальных областей лексики в вопросе исследования и изучения выразительных средств. На сегодняшний момент написано огромное количество работ, в том числе и специальных, в которых решаются те или иные вопросы филологии русского языка. Так, классификацией фразеологических единиц в разное время занимались В.В. Виноградов [2], В.Л. Архангельский [1], В.Н. Телия [10], Н.М. Шанский [11], В.П. Жуков [6], А.И. Молотков [9] и др.

В последнее время пристальное внимание ученых обращено к трансформированным фразеологическим единицам. Филология в этом вопросе не имеет единого мнения. Трансформация фразеологизмов рассматривается в работах многих исследователей фразеологии: Н.М. Шанского [11], Т.С. Гусейновой [5], В.В. Горлова [4], А.И. Молоткова [9], Э.Д. Головиной [3], А.Г. Ломова [8]. Таким образом, мы можем говорить о неугасаемом интересе лингвистов к фразеологии.

Одним из неисчерпаемых источников фразеологического богатства русского языка является художественный текст. Писатели и поэты активно используют в своих произведениях фразеологические обороты для придания выразительности, образности. Уместно примененные фразеологизмы оживляют и украшают литературные произведения. Много фразеологизмов в баснях И.А. Крылова, в произведениях А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, Н.С. Лескова, Л.Н. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина, А.П. Чехова. Писатели используют фразеологические обороты для характеристики персонажей, определения рода деятельности, уровня воспитания и т.д. Авторы романа «12 стульев» [7] И. Ильф и Е. Петров тоже прибегают к фра-

зеологическим оборотам для характеристики своих персонажей. Речь героев произведения изобилует фразеологическими единицами, общеязыковыми и авторскими. В результате исследования текста романа «12 стульев» нами было выявлено 142 фразеологические единицы, представляющие собой характеристику персонажа. Все отобранные нами фразеологизмы мы разделили на две группы:

1. непосредственная характеристика персонажа, данная через его речь;
2. опосредованная характеристика персонажа, данная автором произведения.

Проведенное нами исследование показало следующее:

1. Главный герой романа — Ипполит Матвеевич Воробьянинов — характеризуется автором следующими оборотами: «сердце дрогнуло» [7, с. 11], «жизнь почернела в глазах» [7, с. 13], «захватило дух» [7, с. 14], «махнул на все рукой» [7, с. 103], «терял свою физиономию» (= терять лицо) [7, с. 126], «покорил когда-то сердце» [7, с. 143], «раскрыл ему всю душу» [7, с. 147], «с горьким чувством» [7, с. 152], «брошен на произвол судьбы» [7, с. 226], «глаза метнули огонь» [7, с. 259], «молчал, выкатив глаза» [7, с. 274]. В речи Ипполита Матвеевича используются только нетрансформированные фразеологические обороты. Например, «маслом каши не испортишь» [7, с. 67], «ей-богу» [7, с. 79], «с ума сойти» [7, с. 152], «взбрело в голову» [7, с. 30], «Воробьянинов никогда не протягивал руки» [7, с. 259]. Отсюда следует, что Киса Воробьянинов задуман авторами как трусливый, беспринципный, слабый морально человек.

2. При характеристике Остапа Бендера авторы в романе «12 стульев» используют следующие фразеоло-

гизмы: «покрутил носом» [7, с. 44], «с любовью осмотрел» [7, с. 79], «делал глазки» [7, с. 180], «выбивался из сил» [7, с. 251], «сидя у руля, сделал ручкой» [7, с. 280], «землетрясение встало у него на пути» [7, с. 286], «бросив его на произвол судьбы» [7, с. 289], «пребывание оставило глубокий след» [7, с. 131], «Бендер спал вечным сном» [7, с. 293].

Сам Остап Бендер активно «производит» новые фразеологические обороты, такие как «лед тронулся» [7, с. 32], «может быть, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат» [7, с. 26], «у нас длинные руки» [7, с. 102], «цветы улицы» (цветы жизни) [7, с. 103], «вот тебе седина в бороду, вот тебе бес в ребро» [7, с. 153], «стулья нужно ковать, пока они горячи» [7, с. 165], «приближается финита ля комедия» [7, с. 213], «от мертвого осла уши. Получишь у Пушкина» [7, с. 163], «могут баки набить» [7, с. 246], «кто скажет, что это девочка, пусть первый бросит в меня камень!» [7, с. 226]. Среди общеязыковых фразеологизмов, характерных для речи О. Бендера, мы выделяем такие фразеологизмы, как: «голову оторву!» [7, с. 230], «глаза пялите» [7, с. 235], «времени терять не следует» [7, с. 107], «пишите письма» [7, с. 73], «ну, марш вперед, труба зовет» [7, с. 40], «по следам в жилотдел» [7, с. 40], «идите к черту» [7, с. 149], «навязался на мою голову» [7, с. 149], «в руках все было» [7, с. 154], «для борьбы не на жизнь, а на смерть» [7, с. 156], «играете на моих нервах» [7, с. 184], «стул взят голыми руками» [7, с. 188], «мы разошлись как в море корабли» [7, с. 204], «вы что, с ума спятили?» [7, с. 223], «он тут с ума сходит» [7, с. 286], «ну вас к черту!» [7, с. 286], «мне моя жизнь дорога как память!» [7, с. 286], «так протяните ноги» [7, с. 259], «морочите голову» [7, с. 250], «кошки-мышки такие» [7, с. 250], «вот еще шляпа!» [7, с. 251].

3. Отца Федора характеризуют следующие фразеологические обороты: «взыграл духом» [7, с. 19], «молот чепуху» [7, с. 21], «руки коротки» [7, с. 54], «лицо расплывалось от счастья» [7, с. 76], «Боже меня упаси» [7, с. 139], «сжить со свету» [7, с. 139], «пальца в рот не клади» [7, с. 139], «никогда бы в голову не пришло» (отец Федор о Кисе Воробьянинове) [7, с. 140], «денег у меня в обрез» [7, с. 140], «держи язык за зубами» [7, с. 234], «я в таком горе» [7, с. 234], «свечной заводик сам лез в руки» [7, с. 269].

4. Другие персонажи романа характеризуются автором при помощи фразем. Например, «на лице заиграли серии улыбок» [7, с. 64], «из виду не выпускал» [7, с. 94], «душу отводил» [7, с. 131] — о Викторе Михайловиче Полесове, «кроме водки, ничего в рот не брал» — о Датском-Маховике [7, с. 91], «был на седьмом небе» — о Кислярском [7, с. 103], «упершись тягостным взглядом» — о Лизе [7, с. 122], «нервы сдали» [7, с. 173], «тяжело дыша» [7, с. 173] — о муже Элочки, «на глазах у всей Москвы» — о Персицком [7, с. 177], «путался под ногами» [7, с. 177], «скрылся из глаз» — о поэте [7, с. 178], «сама судьба хранила этого сытого жулика» — об Альхене [7, с. 263], «женщине с большим сердцем» — о мадам Грицацуевой [7, с. 235]. В речи этих персонажей также присут-

ствуют фразеологизмы, ярко характеризующие род деятельности героя, особенности его характера и воспитания: «муть разводим» — Треухов [7, с. 93], «дело с концом» — Дядьев [7, с. 103], «золотая голова» — Кислярский [7, с. 103], «нельзя сидеть сложа руки» — Полесов [7, с. 132], «за баллотированного двух небаллотированных дают» — Чарушников [7, с. 138], «туда ее в качель» — Безенчук [7, с. 9], «весь день на ногах» — мадам Кузнецова [7, с. 10], «вы с ума сошли» — Авесалом Владимирович [7, с. 168], «ну его к черту» — Коля [7, с. 155], «из головы выскочило» — беспризорный [7, с. 156], «пальчики оближите» [7, с. 75], «с ума посходили» [7, с. 75] — Варфоломеич, «утром — деньги, вечером — стулья» — монтер Мечников [7, с. 258], «не морочь мне голову» — жена Брунса [7, с. 264], «вы с ума сошли» — Брунс [7, с. 265], «вы ваши шутки бросьте» — Брунс [7, с. 267]. В романе используется фразеологический градационный ряд, который приводит Безенчук: «преставилась», «богу душу отдают», «в ящик сыграли», «приказал долго жить», «перекинулся», «ноги протянул», «дуба дают», «гигкнулся» — Безенчук [7, с. 16]. Таким образом гробовых дел мастер определял классификацию человеческих смертей.

И. Ильф и Е. Петров используют фразеологические обороты, чаще традиционные, не только для характеристики героев своего романа. Например, «сломя голову» [7, с. 125], «на сердце лежит заветный анекдот» [7, с. 23], «умирают от смеха — автор» [7, с. 24], «трескотню о темных делах» [7, с. 31], «остались рожки да ножки» [7, с. 54], «все пойдет как по маслу» — [7, с. 67], «каша заваривалась большая» [7, с. 67], «ныли ноги» [7, с. 75], «не сходило с уст» [7, с. 80], «катилась слава» [7, с. 80], «сбились с ног» [7, с. 81], «старались идти в ногу» [7, с. 85], «путаясь под ногами» [7, с. 85], «альфа и омега» [7, с. 119], «ни черта нет» [7, с. 138], «не находит себе места» [7, с. 141], «как ни крути» [7, с. 142], «рябило в глазах» [7, с. 163], «в глубине души не верит» [7, с. 179], «останется на бобах» [7, с. 179], «оставался темным пятном» [7, с. 212], «соблазны возникали на каждом шагу» [7, с. 214], «столкнулся лицом к лицу» [7, с. 219], «бодро держались на ногах» [7, с. 220], «гора свалилась с плеч» [7, с. 225], «время терпит» [7, с. 234], «близко к сердцу» [7, с. 237], «гром среди ясного неба» [7, с. 249], «никому не было дела» [7, с. 257], «друзья выбивались из сил» [7, с. 257], «зная тяжелую руку Остапа» [7, с. 289], «с этой минуты гражданин уже не принадлежит себе» [7, с. 23]. В романе мы выделили 1 фразеологическую единицу, которая потеряла свое переносное значение и используется в прямом смысле — «сидеть между двух стульев» [7, с. 110].

Анализ языковой материал романа «12 стульев» позволяет говорить о том, что в романе наблюдается следующая закономерность: общеязыковые фразеологические единицы используются в речи представителей «старого мира», что говорит о их консервативном, патриархальном отношении к языку. Готовые, неизменные фразеологизмы используют герои «старого режима», дворяне, мещане и интеллигенция, сумевшая приспособиться к

новому времени. Собственно авторские, трансформированные единицы в речи Остапа Бендера, представителя нового типа человека, расчетливого и предприимчивого, и подобных ему. Трансформация фразем, преобразование старых и создание индивидуально-авторских фразеологизмов характерна для О. Бендера, Чарушникова, Мечникова, то есть тех представителей России 20-х годов, ко-

торые сумели приспособиться к новым условиям жизни, что является свидетельством особого мышления, гибкого, открытого для новшеств и перемен. Таким образом, анализ языковой материал романа «12 стульев» позволяет говорить о том, что фразеологический оборот служит яркой характеристикой тех или иных персонажей, а также указывает на отношение авторов к ним.

Литература:

1. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке. — Ростов-на-Дону., 1964.
2. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. — М., 1997.
3. Головина Э.Д. Виснет ли брань на воротах? Как мы коверкаем фразеологизмы. // Русская речь, 2003. — № 5. С. 61–65.
4. Горлов В.В. Фразеологизмы как средство выразительности на страницах газет. / В. Горлов // Русский язык в школе. 1992. — № 5–6. С. 35–37.
5. Гусейнова Т.С. Трансформации фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии. — Махачкала, 1997.
6. Жуков В.П. Русская фразеология. — М.: Высшая школа, 1986.
7. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев: Роман (послел.: К. Симонова). — Т. Изд. Лит. и искусства, 1982. — 304 с.
8. Ломов А.Г. Фразеология в творческой лаборатории писателя. — Орел, 1998.
9. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. — Л.: Наука, 1977. — С. 284.
10. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. — М., 1996.
11. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учебное пособие для студентов филологических факультетов. / Н.М. Шанский. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Высшая школа, 1969. — С. 231.

Функциональная значимость оценки в контексте

Погорелова Светлана Давидовна, кандидат филологических наук, доцент;
Яковлева Анна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент
Тюменский государственный архитектурно-строительный университет

В настоящее время существует много работ, посвященных анализу оценочных высказываний, в которых хорошо освещается вопрос относительно языкового выражения оценок. Особый интерес представляет анализ функционирования оценки на уровне целого текста, т.е. функциональная значимость оценки в тексте.

Уже в 30-е годы был поставлен вопрос о специфике оценочного высказывания в частности. **Ч. Стивенсон** писал, что главное назначение ценностных суждений не сообщать о фактах, а оказывать влияние. Можно говорить о двух способах употребления языка. Первое состоит в том, чтобы фиксировать, прояснять и сообщать наши взгляды. Второе заключается в том, чтобы давать выход нашим чувствам, создавать настроения или побуждать людей к действиям и убеждениям.

Оценка по Ч. Стивенсону предназначена для воздействия на адресата, «заклѳченнaя в ней похвала не есть не адресованное выражение эмоции, она имеет своей целью вызвать у адресата определенное психологическое состо-

яние, она отражает прагматический аспект знаковой ситуации» [7; 217]. Это доказывает важность прагматической категории адресата в ситуации оценки.

В 70-е годы сторонники речевых актов настаивали также на том, что основная цель оценочных высказываний состоит не в том, чтобы описывать мир, а в том, чтобы выражать эмоции и отношения, хвалить или ругать, льстить или оскорблять, рекомендовать или советовать, отдавать приказы или руководить и т.п. С этими доводами нельзя не согласиться, но и нельзя также исключить из этих высказываний фрагмент описания мира.

В.Г. Гак выделяет две главные функции оценки в тексте. На первом месте прагматическая, которая заключается в формировании интенции слушающего, «в желании заинтересовать или убедить, «зацепить» внимание собеседника». Вторая функция — функция компенсации информационной недостаточности. Оценочное высказывание «позволяет понять слушающему позицию или реакцию говорящего, если даже тот не даёт достаточной информации» [2; 87].

А.А. Ивин отмечает, что присутствие в оценке субъективности, с одной стороны, и указания на свойства объекта — с другой, позволяют выделить следующие функции оценочного высказывания: функцию выражения и функцию замещения (такие же функции выделяет в своих работах Е.М. Вольф).

Совмещение функции выражения и функции замещения касается главным образом общеоценочных понятий «хороший/плохой». В обозначениях *эта книга хорошая, он плохой человек* выражается отношение субъекта к объекту оценки (функция выражения). «Чувства удовольствия и неудовольствия, наслаждения и страдания, желания, стремления, предпочтения и т.д., могут выражаться не только с помощью таких слов, как *нравиться, люблю, возмущён, ненавижу* и т.п., но и с помощью наиболее общих оценочных понятий» [3; 36–37].

В функции замещения оценочные слова «хороший/плохой» указывают на те или иные совокупности свойств, являясь как бы обобщающими именами класса свойств с определённым знаком «+» или «-». *Вкусное яблоко* подразумевает не только то, что оно доставляет удовольствие субъекту, но и то, что в нём определённым образом сочетаются кислота и сладость, что оно не слишком жёсткое и т.п. Естественно, что общеоценочные термины, применительно к разным вещам, замещают разные свойства, т.е. подразумевают разные аспекты оценки.

Функция выражения выступает в тех случаях на первый план, когда субъект обозначает с их помощью своё отно-

шение к объекту. В функции замещения, оценка указывает на те свойства, которые присущи объекту [1; 33–34]. Выполняя функцию замещения, общеоценочные слова характеризуют отношение объекта к стереотипу, точнее степень соответствия или несоответствия ему.

По мнению А.А. Ивина «оценка задаёт перспективу познавательного процесса, служит первым необходимым шагом в движении познания от незнания к знанию» [4; 162].

Анализируя оценочные конструкции в тексте, А.П. Сковородников указывает на то, что они «увеличивают прагматический потенциал высказываний сверх той степени, которая достигнута лексическими значениями элементов, наполняющих эти синтаксические структуры» [6; 255].

Итак, в функциональном плане оценочное высказывание, в первую очередь, служит для выражения отношения (Н. Д. Арутюнова, А.А. Ивин, Е.М. Вольф, В.Н. Телия, Н.А. Лукьянова, В.Н. Цоллер, М.В. Ляпон и др.), эмоций говорящего к реальному миру, с его стремлением привлечь внимание слушающего, а также для описания фактов, событий, реалий окружающей действительности.

Многообразные функции языка — воздействующая, дидактическая, эмотивная, когнитивная — определяют «важность оценочных суждений в формировании способностей личности выразить свой духовный мир, определив объекты окружающей действительности (предметы, лица, процессы, события, факты) по нормативной шкале ценностей» [5; 13].

Литература:

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. — М.: Наука, 1985. — 228 с.
2. Гак В.Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. — 1997. — № 3. — С. 87–95.
3. Ивин А.А. Основание логики оценок. — М.: Наука, 1970. — С. 230.
4. Ивин А.А. Основы теории аргументации. — М.: Гардарики, 2000. — 416 с.
5. Маркелова Т.В. Функционально-семантическое поле оценки в русском языке // Вестник Моск-го ун-та. Сер. 9. — 1994. — № 4. — С. 112.
6. Сковородников А.П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. — Томск: 1984. — С. 255.
7. Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значения // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: Прогресс, 1985. — С. 217–218.

Связь оценки с другими категориями языка

Погорелова Светлана Давидовна, кандидат филологических наук, доцент;
Яковлева Анна Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент
Тюменский государственный архитектурно-строительный университет

Оценочный компонент далеко не всегда легко вычленивается из структуры значения единицы языка и речи, поскольку на него могут наслаиваться другие языковые явления. Прежде всего, следует назвать такие категории,

как **эмоциональность, экспрессивность и модальность**. Близость, а иногда и взаимопроникновение элементов названных категорий обусловлены онтологически, ибо чаще всего оценки сопровождаются эмоциями, а подчёрки-

вание смысла основывается на особом повышенном эмоциональном состоянии говорящего и для того, чтобы передать своё отношение к объекту, адресант использует различные экспрессивные средства языка. Указанные явления объединяются и в функционально-прагматическом плане: отражают субъективное отношение говорящего, а также выполняют функцию воздействия (влияние на адресата оказывается всевозможными вербальными и невербальными средствами). В результате, многие языковые единицы одновременно являются носителями и оценочного значения, и эмоциональности, и экспрессивности, к тому же в условиях речевого контекста приобретают стилистическую окраску.

Трудность в выделении самостоятельного оценочного компонента приводит к трудностям его описания и ограничения от других категорий. Отсюда возникает представление о том, что соответствующие рассматриваемым явлениям понятия сближаются по употреблению и толкованию. С этим связано как нежелательное смешение категориальных понятий (в ряде работ Е.М. Галкиной-Федорук (1958), И.В. Арнольд (1975), И.А. Стернина (1975) смешиваются понятия эмоциональности и оценки; Н.А. Лукьянова (1986) отождествляет экспрессивность и «эмоциональную оценку»), так и особый подход к более узким терминам (М. Н. Кожина (1983) считает оценочные номинации заведомо экспрессивными), стремление к созданию собственных терминологических наименований: «эмоционально-оценочный экспрессив» (Н. А. Лукьянова), «положительная и отрицательная субъективная экспрессивность» (В. Г. Гак).

Категория, требующая обязательного упоминания в связи с оценкой — категория эмоциональности. **Эмоциональность** определяют как состояние, возникающее в процессе принятия решений об оценке воспринимаемых явлений действительности и их связи, «отражённое и закреплённое в семантике слова отношение, чувство говорящего к объекту речи» [9; 64].

Некоторые учёные (Н. А. Лукьянова, В.И. Шаховский, А.О. Чернейко, И.Н. Худяков) объединяют эмоциональный и оценочный компоненты в один, (такой подход отражает и состав помет большинства словарей, не разделяющих эмоциональные и оценочные элементы, одинаково маркируя лексику разного характера) и называют их «эмоциональной оценкой». Эта взаимосвязь понимается последователями данной трактовки как зависимость оценки от эмоций. «При непосредственном коммуникативном акте оценка не может не сопровождаться эмоциями» [8; 81], считают приверженцы этой теории.

А.О. Чернейко, указывая на взаимосвязь категории оценки и категории эмоциональности, подчёркивает, что «выбор знака оценочного высказывания субъектом оценки определяется принятием или неприятием личности, другого объекта оценки» [10; 44]. Оценка как бы «впитывает» в себя соответствующую эмоцию, а параметры эмоции и оценки совпадают: «приятное» — «хорошо», «неприятное» — «плохо» [3; 45].

Категория оценки и эмоциональности очень тесно связаны друг с другом. Рациональная и интеллектуально-логическая оценка без эмоциональных оттенков — явление довольно редкое. Эмоциональная оценка, как раз наоборот, встречается очень часто, поэтому средства её выражения намного богаче и разнообразнее. Сознание человека воспринимает действительность в единстве мыслей и чувств. «В языке нет 2-х строго ограниченных друг от друга систем: системы логических и аффективных значений. Их разделение — это всего лишь необходимая абстракция... Она не более искусственна, чем устанавливаемое в психологии различие между рассудочными и эмоциональными актами мысли, которые в действительности не существуют» [1; 23]. Человек переживает отражаемое им благодаря единству рационального и эмоционального в его сознании.

Таким образом, на взаимообусловленность категорий оценки и эмоциональности указывают следующие моменты:

1) положительная оценка связана с эмоциями одобрения, восхищения и подобными, а отрицательная — неодобрения, возмущения и пр.;

2) как правило, оценка вызывает эмоции и нередко проявляется через них;

3) оценка может быть и чисто рациональной, а эмоция, как правило, предполагает оценку.

Представители противоположной точки зрения, считают, что категория оценки и категория эмоциональности являются компонентами, хоть и предполагающими друг друга, но различными.

Различие эмоционального и оценочного компонента подтверждает тот факт, что «отдельным подклассам эмоциональных явлений функция оценки свойственна не в одинаковой степени». Эмоции могут выражаться отдельно от оценки (М. Н. Кожина, Т.В. Маркелова).

Важным, является замечание о том, что семантика эмоциональности лежит в диапазоне «одобрение — неодобрение», а не «хорошо — плохо» как у оценки. В связи с этим оценочному суждению придаётся значение «считай, что названное хорошо или плохо», а эмоциональный компонент в когнитивном плане может иметь смысл «испытай одобрение или неодобрение того, о чём говорится».

В исследовании мы принимаем точку зрения лингвистов, считающих, что категория оценки и категория эмоциональности являются категориями хоть и предполагающими друг друга, но различными. При наличии в семантике слова обоих элементов, мы, признавая их взаимосвязь, не ставим вопрос о первичности одного из них. Мы думаем, что оценки и эмоции возникают одновременно, а не на основе друг друга.

Одной из близких к категории оценки является категория экспрессивности. **Категория экспрессивности** изучается в работах Н.А. Лукьяновой (1986), В.Н. Цоллер (1996), В.И. Шаховского (1998), но остаётся одной из наиболее «размытых» категорий в понятийном плане.

Экспрессивность определяется как «не-нейтральность речи, отстранение, деавтоматизация, придающие

речи необычность, а тем самым выразительность» [7; 36–37]. В основе экспрессивности лежит семантическая контрастность, яркость, необычность лексического значения слова, по сравнению с нейтральным наименованием.

В.Н. Телия отмечает, что «экспрессивность представляет собой отображение в содержании языковых сущностей эмоционального, ценностного отношения субъекта речи к элементам внешнего и внутреннего мира человека, вызываемого в нём при их обозначении [6; 203].

Если категория эмоциональности — произвольна, непреднамеренна, то экспрессивность — это специальная заданность как средство воздействия.

Таким образом, экспрессивность — целенаправленное воздействие на слушателя с точки зрения впечатляющей силы высказывания, выразительности.

Это категория, ориентированная на адресата, то есть имеющая прагматическое значение и, следовательно, тесно связанная с **прагматикой речи**, с понятием **речевых актов**. В речевых актах экспрессивность оценочных выражений направлена на то, чтобы усилить эмоциональное воздействие на собеседника, увеличить перлокутивный эффект оценочного высказывания.

В. Н. Цоллер указывает, что экспрессивность как «функциональная категория — усиление выразительности, изобразительности, увеличение воздействующей силы сказанного, и как языковая, семантическая категория, т.е. как внутреннее содержание языковой единицы — передача особого, специфического содержания с помощью особых, необычных средств» [9; 62].

Экспрессивность и оценка — это два взаимосвязанных понятия и чаще всего сосуществуют в одном слове, то есть если субъект оценивает то или иное явление, он избирает для этого экспрессивные средства языка.

Ш. Балли в своё время писал, что проникновение в значение слов квалификативной деятельности сознания и выражения в нём эмотивных реакций субъекта речи на обозначаемое им и создаёт «экспрессивную окраску речевых фактов» [1; 391].

В работах Е.М. Галкиной-Федорук, В.Н. Телии, категория экспрессивности отграничивается от эмоциональности и оценки, как явление плана «выражения» от элементов содержания. Экспрессивность, выражая оценочное значение, имеет свой способ внедрения в содержание языковых сущностей — явный, оформленный по средством суффиксов субъективной оценки или стилистической маркированности слов (ср.: *река* — *реченька* — *речушка*), либо же неявный, внутрисловно не оформленный, но проявляющийся в закреплении слов за определенными синтаксическими позициями или в их употреблении со специальными средствами актуализации (*Он — настоящий гений*) [6; 207–208].

Таким образом, экспрессивность и оценка хоть и взаимообусловлены, но существуют независимо друг от друга. Так, если оценка и эмоциональность, входя в языковое высказывание, обогащают, дополняют его информативный объём, то экспрессивность, не меняя уже име-

ющийся заложенный смысл, усиливает его (сравните: *хороший* и *прекрасный*). В оценочном высказывании содержатся сведения о ценностной значимости для говорящего какого-то объекта, информация о которой и является целью высказывания. Тогда как основное «призвание» экспрессивно-окрашенного сообщения состоит в том, чтобы выразить представление говорящего о «предмете» и в большей степени воздействовать на реципиента.

Вопрос о соотношении категории оценки и категории модальности в лингвистике получил практически исчерпывающее освещение (работы выдающихся учёных А.А. Потебня (1958), В.В. Виноградова (1980), В.Г. Гака, Г.А. Золотовой (1982), (1987) и др.), хотя и решается неоднозначно.

Термин «**модальность**» в языкознании многозначен: им называются разные явления, объединённые тем признаком, что все они так или иначе — грамматически, лексически, интонационно — выражают отношение говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности.

На сегодняшний день остаётся спорным вопрос, является ли категория оценки самостоятельной или представляет собой компонент категории модальности. Некоторые лингвисты придерживаются мнения о разграничении данных понятий (Т.В. Маркелова, А.В. Махова), другие же, считают одним из видов субъективной модальности (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф) или сущностью субъективной модальности (В.Н. Телия, Н.Ю. Шведова).

Приверженцы второй точки зрения считают, что если суммировать сущность субъективной модальности и оценки, то общим для них является указание на отношение говорящего к сообщаемому. Таким образом, содержание категории оценки и модальности являются одинаковыми.

Так, М.В. Ляпон делает вывод: «Смысловую основу субъективной модальности образует понятие оценки в широком смысле слова ...» [11; 303].

В более ранних работах Е.М. Вольф собственно оценка (хорошо/плохо) рассматривалась как одна из разновидностей квалификации, где «присутствует субъективный объект, то есть субъект оценки и соотношение с некоторой имеющейся у него системой ценностей» [2; 40]. Помимо этого Е.М. Вольф определяет оценку как квалификацию, в широком смысле слова, которая связана с «представлением субъекта оценки об отношении данного предмета или события к нормативному «положению вещей» или к существующей в данном социуме норме», и оценку, в собственном смысле слова, связанную с противопоставлением «хорошо/плохо» [2; 392]. При этом квалификация всегда должна быть ориентирована на дескриптивные признаки, а оценка может быть «чистой», как бы стоящей над дескриптивными характеристиками.

В своих более поздних работах Е.М. Вольф меняет свои взгляды и отстаивает точку зрения, что оценка является разновидностью модальности. Она выделяет целый класс субъективных модальностей, в структуру которых входит «представление о стереотипной картине мира

и/или нормативных соотношениях её элементов» [2; 179]. Примерами таких модальностей являются модальность оценки хорошо/плохо, модальности «странности», «удивления», «неожиданности». Все их сближает общность структуры модальной рамки, в которую входит целый ряд элементов: субъект оценки, её объект, объединяющий их оценочный предикат, а также другие составляющие. Среди этих и других аспектов ведущим является фрагмент картины мира, то есть система ценностей субъекта, включая как систему ценностей социума, которой принадлежит субъект, так и связанную с ней индивидуальную систему ценностей самого субъекта [2; 125].

Однако лингвисты, придерживающиеся первой точки зрения отмечают, что отношение само по себе ещё не есть оценка (например: *я люблю природой; ему нравится картина*), а лишь отношение, которое в качестве обязательного компонента предполагает избирательную позицию говорящего к вещам, и критический анализ, квалифицируя характеристики, если даже эта позиция неточна, субъективна.

Наиболее точное определение / различие этих категорий представлено в работе Т.В. Маркеловой, которая, пытаясь разграничить категорию оценки и субъективной модальности, указывает на то, что модальность, прежде всего, выражается на уровне всего высказывания (предложения). Оценка, в свою очередь, широко проявляется и на лексическом.

Кроме того, «субъективная модальность — это отношение говорящего к предмету речи, а оценка — ценностное отношение, связанное не только с личностно-

прагматической интерпретацией обозначаемого, но и с определением его места по шкале ценностей отражающей известное каждому говорящему соотношение языковых и внеязыковых знаний о том, что такое хорошо, а что такое плохо» [4; 61].

Учитывая подобные мнения, мы, вслед за Т.В. Маркеловой, считаем оценку и модальность, хотя и взаимосвязанными, но не совпадающими явлениями. В структуре их значения, безусловно, обнаруживаются общие компоненты (субъективность, объективность, отношение), но даже по своей системной организации исследуемые явления различны. На наш взгляд, оценкой следует считать лишь такое мнение о предмете, которое выражает характеристику последнего через соотнесение его с категорией ценности. Оценку в таком случае можно определить как положительную или отрицательную характеристику предмета, связанную с признанием / непризнанием его ценностью. Так, объект оценки представляет собой ценность, если его свойства будут найдены положительными, нужными, полезными, отвечающие определённым требованиям, находящимися на должном уровне развития и т.п.

Обобщив всё сказанное, ещё раз отметим, что оценка действительно имеет точки пересечения с категориями эмоциональности, экспрессивности и модальности. Но то, что сами эти явления между собой разделяются, на наш взгляд, приводит к следующему выводу: оценка не может быть признана **специфической частью** одновременно нескольких разных языковых явлений, соответственно следует признать её самостоятельной категорией, в чём-то пересекающейся, взаимодействующей с другими.

Литература:

1. Балли Ш. Французская стилистика. — М.: УРСС, 2003. — 394 с.
2. Вольф Е.М. Оценочное значение и соотношение признаков «хорошо/плохо» // Вопросы языкознания. — 1986. — № 5. — С. 98–108.
3. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. — Новосибирск: Наука, 1986. — 227 с.
4. Маркелова Т.В. Функционально-семантическое поле оценки в русском языке // Вестник Моск-го ун-та. Сер. 9. — 1994. — № 4. — С. 112.
5. Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. — Воронеж: 1979. — 156 с.
6. Телия В.Н. Типы языковых значений. — М.: Наука, 1981. — 269 с.
7. Телия В.Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. — М.: Высшая школа, 1991. — С. 36–67.
8. Худяков И.Н. Об эмоционально-оценочной лексике // НДВШ. Филологические науки. — 1980. — 145 с.
9. Цоллер В.Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика // Филологические науки. — 1996. — № 6. — С. 64.
10. Чернейко А.О. Порождение и восприятие межличностных отношений оценок // НДВШ. Филологические науки. — 1996. — № 6. — С. 42–54.
11. Николаева Т.М. Большой энциклопедический словарь. М.: 1998. — С. 507

Структура перифразы и ее типы

Рапаева Юлия Валерьевна, аспирант

Оренбургский государственный педагогический университет

Перифраза представляет собой сложное образование, которое всегда интересовало ученых, начиная с античных времен и до наших дней. Перифраза обладает многообразием функций и свойств, которые в речи теснейшим образом взаимосвязаны, взаимодействуют. При этом многообразии функций и свойств придают емкость и разнообразие перифрастических выражений.

Термином «перифраза» в филологии обозначается достаточно широкий круг языковых (речевых) явлений, то есть этот термин не имеет четкой и единой предметной отнесенности. В лингвистической и литературоведческой стилистике немало работ, посвященных перифразе, но актуальность лингвистического анализа этого явления бесспорна.

Перифрастические образования в разговорном и литературном языке всегда интересовали ученых. Явление перифразы имеет довольно долгую предысторию. Однако природа и сущность этого явления до сих пор не выяснены, а определение перифразы не является четким и однозначным. Полисемия термина связана с его широким использованием в разных областях научного знания (литературоведение, логика, стилистика, риторика, социолингвистика, морфология, музыка), что позволяет рассматривать перифразу не только в рамках лингвистического анализа.

На основе проанализированной нами научной литературы [1; 2; 3; 4; 7] перифразу можно определить как неоднословную вторичную номинацию описательного, преимущественно эмоционально экспрессивного, оценочного характера, представляющую собой семантически неделимое выражение, косвенно указывающее на существенные, отличительные либо субъективно выделенные носителем языка признаки (признак) обозначаемого объекта или явления действительности.

Неизученность проблемы перифразы в разных аспектах, отсутствие теории перифразы имеет своим следствием неправильное вычленение в качестве перифрастического сочетания конструкций разных структурно-семантических родов.

Привычно считать, что основным признаком перифразы является ее способность заменять слово [5; 1].

В исследованиях, квалифицирующих генитивные сочетания различного рода как перифразы, обычно не принимается во внимание специфика формальной структуры перифразы. Эта специфика заключается в том, что перифраза трехчлена. Первым, важнейшим членом структуры перифразы является слово-номинант, перифразируемое слово. Второй член — перифразирующий компонент (опорное слово); третий компонент — предизируемый компонент (мех (1) — мягкое (3) золото (2)). Каждый из

компонентов сочетания может быть распространен, особенно в поэтической речи: крылатой мысли (3) пламенный титан (2).

Специфика же семантики перифразы заключается в том, что она коррелятивна (соотносительна), и вне корреляции слова-номинанта и перифрастического сочетания перифрастическое значение как таковое не существует.

Элементарную ячейку системы семантики составляет единство 3-х элементов, так называемый «семантический треугольник»: внешний элемент словесного знака (последовательность звуков или графических знаков) — означающее связан, во-первых, с обозначаемым предметом действительности — денотатом (а также референтом), во-вторых, с отражением этого предмета в сознании человека — означаемым. Означающее представляет собой результат общественного познания действительности и обычно тождественно понятию, иногда представлению. Тройная связь «означающее — денотат — означаемое» составляют категорию значения, основную ячейку семантики. Семантические отношения заключаются в том, что эти ячейки уподобляются одна другой по какому-либо из трех своих элементов — по означаемому (синонимия), по означающему (омонимия), по денотату и референту (перифраза)

Трехкомпонентная структура перифразы и коррелятивность ее семантики ярко продемонстрирована Т.И. Бытовой [2] на материале словосочетаний одинаковой лексической наполненности. Ср.

- 1) Его мысль заблудилась в лесу воспоминаний...
- 2) В памяти, в лесу воспоминаний. (Н. Тихонов)

В первом случае речь идет о воспоминаниях, которые как лес. Тропеическое значение выражения связано со сравнением воспоминаний (предмет сравнения) и леса (образ сравнения). Во втором случае речь идет о памяти, и тропеическое значение выражения связано не со сравнением, а с преобразованием (метафорическим толкованием) значения слова «память».

Таким образом, перифрастические сочетания — это обороты, которые используются не вместо обычного названия предмета, а вместе с обычным названием предмета.

Явление перифрастических образований в науке мало изучено. Поэтому ученые предлагают разные классификации перифраз.

Так А. Греймас и Ж. Курте [9] различают два рода перифраз:

1) перифразы субститутивные (денотативные), при которых ставится целью прямое тождество с парафразируемым высказыванием.

2) перифразы косвенные (частично коннотативные), которые своим содержанием снимают неоднозначность

(двусмысленность) первого высказывания (путем референции либо к контексту высказывания-результата, либо к акту высказывания — процесса).

Г.С. Розанова [9] в своем диссертационном исследовании перифразы проводит разграничение между «стилистическим» и «нестилистическим перифразом», используемым в терминологии традиционной грамматики, структурной лингвистики, философии языка, музыке, живописи и т.д. Под «стилистическим перифразом» ею понимается «построенное на выделении какого-либо признака денотата и представленное разными структурными типами иносказание, которое (в отличие от метафоры) полностью замещает антецедент и связано с последним денотативной общностью (метафорический или метонимический перифраз)». Под нестилистическим перифразом подразумеваются логический перифраз (включая перифраз-трансформ, выступающий в функции объяснительной трансформации), а также «синонимический перифраз», которым оперирует генеративная семантика, осуществляя различные преобразования, и, кроме того, грамматический перифраз, близкий к перифразу-трансформу регулярностью отношений со своим коррелятом.

Школьная и классическая стилистика различает несколько типов перифраз [6]:

I. Как фигуру грамматическую:

а) свойство предмета берется как управляющее слово, название же предмета берется как слово управляемое: «Поэт, бывало, тешил ханов стихов гремучим жемчугом» (перифраз слова «стихами»);

б) глагол заменяется существительным, образованным от той же основы с другим (вспомогательным) глаголом: «совершается обмен» вместо «обменивается».

II. Как фигуру стилистическую:

а) название предмета заменяется описательным выражением, являющимся развернутым тропом (метафорой, метонимией и т.п.): «пришли мне, выражаясь языком Де-Лилия, витуую сталь, пронзающую засмоленную главу бутылки, т.е. штопор» (письмо Пушкина брату).

Липатов А.Т. в статье «Перифраз как бинарная единица художественного текста и его место в трихотомии

«перифраз — окказиональная фраземаузуальный фразеологизм» [9] выделяет «перифразы-символы» и «синонимы-замены». Особое место отводится перифразам-символам. Символ как особый тип метафоры в художественных произведениях передается через емкий и семантически насыщенный перифраз, который способен вместить в себя всю сложность символики. Так, название лермонтовского романа «Герой нашего времени» — это перифраза-символ.

Существенное значение в нашей исследовательской работе имеет классификация Т.И. Бытевой [2]. В своей классификации Бытева [2] принимает во внимание слово-номинант, его значение, констатирует семантическую идентичность «исходного слова и перифразы» или синонимический характер отношений лексического значения «доминанты» и «перифразы». В связи с этим Т.И. Бытевой [2] были выделены следующие типы перифрастических сочетаний:

1) денотативно тождественные слову-номинанту;

2) денотативно соотносительные со словом-номинантом;

3) денотативно близкие слову-номинанту;

4) денотативно дивергентные со словом-номинантом.

Внимательное рассмотрение данных корреляций требует, по мнению Т.В. Лысковой [9], ряда существенных уточнений. Прежде всего, в том, что при рассмотрении перифразы следует различать семантические корреляции двух видов: 1) значение перифразируемого слова / значение опорного слова СП и 2) значение перифразируемого слова / перифрастическое значение. По ее мнению, такой отдельный подход при описании СП позволяет выявить семантическую сущность данных единиц разного типа.

Таким образом, в науке существует множество классификаций перифраз. Классификация каждого исследователя отличается своеобразием, но большинством ученых признается, что перифраза трехчлена: слово-номинант, перифразирующий компонент, предцизируемый компонент.

Литература:

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М.: КомКнига, 2007. — 576 с.
2. Бытева Т.И. Перифраза как экспрессивная единица языка: к особенностям семантики / Семантика и прагматика текста. Барнаул, 1999в. (в печати)
3. БЭС: В 30 т.; т.19. / Гл. ред. А.М. Прохоров. — М.: Сов.энциклопедия, 1975.
4. Грехнева Л.В. Особенности перифрастической номинации. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2009, № 6 (2), с. 207—210.
5. Синельникова Л.Н. О взаимодействии тропов (метафор, перифраз, сравнений) в контексте стихотворений. // Вопросы синтаксиса и лексики в современном русском языке (сборник трудов). — М., 1973.
6. Школьный словарь перифраз. <http://rus.1september.ru/>
7. Языковая номинация: виды наименования / отв. ред. А.А. Уфимцева. — М.: Наука, 1977. — 358 с.
8. Языковая номинация (общие вопросы). — Наука, 1977. — 359 с.
9. <http://www.nauka-shop.com>

Тематические группы лексики, заимствованной из западноевропейских языков посредством русского языка (на материале узбекской жадидской поэзии)

Сайидов Екуб Сиддыкович, кандидат филологических наук, доцент
Бухарский государственный университет (Узбекистан)

Рубеж XIX–XX вв. знаменуется в узбекском языке временем больших преобразований в области лексики. Обусловлено это прежде всего расцветом так называемой узбекско-жадидской литературы. Деятельность таких мастеров слова как Абдурауф Фитрат (1886–1938), Абдулла Авлоний (1878–1934), Абдулхамид Чулпон (1897–1938), Мухаммадшариф Суфизаде (1880–1937), Хамза Хакимзаде Ниязий (1889–1937), Исхокхон Ибрат (1862–1937), Абдулхамид Мажидий (1883–1937), Сидкий Хондайлий (1883–1937), Илбек (1898–1938), Боту (1904–1938) качественно повлияла на лексический фонд узбекского языка, так как эти писатели попытались через опыт общения с другими литературами установить синтез национального и общемирового. Интеграция узбекской культуры в европейские и общемировые процессы обусловила проблему освоения новых лексических единиц.

Рассмотрение словарного состава заимствований из современного узбекского языка позволило выделить следующие основные пласты: 1) общетюркско-узбекский (*илон, қўл, кун*); 2) персидско-таджикский (*дарахт, гул, нон*); 3) арабский (*китоб, мактаб, қалам*); 4) русский (*поезд, самовар, судья*); 5) иную восточную лексику, включающую некоторое количество китайских (*чай, лагмон, шийпон*) и монгольских (*мерган, улус*) слов.

Основным объектом изучения в данной статье являются тематические группы лексических единиц в узбекском языке, заимствованных из западноевропейских языков посредством русского языка, пути их распространения через жадидскую литературу и сфера использования в принимающем языке.

Приток заимствований в тот или иной язык, как известно, обусловлен историческими процессами в жизни общества. Вышеназванные писатели стали подвижниками просвещения и в своё время открыли много школ в Туркестане, где наряду с родным языком, изучался и русский язык. В 1870 году открылись первые русские школы в Самарканде, в 1874 году — в Чимкенте. Газета «Туркестанские ведомости» стала выходить в переводных вариантах — на узбекском и киргизском языках, одновременно местные газеты «Турон», «Тараккий», «Харшид», «Садойи Фергана», «Садойи Туркистон», «Самарканд» стали публиковать материалы, связанные с толкованиями явлений русской культуры. Появилась новая политическая и экономическая лексика. Если обратиться к статистике, то только за 20-ые годы XX века в узбекском языке появилось до 3000 заимствований как из русского языка, так и из западноевропейских языков (через русский язык-посредник). Это в первую очередь лексемы из сферы промышленности (*завод, бензин, машина*), об-

разования (*гимназия*), культуры (*театр, выставка*), военной сферы (*армия, офицер*), связи (*почта, телеграф*) и т.п.

По результатам нашей выборки из поэтических текстов поэтов-жадидов нами было выявлено 15 тематических групп лексики. Звуковой образ слова сформирован под влиянием фонетических законов узбекского языка. Однако необходимо отметить, что этот процесс не является обязательным для принимающего языка. Так, например, большое количество заимствований из арабского и персидского языков транслитерированы в узбекский язык фактически без звуковых изменений. В приведённых группах слов показан язык-источник, а также те авторы, в чьих текстах мы обнаружили использование той или иной лексемы.

1. Слова, обозначающие число и меру: минут [р минута < лат], милён [р миллион < фр] и др. (Илбек); фебрал [р < лат. февраль], март [р < лат], нўябр [р ноябрь < лат], ийул [р июль < лат], май [р < лат] и др. (Сидкий Хондайлий); милйўн [р миллион < фр], червон [р черванец] и др. (Сидкий Ажзий); гирамм [р грамм < фр], десатина [р десятина], сўлкавой [р целковый — 1 монета], пут [р пуд — означает 16 килограммов] и др. (Абдулхамид Мажидий). Например:

Бугун курбон — қон дарёси оқар кун,
Милён-милён жонни йиқиб — ёқар кун.
(Илбек).

2. Слова из сферы экономики и торговли: банк [р < фр < итал], капитал [р < лат] и др. (Чулпон); белат [р билет], пилон [р план < лат], рул [ф-т < грек] и др. (Абдулхамид Мажидий); пилон //план [р < лат], кридит [р кредит < лат] и др. (Исхокхон Ибрат); пинса [р пенсия < лат], вискел [р вексель < нем] и др. (Суфизаде); нолуг [р налог], банка [р банк < фр < итал] и др. (Сидкий Ажзий); иштароб [р штраф < нем], вексел [р вексель < нем] и др. (Сидкий Хондайлий). Например:

Афу этинг пилон солиғини,
Ё сув беринг, қурумасин боғлар.
(Исхокхон Ибрат).

3. Общественно-политические слова: буржуй [р буржуазия < фр], совет (р), колхоз [р] и др. (Чулпон); қўлликтив [р коллектив < лат], союз [р], кампания [р компания фр], буржуа [р буржуазия < фр] и др. (Илбек); мандат (р < лат), Лига Носа (Лига Наций которой создано 1920 году), дикрит [р декрет < фр], закун [р — конун], камитет [р комитет < фр] и др. (Сидкий Ажзий); сотсиал [р социальный], бурократ [р бюрократ < фр + грек], женотдел [р], каммунист [р коммунист] и др. (Хамза); райўн (р район < фр), суд [р], рапўрт [р рапорт < фр] и др. (Абдулхамид Мажидий); район

[р < фр], суд [р], партия [р < нем] и др. (Исхокхон Ибрат); Дума, камитет [р комитет < фр], риволутса [р революция < фр] и др. (Сидкий Хондайликий). Например:

Эй, *районга* раис ўртоқлар,
Давлат узра юринг бўлуб соғлар.
(Исхокхон Ибрат).

4. Топонимы: Сибир (Сибирь), Британия и др. (Фитрат); Гирмония (Германия), Динипр (Днепр), Темза, Масков (Москва) и др. (Чулпон); Гирмон (Германия), Болқон (Балкан), Юнон, Питроград (Петроград), Невский, Русия (Россия), Фўлша (Польша), Финландия и др. (Сидкий Хондайликий); Русиа (Россия), Болқан (Балкан), Фарангистон (Франция) и др. (Сиддий Ажзий).

5. Слова из сферы промышленности и транспорта: электрик [р электр < грек], машина [р < фр], пароход [р], флот [р < нем] и др. (Чулпон); технико [р техника < грек], айрупилон [р аэроплан < грек + фр], мошина [р машина < фр], электр [р < грек] и др. (Илбек); вагон [р < англ], трактур [р трактор < англ], автомобил [р автомобиль < грек + лат], конка [р коляска], фойиз [р поезд], иликтр [р электр < грек] и др. (Исхокхон Ибрат); трамвай//трамвў//трамвой [р < англ], автамабил [р автомобиль < грек + лат], вопур [фр — пороход], тирактур [р трактор < англ], мошин [р машина < фр], илектр [р электр < грек] и др. (Сиддий Ажзий); матор [р мотор < лат], трактар [р трактор < англ], мошина [р < фр] и др. (Абдулла Авлоний); техника [р < грек], радиё [р радио < лат], вагун [р вагон < англ], радиёприёмник [р радиоприёмник], эликтр [р электр < грек], завўд [р завод] и др. (Абдулхамид Маждий); поезд, вокзол [р вокзал], вагон [р < англ], завут//завуд [р завод], кўнка [р коляска] и др. (Суфизаде). Например:

Шахарга қўймадик *поездни*, келсун, халк кун кўрсун,
Ажаб мўминсифат, эски мусулмон чустилар, бизлар.
(Суфизаде).

6. Названия быденных вещей: дафтар [турк-усм < грек], фанор [р фонарь], лампа [р < фр] и др. (Чулпон); самовар [р], лента [р], лампа [р < фр] и др. (Абдулла Авлоний); камзул [р < фр], торт [р < итал], самавар [р самовар], кўфия [р копия], лампа [р < фр] и др. (Исхокхон Ибрат); патнус [р поднос], бутилка [р бутылка], паспорт [р < фр], ботинка [р ботинки], попирус [р папирус < грек], муштук [р мунштук < нем], турубка [р трубка], махорка [р], материал [р < лат], пўртсигар [р < фр — коробка которие совместит сигарети] и др. (Абдулхамид Маждий); кандил [а < грек люстра], графит [р < грек], фирмофон [р граммофон < грек], пўрма [р форма < лат] и др. (Сиддий Ажзий); лўм [р лом], албўм [р альбом], пуржина [р пружина] и др. (Сидкий Хондайликий). Например:

Самоварга чиқишуб, ёшу қари чулдирашур,
Эртадан кечгача чойни ичадур шўлдур-шўлдур.
(Абдулла Авлоний).

7. Слова, обозначающие профессии и должности: полис [р полиция < нем — полиция], генерал [р < лат], пионер [р < англ], файласуф [а < грек философ] и др. (Чулпон); батрак [р], инвалид [р < лат], адвокат [р < лат] и др. (Илбек); салдат [р солдат], палитса [р полиция < нем — полиция], па-

трул [р патруль < фр], министр [р < фр], императўр [р император < лат], кеноз [р князь], мисйўнер [р миссионер < лат], мужик [р], жандарма [р < фр — работник жандармерии], офицер [р офицер < нем], падпаручик [р подпоручик — офицерский награда времён жандармерии] и др. (Сидкий Хондайликий); дўхтур [р доктор < лат], адвокат [р < лат] и др. (Сиддий Ажзий); купес [р купец], милиса [р милиция], комунист [р < фр], ударник [р — передавик, почетный работник], актиор [р актёр], дўктур//дўктур [р доктор < лат], кўрректур [р корректор < лат], режуссўр [р режиссор], драматўрг [р драматург] и др. (Абдулхамид Маждий); пристав [р — местный начальник милиции], директўр [р директор < лат], судия [р судья] и др. (Каримбек Камий); депутат [р < лат], пристав [р], инвалид [р < лат], каниз [р князь], полис [р полиция < нем] и др. (Суфизаде). Например:

Муллими кувиб, мактабни ёпган чустилар — бизлар,
Бериб пора, *приставларни* топган чустилар — бизлар.
(Суфизаде).

8. Слова, обозначающие природные явления: пўртана [итал — сильный волна реки; гром и буря], вулкон [р вулкан < лат], лава [р < лат] и др. Например:

Менинг кўнглимда *пўртаналар*, *пўртаналар!*
Чунки, *пўртана* мендир, мен-да *пўртана*.

Қонимиз *вулқондек* қайнаган,
Умиднинг юлдузи порлаган.
(Боту).

9. Названия продуктов: торт [р < итал], фива [р пиво] и др. (Исхокхон Ибрат); канфет [р конфета], вино [р] и др. (Абдулхамид Маждий); коньяк [р коньяк], шампон [р шампанское] и др. (Сиддий Ажзий). Например:

Ўғурлик қилурлар, жонни бериб далеронлар,
Ичарлар *коньяк*, бериб жонни мардоналар.
(Сиддий Ажзий).

10. Слова, используемые в сфере связи: тилифўн//телефўн [р телефон < грек], тилгиром [р телеграмма < грек], тилгироф [р телеграф < грек], заказ [р], адрес [р < фр], канверт [р конверт], пасилка [р посылка], почта [р < поляк] и др. Например:

Дема жону жахон авқот учун бу халққа дон келди,
Дема дон, балки бунларга *почта* узра нон келди.
(Исхокхон Ибрат).

11. Этнические имена: ўрис // рус, фаранг (француз), юнон, лотин, немис, ислован (славян) и др.

12. Военная терминология: танка [р танк < англ], фрўнт [р фронт < нем], пулимўт [р пулемёт], армия [р < фр < лат], иштаб [р штаб < нем] и др. Например:

Аробакаш ила хўб муштлашиб, кўб ох-вох тортуб,
Ажиб бир *армия* билан инсоний вагон келди.
(Исхокхон Ибрат).

13. Слова, обозначающие специальные помещения: ресторан [р < фр], парк [р < англ] и др. (Чулпон); турма [р тюрьма], истанса [р станция], амбулатория [р < лат], кулуб [р клуб < англ], пўрт [р порт < фр], пўст [р пост < фр — места где стоит охранник], вўкзал [р вокзал], вўлўст [р волость] и др. (Абдулхамид Маждий); пассаж [р], зал [р зал < нем], гастинаса [р гостиница] и др. (Каримбек Камий). Например:

Қаргалар *паркларда* қағлашиб қолдилар,
Билмадим, кимларнинг қисмати узилур?
(Чулпон).

14. Слова, обозначающие растения: помидор [р < лат], картушка [р картошка] и др. Например:

Қуруди *картушка*, ўрик, ёнғоқлар,
Хўжасини қўюб бағрига доғлар.
(Исхокхон Ибрат).

15. Слова из сферы культуры и образования: жаз [р джаз < англ — оркестр], рўл [р роль < фр], гимнастика [р < грек], газет [р газета < лат] и др. (Чулпон, Илбек, Ибрат); култур [р культура], театр [р театр < грек], газет [р газета < лат] и др. (Сиддикий Ажзий); музыка [р музыка], картина [р картина], лектсия [р лекция < лат], анкет [р анкета < фр], фалсафа [р < грек], рўмон [р роман < фр], кўнсерт [р концерт < лат], пиеса [р пьеса < фр], труппа [р < нем], рул [р роль < фр], ганарар [р гонорар < лат] и др. (Абдулхамид Мажидий); гимназия [р гимназия < грек], газит [р газета < лат], райал [р рояль < фр], виставка [р] и др. (Каримбек Камий). Например:

Дилки, миллат ғамидин қон ўлди,
Дарду ҳасрат *газитдан* жон ўлди.
(Каримбек Камий).

Как считают некоторые исследователи [1,2,3,4], объединение заимствованных слов в группы по признаку тематической общности является показателем их востребованности говорящими и высокой степени их адаптации в лексической системе. Из приведенного анализа лингвистического материала можно сделать вывод, что заимствования из западноевропейских языков начала XX века (через русский язык) прочно вошли в лексическую систему современного узбекского языка. Деятельность поэтов-жадидов укрепила названный лексический фонд заимствований, послужила своеобразной основой для активизации новых лексем в узбекском литературном языке. Заимствования проникли практически во все его сферы функционирования: как в политическую, экономическую, спортивную, научную, так и бытовую. Процесс заимствования продолжается и в настоящее время.

Литература:

1. Абдуназаров А. Некоторые вопросы развития лексики и фразеологии узбекского литературного языка 20-х годов: Автореф. дисс....канд. филол. наук. — Ташкент, 1969. — 26 с.
2. Боровков А.К. Изменение области лексики и новый алфавит (на основе русской графики). — Ташкент: Известия АН УзССР, 1940.
3. Гулямова Н.Г. Русские лексические заимствования в узбекском языке. — Ташкент: Фан, 1985. — 178 с.
4. Усманов О., Хамидов Ш. Материалы из узбекской лексики (конец XIX — начало XX вв). — Ташкент: Фан, 1981. — 187 с.

Комментарий в современном информационно-коммуникативном пространстве: перспективы лингвистического исследования

Степанова Лидия Николаевна, аспирант

Таврический национальный университет им. В.И. Вернадского (г. Симферополь, Украина)

На сегодняшний день на кафедре межъязыковых коммуникаций и журналистики Таврического национального университета им. В.И. Вернадского под руководством доктора филологических наук, профессора Г.Ю. Богданович разрабатывается тема «Компетенция в языке и коммуникации». Одним из направлений заявленной научной темы является исследование функционирования языка в интернет-коммуникации (С. С. Дикарева, А.А. Громова, Л.Н. Степанова)

Настоящая статья посвящена перспективам изучения комментария как особой формы дискурсивной практики с учетом взаимосвязи форм его реализации в Сети. В статье кратко обозначена проблематика описания интернет-комментария как постоянно изменяющегося и обновляющегося объекта исследования, перечислены основные рабочие задачи.

Актуальность. В современном коммуникативном пространстве можно наблюдать две ведущие тенденции — стремительное увеличение объемов информации и возрастание значимости новых технологий как средства коммуникации, т.е. обмена этой информацией. Надо признать, что указанные процессы проявляют себя довольно долгое время: уже в 2002 г. исследователи констатировали, что «темпы погружения в информационное пространство столь велики, что общество не успевает управлять этим процессом» [1, с. 18]. Как следствие роста объемов информации возникает необходимость сделать коммуникацию эффективной — обеспечить успешность взаимопонимания, устранить семантические и когнитивные лакуны, в том числе и в ситуации межкультурного общения, а также аналитически обработать, обобщить и упорядочить информационный поток. Результатом того,

что для обмена информацией сегодня используются преимущественно компьютерные технологии, становится модификация привычных форматов коммуникации, их адаптивное преобразование с расширением сферы своего существования за счет интернета или появление новых форм дискурсивных практик, реализация которых возможна исключительно в Сети.

Одним из феноменов, отвечающих за эффективность коммуникации, является комментарий. Современные толковые словари русского языка выделяют два значения этой лексемы, соответствующие двум основным видам комментария. Согласно порядку следования в словарных статьях, объяснительный комментарий к тексту условно можно привести к значению «толкование», публицистический комментарий — к значению «рассуждение». Что касается обеспечения эффективности коммуникации, то комментарий-толкование, под которым понимается вспомогательный текст, содержащий семантические и лингвокультурологические сведения, в большей мере удовлетворяет потребности успешного *восприятия* информации, тогда как комментарий-рассуждение, передающий компетентное мнение как реакцию на какое-либо событие, используется в качестве средства *переработки* информации.

Объект. И комментарий-толкование, и комментарий-рассуждение получили дополнительные способы реализации в Сети, продолжая успешно существовать в «родной стихии» — бумажных версиях литературных произведений и печатной прессе соответственно. Принципиально новой формой коммуникации, возникшей и функционирующей в интернете, стал *коммент* — специальный компонент в структуре сообщения на информационных ресурсах, развлекательных сайтах, в блогах и т.п., где каждый желающий может вступить в дискуссию с автором текста и/или другими комментаторами. Обращение к калькированному термину *коммент* (англ. comment) обусловлено необходимостью различения этого вида комментария и других форм комментирования, практикующихся в Сети. Общим названием для всех видов сетевого комментария может быть, например, *интернет-комментарий*. На сегодняшний день лексема *коммент* не рассматривается толковыми словарями русского языка, однако входит в состав словарей сленга (СМС) и компьютерного жаргона (СКЖ), а также приводится в качестве синонима к слову *комментарий* в словаре В.Н. Тришина (БСТ).

Научная проблема. Авторы — не только лингвисты [6; 8], но и психологи [2], социологи [7] — большинства работ, в которых упоминается эта форма компьютерно-опосредованного общения, рассматривают *коммент* не как самостоятельную единицу, а в качестве свойства, жанрового признака интернет-коммуникации и без учета связи и возможной преемственности *коммента* и объяснительного комментария к тексту и публицистического комментария. Кандидат филологических наук У Баоянь, посвящая несколько параграфов своей диссертации комментариям в интернет-дневниках, проводит подробный анализ с позиций лингвопрагматики, однако ограничивает область

исследования блогосферой [10]. Присваивает интернет-комментария статус речевого жанра и анализирует его в аспекте эпистемической модальности С.М. Карпоян [3]. Между тем непрерывное развитие сферы интернет-коммуникаций предопределяет постоянное обновление *коммента* как явления.

Цель. Учитывая состояние интернет-комментария на сегодняшний день, можно говорить как о необходимости создания общей типологии интернет-комментария, объединяющей все его разновидности и демонстрирующей связь между ними, так и о возможности комплексного описания *коммента* с позиций коммуникативной и когнитивной лингвистики в соответствии с новейшими данными.

Общая гипотеза. В Сети сформировалась и успешно практикуется особая форма дискурсивной практики комментирования — *коммент*, отличающаяся от всех уже известных видов комментария, но предположительно имеющая с ними связь, на которую указывает отраженное в номинации свойство производности и дополнительности всякого комментария как вторичного типа текста.

Частная гипотеза 1. В Сети функционируют генетически родственные *комменту* виды комментирования, которые, расширив сферу своего существования за счет Интернета, получили дополнительные возможности и испытали модификации как в отношении жанрообразующих факторов, так и со стороны формы реализации. Так, публицистический комментарий не только сохранил с переходом в Сеть прежние формы воплощения в жанрах авторской колонки и эссе, но и стал существовать в виде блога [9], многократно расширил свою аудиторию и на сегодняшний день имеет в распоряжении широкий набор медиасредств для достижения своих целей.

Наиболее традиционную и формализованную практику комментирования — комментарий-толкование — также затронула популяризация сетевых технологий. Так, А.И. Рейтблатом была высказана — отчасти не всерьез — мысль о том, что в скором времени, после того, как все русскоязычные тексты будут оцифрованы, деятельность комментаторов окажется невостребованной: все необходимые данные читатели сами будут находить в Сети [4; 5]. Несмотря на возражения о том, что интернет способен сэкономить время и память, но не предоставить интеллектуальный ресурс [4], идея о замене комментатора читателем, использующим интернет, представляется вполне осуществимой — по крайней мере в тех случаях, когда в Сети осуществляются и чтение (слушание), и комментирование. Можно надеяться, что благодаря гипертекстовым технологиям и усовершенствованным поисковым системам каждый читатель, руководствуясь собственной «картой белых пятен», сможет выполнять функции комментатора, а это, в свою очередь, будет способствовать повышению эффективности коммуникации.

Частная гипотеза 2. В ситуации семантического и жанрового расщепления объяснительного комментария к тексту и публицистического комментария словарные значения лексемы *комментарий* совпадают с двумя видами

комментария, функционирующими в определенной профессиональной сфере, — комментарием-толкованием в текстологии, издательском деле, переводоведении и комментарием-рассуждением в аналитической журналистике. При этом ряд словарей в пределах второго значения называют также «рассуждения, замечания о чем-л.» и приводят примеры, указывающие на неограниченную сферу функционирования такого комментария, его общеупотребительность: *Пересудам, слухам и комментариям не было конца* (МАС), *Прошу вас, без комментариев* (ТСУ), *Без комментариев, пожалуйста!* (ТСК). Подтверждением этого предположения могут служить и фрагменты русскоязычных текстов художественных произведений: *Ребенок, прихватив водяной пистолет, оставил переезд на дачу без комментариев* (К. Сурикова. Чеченец; НКРЯ); *Артем недоуменно уставился на него и хотел уже было отпустить саркастический комментарий насчет расшатанных нервов...* (Д. Глуховский. Метро 2033; НКРЯ); *Мы с Женей одновременно скорчили рожи, но комментировать услышанное остереглись* (А. Гладилин. Большой беговой день; НКРЯ). По всей видимости, это значение, приближенное к публицистическому комментарию-«рассуждению эксперта», но не ставящее обязательным условием официальность и компетентность выражаемого мнения, лежит в основе исследуемого явления *коммента* (ср.: *письменная разговорная речь* интернет-коммуникации).

В связи с этим интересным представляется сопоставление реализаций комментария-«рассуждения обывателя» в условиях живого общения и компьютерно-опосредованной коммуникации. Различия ситуаций комментирования в Сети и в оффлайне предположительно

будут наблюдаться по основным параметрам: объект, участники комментирования, тип осуществляемых ими речевых действий, лексико-грамматические средства и прагматическая организация высказывания и т.д.

Задачи. Помимо прочего, описание *коммента* с позиций коммуникативной и когнитивной лингвистики может включать: построение когнитивных моделей комментирования, прагматическое описание ситуаций комментирования и характеристику ее составляющих, анализ продуктивности *коммента* как формы интернет-коммуникации, определение перспектив его развития и т.д.

Выводы. Описание феномена *коммента* как особой формы сетевых дискурсивных практик позволит установить его связь с предположительными оффлайновыми прототипами, сделать выводы о причинах его появления, спрогнозировать тенденции развития, определить его место в ряду смежных форм интернет-коммуникации. Результаты изучения языковых средств и коммуникативных приемов, используемых в ситуации комментирования, могут быть использованы как филологами и специалистами в области смежных дисциплин, так и разработчиками программного обеспечения. Лингвистический анализ даст представление о состоянии русского языка в особой функционально-коммуникативной сфере, в частности, о специфике функционирования *письменной разговорной речи*. Информация о целях и намерениях участников ситуации комментирования и избираемых ими тактиках может быть использована как в языкознании, так и в социологии, психологии, педагогике, философии. На эти данные также могут ориентироваться программисты и веб-дизайнеры при создании программного обеспечения, предназначенного для осуществления комментирования.

Литература:

1. Дикарева С.С. Межъязыковая коммуникация в сети Интернет / С.С. Дикарева // Культура народов Причерноморья. — 2002. — № 34. — С. 18–24
2. Зайцева Ю. Роль ведения интернет-дневника в становлении индивидуальности [Электронный ресурс] / Ю. Зайцева // Материалы сборника «Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet» / под ред. В.Л. Волохонского, Ю.Е. Зайцевой, М.М. Соколова. — СПб.: СПбГУ, 2007. — Режим доступа: <http://volokhonsky.ru/internet/zaytseva.pdf> (дата обращения: 19.12.2012)
3. Карпоян С.М. Эпистемические речевые акты в интернет-комментарии [Электронный ресурс] // Вестник МГОУ. Серия «Лингвистика». — 2011. — № 5. Режим доступа: http://www.vestnik-mgou.ru/mag/2011/ling/5/ling_5_2011.pdf (дата обращения: 19.12.2012).
4. Мильчина В. Комментарий умер? Да здравствует комментарий! (отчет об XI Лотмановских чтениях) [Электронный ресурс] / В. Мильчина // НЛО (независимый филологический журнал) — 2004. — № 66. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/mil10.html> (дата обращения: 19.12.2012).
5. Рейтблат А.И. Комментарий в эпоху Интернета (Методологические аспекты). [Электронный ресурс] / А.И. Рейтблат // НЛО (независимый филологический журнал) — 2004. — № 66. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/66/ge8.html> (дата обращения: 19.12.2012).
6. Рогачева Н.Б. Структура и функционирование вторичных речевых жанров интернет-коммуникации (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.Б. Рогачева. — Саратов, 2011.
7. Сафонова Т. Порядок интеракции в сетевых дневниках: альтернативная экономика сообщений [Электронный ресурс] / Т. Сафонова // Материалы сборника «Личность и межличностное взаимодействие в сети Internet» / под ред. В.Л. Волохонского, Ю.Е. Зайцевой, М.М. Соколова. — СПб.: СПбГУ, 2007. — Режим доступа: <http://volokhonsky.ru/internet/safonova.pdf> (дата обращения: 19.12.2012).

8. Сидорова М.Ю. Интернет-лингвистика: русский язык. Межличностное общение / М.Ю. Сидорова. — М.: «1989.ру», 2006. — 193 с.
9. Соколова А.А. Комментарий в периодической печати и сетевой журналистике Италии и Испании: автореф. дис. ... канд. филол. наук [Электронный ресурс] / А.А. Соколова. — М., 2011. — Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/927> (дата обращения: 18.12.2012).
10. У Баоянь. Коммуникативные стратегии и тактики и языковые средства их реализации в русскоязычной неформальной межличностной дискурсии: на материале Интернет-дневников: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Баоянь У. — М., 2008.

Источники фактического материала и их сокращения:

1. БСТ: В.Н. Тришин. Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS, версия 8.2 от 17.12.2012.
2. МАС: Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981—1984.
3. НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 19.12.2012).
4. ТСК: Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2000. — 1536 с.
5. ТСУ: Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Государственный институт «Советская энциклопедия»; ОГИЗ (т. 1); Государственное издательство иностранных и национальных словарей (т. 2—4), 1935—1940.
6. СКЖ: Словарь компьютерных терминов и жаргона // URL: <http://kkg.by/slovar-kompyuternyx-terminov>
7. СМС: Словарь молодежного сленга // URL: <http://teenslang.su/>

Креолизованный текст как особый вид паралингвистически активного текста

Удод Дмитрий Александрович, магистр
Северо-Кавказский федеральный университет (г. Ставрополь)

Изменение в стандартных и проблемных областях любой из ныне существующих наук всегда представляется закономерным. По словам Т. Куна, научные революции рассматриваются «как такие некумулятивные эпизоды развития науки, во время которых старая парадигма замещается целиком или частично новой парадигмой, несовместимой со старой» [11, с. 232]. Первоосновой перехода к новой научной парадигме в лингвистике послужила не только ее кооперация со смежными науками, но и вовлечение в сферу исследований лингвистики все более широкого круга явлений, связанных с передачей информации в современном мире. Вследствие этого, первоочередной задачей современного языкознания (в настоящее время все более актуальной в связи с развитием компьютерной графики) становится всестороннее изучение языка во всем многообразии его связей с кодами других семиотических систем, в том числе с невербальным кодом. Как отмечает А.А. Бернацкая: «Этот виток науки был предопределен и неизбежен. Он связан с обращением лингвистики к проблеме коммуникации в полном объеме, что предполагает синтез языковых средств общения с неязыковыми, исследование их организации в едином процессе и тексте как его результате» [5, с. 104].

Очевидным в настоящее время кажется тот факт, что лингвистика как наука на протяжении долгого периода времени старательно избегала включать в свою компетенцию едва ли не все невербальные средства, которые сопровождают как устную речь, так и письменный текст. Как упоминалось выше, в результате перехода к новой научной парадигме в последние десятилетия XX века ситуация в корне изменилась. Ярким доказательством подобного утверждения становится появление и четкое оформление среди многочисленных лингвистических дисциплин такого направления исследований как паралингвистика — раздела языкознания, изучающего неязыковые средства, включенные в речевое сообщение: фонационные (степень громкости, распределение пауз и т.п.), кинетические (особенности мимики и жестикуляции в процессе общения) и графические [6, с. 489].

С развитием паралингвистики расширяется и понимание самого термина «текст». Языковеды уже не акцентируют внимание на трактовке данного явления как «упорядоченного множества предложений, объединенных различными типами лексической, логической и грамматической связи, способного передавать определенным образом организованную и направленную мысль» [12, с.

11]. Теперь основные трактовки термина «текст» подчеркивают знаковый, а, следовательно, коммуникативный его характер, и, зачастую, не содержат указание на сугубо лингвистическую природу текста. Так, Р. Барт, говоря о тексте, подчеркивает, что текст есть ткань, «текст создается, вырабатывается путем нескончаемого плетения множества нитей» [3, с. 515]. М.М. Бахтин понимает текст как «сотворчество, способ коммуникации двух сознаний: коммуникатора и реципиента в широком понимании этих терминов» [4, с. 123]. Б.А. Зильберт видит в тексте явление социально-речевого уровня, продукт деятельности коммуникатора и объекта деятельности адресата [7, с. 54]. Таким образом, с точки зрения прагматики, находившийся в некоторой степени под влиянием развивающейся паралингвистики, текст является результатом сотворчества автора и реципиента, где первый опредмечивает, а второй — распрепредмечивает смысл, содержащийся в текстовом пространстве.

Следует отметить, что столь широкий семиотический подход к тексту прибавляет неоднозначности в проблему делимитации текста, то есть установления границ текстовой протяженности и отделения текста от «нетекста». Однако уточнение функций паралингвистических средств в лингвистике текста отчасти способствует решению данной проблемы, именно поэтому целесообразным представляется рассмотреть собственно паралингвистические средства и их функционирование в тексте.

Стремительный рост визуальной информации в современной коммуникации вызвал закономерный интерес языковедов к паралингвистическим, то есть невербальным, средствам, сопровождающим письменную речь, в частности к графическому оформлению текста. Вопрос о паралингвистических средствах в текстах рассматривается в лингвистике с 20-х годов XX века. Паралингвистические средства письменной коммуникации традиционно изучались в аспекте художественного оформления книги, где их рассмотрение было связано с конструированием книги, обеспечением необходимых технических и эстетических характеристик издания. Однако систематическое изучение паралингвистических средств письменной коммуникации в лингвистике начинается лишь в 70-е годы, когда появляются первые стилистические исследования, посвященные выразительным возможностям этих средств, их роли в создании целостности стилистической характеристики речевого произведения, в реализации автором его художественного замысла. В настоящее время паралингвистические средства, их содержательные и прагматические потенции интенсивно исследуются в русле параграфематики как особом разделе лингвистики о письменном языке [1, с. 5].

Вопрос об определении невербальных, или параграфемных средств, остается актуальным и в настоящее время. И.Э. Клюканов определяет подобные средства как существующие около графемной системы языка и нарушающие «прозрачность» графической субстанции языкового выражения [9, с. 139]. Следовательно, можно

утверждать тот факт, что параграфемные средства сопровождают вербальную речь и служат выражению вариативных коннотаций. Круг средств, которые могут быть отнесены к параграфемным, остается вместе с тем достаточно неопределенным.

А.Г. Баранов, Л.Б. Паршин предлагают различать три группы параграфемных средств в зависимости от механизмов их создания:

- синграфемные средства (художественно-стилистическое варьирование пунктуационных знаков);
- супраграфемные средства (шрифтовое варьирование);
- топографемные средства (плоскостное варьирование) [1, с. 5].

В понимании И.В. Ванушиной, к параграфемным средствам может быть отнесен самый широкий круг графических средств в их некодифицированном, то есть не предусмотренном правилами орфографии, употреблении, например использовании кавычек, дефиса, вставки, зачеркивания и др. в особых коммуникативных целях — для достижения оригинальности, образности и т.д. [2, с. 77]. Одновременно получает распространение широкое толкование параграфемных средств как самых разнообразных невербальных средств письменной речи, участвующих в передаче информации. К ним относятся графическая сегментация текста, длина строки, пробелы, шрифт, цвет, курсив, подчеркивающие и отчеркивающие линейки, типографические знаки, графические символы, цифры, необычная орфография и расстановка пунктуационных знаков. Данные паралингвистические средства имеют языковую основу и относятся непосредственно к вербальным средствам, при этом они выступают в качестве вспомогательных по отношению к вербальным средствам и вносят дополнительные семантические и экспрессивные оттенки в его содержание. Однако такие паралингвистические средства иконического языка как рисунок, фотография, карикатура, таблица, схема, чертеж и др. обладают неязыковой основой и взаимодействуют с вербальными средствами текста лишь опосредованно. Они выступают в качестве самостоятельного носителя информации и являются самодостаточными для раскрытия содержания текста. Некоторая часть паралингвистических средств не имеет прямого отношения к содержанию текста, но создает оптимальные условия для его восприятия (например, формат листа, оттенок и качество бумаги, расположение текста на листе и т.д.). Набор паралингвистических средств не является строго регламентированным и варьируется в зависимости от характера конкретного текста.

Следует отметить, что роль паралингвистических средств в тексте не является однозначной. В одних случаях участие паралингвистических средств в организации текста охватывает только план его выражения, его внешнее оформление и не затрагивает или не является существенным для плана его содержания. В других текстах данные средства приобретают особую значимость, так как

участвуют в формировании как плана их выражения, так и плана их содержания. Тексты, в которых использование паралингвистических средств становится важным типобразующим признаком, могут называться паралингвистически активными текстами. Являясь носителем определенной информации, невербальные средства привлекают внимание адресата, а полное извлечение информации из текста становится невозможным без их декодирования и интерпретации [1, с. 8].

Особую группу паралингвистически активных текстов составляют креолизованные тексты. «Креолизованные тексты — это тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [10, с. 180]. Е.Е. Анисимова определяет подобные тексты как «особый лингво-визуальный феномен, текст, в котором вербальный и невербальный компоненты образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функционирующее целое, обеспечивающее его комплексное прагматическое воздействие на адресата» [1, с. 71]. При этом для текстов, в кодировании которых использована комбинация естественного языка с элементами других, невербальных семиотических систем, данные терминологические обозначения не являются единичными и общепринятыми. Их также называют семиотически осложненными, лингво-визуальными, видеовербальными, кодово-негомогенными, изовербальными, поликодовыми. Однако, несмотря на различия во взглядах на проблему определения креолизованного текста, все ученые сходятся в одном: доминанту поля паралингвистиче-

ских средств креолизованных текстов образуют иконические (изобразительные) средства, интегрированные в вербальное сообщение в содержательном, содержательно-композиционном и содержательно-языковом аспектах. Функционируя в едином семантическом пространстве, взаимодействуя друг с другом, вербальный и иконический компоненты сообщения обеспечивают целостность и связность креолизованного текста, его коммуникативный эффект. Таким образом, в процессе восприятия реципиентом креолизованного текста происходит двойное декодирование заложенной в нем информации, в результате чего создается единый общий концепт (смысл) креолизованного текста.

Мир креолизованных текстов чрезвычайно многообразен. Он охватывает тексты газетно-публицистические, научно-технические, тексты-инструкции, иллюстрированные художественные тексты, тексты рекламы, афиши, комиксы, плакаты, листовки и др. Роль креолизованных текстов стремительно возрастает по мере «эскалации изображения», знаменующей собой качественно новый процесс развития речевой коммуникации, отвечающий потребностям современного общества [8, с. 17].

Коммуникативно-прагматические нормы паралингвистически активных текстов обуславливают повышенные требования к коммуникативной компетенции участников общения: синтетическое восприятие текста, умение кодировать/декодировать информацию, передаваемую вербальными и невербальными знаками, наличие эстетического вкуса. Соблюдение этих норм ведет к успешному осуществлению коммуникации.

Литература:

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. — М.: Издательский центр «Академия», 2003. — 128 с.
2. Анисимова Е.Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов) // Вопросы языкознания. — 1992. — № 1. — С. 71–79.
3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. Перевод с фр. яз., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г.К. Косикова. — М.: Прогресс, 1989. — 616 с.
4. Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М.: Художественная литература, 1986. — 543 с.
5. Бернацкая А.А. К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: Специализированный вестник / Ред. А.П. Сковородников. / — Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2000. — Вып. 3 (11) — с. 104–110.
6. Большая советская энциклопедия. Гл. ред. А.М. Прохоров, 3-е изд. Т. 19. Отоми — Пластырь. М., «Сов. энциклопедия», 1975. — 648 с.
7. Зильберт Б.А. Социопсихоллингвистическое исследование текстов радио, телевидения, газеты. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1986. — 211 с.
8. Каменская О.Л. Лингвистика на пороге XXI века // Лингвистические маргиналии. Сборник научных трудов МГЛУ. Вып. 432. М., 1996 — с. 13–21.
9. Ключанов И.Э. Русский язык и языковая личность / И.Э. Ключанов. — М., 1987. — 261 с.
10. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция / Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов // Оптимизация речевого воздействия. — М.: Наука, 1990. — 240 с.
11. Томас Кун. Структура научных революций. Перевод с англ. яз. И.З. Налётова. М.: Прогресс, 1977. — 300 с.
12. Тураева З.Я. Лингвистика текста. М., 1986. — 127 с.

Особенности употребления слова «Учеба» и его эквивалентов в английском языке

Шалагина Марина Андреевна, аспирант

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова (г. Йошкар-Ола)

Учеба — важная часть нашей жизни. Она начинается, когда человек делает первый вздох (учится дышать) и сопровождает человека на протяжении всей его жизни. Учеба всегда играла важную роль в жизни человека. Однако в настоящее время, в период всеобщей конкурентности, роль учебы как никогда велика. Чем больше человек образован, чем больше у него знаний и умений, тем проще ему устроить свою жизнь. Следовательно, изучение и систематизация семантического поля «учёба» имеет в настоящее время особую актуальность.

Время появления слова «учить» в русском языке неизвестно. Однако, согласно данным этимологического словаря Фасмера, современная форма слова «учить» образовалась в результате изменения и развития древнерусских слов «учити и укъ» со значением «учение» [4, с. 179]. Следовательно, слово «учить» — славянского происхождения.

Т.Ф. Ефремова, автор современного толкового словаря русского языка, выделяет следующие значения слова «учить»:

1) — Сообщать кому-либо какие-либо знания, передавать какие-либо умения, навыки: Николай Львович оставил профессорство и уехал в глухой северный уезд *учить* крестьянских детей математике.

— Заставлять усваивать что-либо, оказывать влияние на кого-либо в нужном направлении, наставлять: «Мы рады видеть отмену санкций, которые мешают нам взаимодействовать с пациентами и *учить* их следить за своим здоровьем», — говорит Дебора Дик-Рат, исполнительный вице-президент по рекламе в Novartis.

2) Быть профессиональным учителем или учительницей: *Учить* в средней школе.

3) Высказывать определенное мнение, развивать ту или иную мысль, доказывать определенное положение: Ленин *учит*, что настоящими руководителями — большевиками могут быть только такие руководители, которые умеют не только учить рабочих и крестьян, но и учиться у них.

4) Усваивать, стараться воспринять и запомнить: Им становится труднее *учить* другие языки, это расширило бы их возможности. Одноязычие отрезает их от иноязычной культуры.

5) Дрессировать, бить, сечь, наказывая (разговорный язык): *Учить* кулаками [1, с. 884].

В результате поиска соответствий русскому слову «учить» в словаре «Мультитран» были получены следующие результаты: русское слово «учить» может переводиться на английский язык словами — *instruct, drill, train, learn, teach, phi-bete, tutorize, lesson, prep, study, phi bête, profess*. Все представленные примеры относятся к употребительной, неспециализированной лексике. Также

в словаре предложены следующие соответствия слову «учить»: *direct; show (бизн.), school (психол.), teaching (рел), cop и conn (разг.)* [2].

Рассмотрим этимологию наиболее часто употребляемых в английском языке эквивалентов слову «учить» — слова «study», «learn» и «teach».

Глагол «study» впервые был зарегистрирован в английском языке в начале 12 века. Этот глагол пришел в английский язык из старофранцузского языка, образовался от глагола «*estudier*» («учить») [5]. Следовательно, слово «study» — романского происхождения.

Согласно данным Оксфордских словарей английского языка, глагол имеет следующие значения:

1. Посвящать время и внимание получению знаний (академический предмет), в особенности при помощи книг (*I studied classics at college* (В колледже я изучал классическую литературу.)):

— Детально исследовать и анализировать предмет или ситуацию: *He has been studying wolves for many years* (В течении многих лет он изучал волков.).

— Приобретать академические знания в образовательном учреждении: *He studied at the Kensington School of Art* (Он учился в Кенсингтонской школе искусств.).

2. Внимательно изучать, просматривать с целью наблюдения или чтения: *She bent her head to study the plans* (Она наклонила голову для того, чтобы ознакомиться с планами (изучить планы).).

3. Сделать усилие для достижения результата или для того, чтобы взять в расчет человека или его желания (архаич.): *With no husband to study, housekeeping is mere play* (Если нет мужа, которого необходимо учить, ведение домашнего хозяйства — простая игра.) [6].

Современная форма глагола «learn» образовалась из староанглийского слова «*leornian*» («получать знания, развиваться, изучать, читать, думать о») в результате исторического развития английского языка. Однако, слово «*leornian*» пришло в староанглийский язык из прагерманского языка; оно образовалось от слова «*lizjojan*», основным значением которого было «следовать или находить дорогу» [5]. Учитывая вышеизложенные факты происхождения слова «learn», можно сделать вывод о том, что слово «learn» — слово германского происхождения.

Согласно данным Оксфордских словарей, в современном английском языке глагол «learn» имеет следующие значения:

1. Приобретать знания или умения в чем-то через учебу, опыт или обучение кем-то: *They began learning French* (Они начали изучать французский язык.).

2. Заучивать, запоминать: I'd *learned* too many grim poems in school (В школе я выучил слишком много унылых стихов.).

3. Стать осведомленным о чем-то через получение информации или наблюдение: I *learned* that they had eaten already (Я узнал, что они уже ели.).

4. Обучать (архаич. или неформ.): «That'll *learn* you,» he chuckled («Это вас научит». — фыркнул он.). We'll have to *learn* you to milk cows (Нам нужно научить вас доить коров.) [6].

Согласно данным этимологического словаря английского языка, современное слово «teach» образовалось от древнеанглийской формы «tæcan», которое в момент употребления имело значение «показывать, указывать», «давать инструктаж». Слово «tæcan», в свою очередь, пришло в древнеанглийский язык из прагерманского языка (слово «tæcan» образовалось от «taikijanan»). Следовательно, слово «teach» — германского происхождения. Следует отметить, что в древнеанглийском языке слово «tæcan» чаще имело значение «показывать, объявлять, предупреждать, убеждать», в то время как для передачи значения «учить, инструктировать, направлять» чаще использовалось слово «læran», от которого произошли современные глаголы «learn» и «lore» [5].

Согласно данным Оксфордских словарей, в современном английском языке глагол «teach» имеет следующие значения:

1. Передавать знания кому-то или учить, обучать кого-то что-то делать, передавать информацию о чем-либо, ком-либо или давать инструктаж, знания о предмете, умении: She *teaches* him to read (Она учит его читать.). He *teaches* me how to ride a bike (Он учит меня кататься на велосипеде.).

Сокращения:

архаич. — архаичный	бизн. — бизнес
неформ. — неформальный	психол. — психология
разг. — разговорный	рел. — религия

Литература:

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толковый словообразовательный словарь. — М.: Русский язык., 2000. Т2: П-Я. — 1088 с.
2. Словарь Мультитран. URL: <http://www.multitrans.ru/c/M.exe?CL=1&s=%F3%F7%E8%F2%FC&l1=1> (дата обращения 04.12.2012)
3. Национальный корпус русского языка. URL: http://search.ruscorpora.ru/search.xmlenv=alpha&mycorp=&myent=&mysize=&mysentsize=&dpp=&spp=&spd=&text=lexform&mode=main&sort=gr_tagging&lang=ru&nodia=1&req=%F3%F7%E8%F2%FC (дата обращения 15.12.2012)
4. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.4 (Т-Яшур): пер. с немецкого и доп. О.Н.Трубачева. — М.: Прогресс, 1987. — 864 с.
5. Online Etymology Dictionary. URL: <http://www.etymonline.com/index.php?> (дата обращения 12.12.2012)
6. Oxford dictionaries. URL: <http://oxforddictionaries.com/definition/english/> (дата обращения 09.12.2012)

2. Быть причиной, заставлять кого-то изучать или понимать что-то на основе примера или опыта: My upbringing *taught* me never to be disrespectful to elders (Меня учили всегда уважительно относиться к старшим.).

3. Поддерживать, поощрять кого-то принимать что-то как факт или принцип: The philosophy *teaches* self-control (Философия учит самоконтролю.).

4. Сделать кого-то менее расположенным что-то делать (неформ.): «I'll *teach* you to forget my tea,» he said, and gave me six with his cane («Я заставлю тебя забыть мой чай». — сказал он и дал мне шесть чашек с сахаром.).

5. Обращение к учителю (неформ.): She came to say 'Hi!' to her old *teach* (Она пришла поздороваться со своим старым учителем.) [6].

В результате сопоставительного анализа значений слов «study», «learn» и «teach» были сделаны следующие выводы:

— Несмотря на то, что все три слова относятся к одному семантическому полю (учеба), наблюдаются существенные различия в семантике этих слов. Так, слова «study» и «learn» обозначают «получение знаний», а слово «teach» — передачу знаний.

— Семантика слов «study» и «learn» похожа — оба слова имеют значение «получение, приобретение знаний», но она не одинакова. Помимо «общего» значения «получать знания», слова «study» и «learn» имеют несколько дополнительных значений, каждое из которых также, в целом, обозначает «получение знаний», но несет и дополнительную смысловую нагрузку в виде уточнений — особенностей получения знаний (место, способ, качество получения знаний и т.д.). Кроме того, каждое из слов имеет устаревшие или разговорные значения, семантика которых не пересекается.

6. МАССОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ, ЖУРНАЛИСТИКА, СМИ

Значение практических факторов во внедрение национального самосознания и идеологии национальной независимости

Абдурахмонова Шахло Эшкобиловна, аспирант
Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека (г. Ташкент)

В статье освещены факторы, способствующие внедрению национального самосознания и идеологии национальной независимости, раскрыто значение исторических сериалов, средств массовой информации, обучения и воспитания, издательской продукции в данном процессе.

Ключевые слова: национальное самосознание, идеология национальной независимости, духовное наследие, исторический сериал, средства массовой информации, национальное своеобразие, духовные ценности.

Исторический опыт показывает, что в период перехода общества из одной формации в другую у человека может возникнуть в определённом смысле идеологическая пустота. Исходя из этого, в целях недопущения идеологического вакуума в сознании молодёжи в нашей стране разработана концепция национальной независимости. Важное место в воспитании гармонично развитого молодого поколения занимает направленность молодёжи на бережное уважительное отношение к богатому духовному наследию предков, к национальным ценностям нашего народа. Поэтому главным постулатом идеологии национальной независимости является построение «свободного и процветающего государства, свободной и обеспеченной жизни» [1, 50].

В современных условиях глобализации общества идея и идеология национальной независимости могут быть внедрены в сознание людей не только через систему образования и не за счёт пространных докладов и лекций, а главным образом, — через систему практических действий. Президент Узбекистана Ислам Каримов подчёркивал, что в современном мире есть вещи, направленные против духовности человека. Казалось бы, совершенно незначительное сообщение может взбудоражить весь информационный мир, на первый взгляд, незаметная, но откровенно вредная мысль может нанести огромный вред.

«Все мы хорошо знаем, что для сохранения в неприкосновенности государственных границ необходимы, как вода и воздух, военная мощь и вооружённые силы. Но наш народ стремится к тому, чтобы, прежде всего, воспитывать молодое поколение в атмосфере духовной безопасности и думать о том, на какие ценности мы должны опираться. Это наш общий долг» [2, 56].

В данном контексте одним из факторов воздействия на сознание молодёжи, о которых упоминалось выше, являются сериалы на исторические темы. В последние годы на

экранах телевизоров часто демонстрируются сериалы корейских, китайских мастеров кино, посвящённые историческим личностям и событиям, например, созданный китайскими кинематографистами исторический сериал «Чингизхан». Здесь следует заметить, что речь идёт не столько о кино и уровне мастерства, сколько о национальном самосознании и степени внедрения идеологии национальной независимости в массовое сознание. Если говорить о великих исторических личностях и исторических событиях, то нужно отметить, что наши знаменитые предки входят в число великих людей, которые стояли у колыбели духовного мира.

Наши кинематографисты изучили множество историко-архивных материалов и создали новую версию сериала об Амине Темуре и Бибиханум, который заслужил положительных отзывов телезрителей. Или фильм о великом учёном-энциклопедисте Ибн Сино, внесшего неоценимый вклад в развитие мировой медицины, сериал о борце за национальную независимость и освобождение от монгольского ига Жалолиддине Мангуберди. Такие сериалы, несомненно, помогают зрителям оценить роль великих соотечественников.

Для того чтобы исторический сериал получился достоверным и хорошо воспринимался, нужны определённые условия для его создания. В их числе:

- экономическая база для исторического сериала;
- соответствие темы сериала духу времени; полнота, завершённость сценария;
- уровень сценария;
- отбор выразительных средств;
- отбор изобразительных средств, художественная сила и ценность;
- актёрское мастерство, отход от наигранности, чувство ответственности;
- техника исполнения;

- совершенство трактовки образов;
- соотнесённость речи и изображения;
- рациональное использование кино и тележанров;

Преемственность в вопросах исторического прошлого — сегодняшних реалий — будущего.

Всем нам хорошо известно, какое сильное и быстрое воздействие оказывает кино как вид эстетического искусства на сознание и духовный мир человека. Президент Ислам Каримов, размышляя о роли сегодняшнего телевидения и кино, отметил: «Не принижая значения других видов искусства, следует признать, что сила влияния телевидения и кино в наши дни безгранична» [3, 48].

Особо хотелось бы подчеркнуть влияние телевидения и кино как коммуникативного средства. Как правило, мы оцениваем исторический сериал по тому, насколько правдиво актёры смогли донести до зрителей дух эпохи, как сумели передать чувства людей того времени и при этом выразили их по-своему, а не способом

искусственного подражания. Актёрское мастерство состоит в том, чтобы «вжиться» в образ. Мы не случайно здесь не останавливались на проблемах финансирования исторических сериалов. Следует сказать, что, по нашему мнению, следовало бы в современном узбекском киноискусстве основное внимание уделять не производству коммерческих неглубоких фильмов, а вместо этого создавать пусть один, но серьёзный исторический сериал, который мог бы выйти на мировой телеэкран и содействовать внедрению в массовое сознание идеологии национальной независимости и формировать национальное самосознание. В связи с этим возникает предложение по организации института Национального самосознания и идеологии национальной независимости, который бы осуществлял разработку практических принципов внедрения национальной идеологии. Схематически система практических факторов может быть представлена в следующем виде:

Учебно-воспитательные практические факторы

Во-первых, духовно-нравственное воспитание молодёжи на национальных ценностях;

Во-вторых, формирование у молодёжи высокого отношения к своей профессии;

В-третьих, развитие физического и научного потенциала на уровне современных требований;

В-четвёртых, пробуждение у молодёжи интереса и усердия к труду, учёбе, чувств преданности Родине, народу посредством внедрения в их сознание национальной идеи независимости и идеологии;

В-пятых, формирование во взаимосвязи мировых и религиозных знаний;

В-шестых, реализация профессионального и нравственного потенциала;

В-седьмых, формирование чувства любви и гордости своей Родиной, национальной принадлежности;

В-восьмых, создание внутреннего и внешнего рынка образовательных услуг в соответствии с рынком труда, обеспечение активного участия в них молодёжи;

В-девятых, внедрение в сознание молодёжи национальной идеи независимости и идеологии на научной основе.

Последний фактор требует от представителей республики уверенности в себе, владения инновационными знаниями и интерактивными технологиями.

Практические факторы системы средств массовой информации

Роль средств массовой информации во внедрении в сознание граждан республики национальной идеи независимости и идеологии национальной независимости несомненна. Выступая на объединённом заседании палат Олий Мажлиса 28 января 2005 года, Президент Ислам Каримов обозначил пути дальнейшей демократизации и обновления общества, изложил концепцию модернизации и реформирования всех сфер хозяйственного и культурного развития страны. В качестве приоритетного направления было названо развитие средств массовой информации. В частности, было отмечено, что важным условием углубления процесса демократических преобразований и обеспечения свобод граждан является создание демократической модели развития средств массовой информации и её последовательная и чёткая реализация [4, 51].

В данном контексте представляется целесообразным обозначить основные направления деятельности СМИ по

практическому внедрению в сознание идеи национальной независимости и национального самосознания:

подготовка телепередач, освещающих вопросы национального генофонда, природного и национального своеобразия, исторических и социальных преобразований, создание новых телероликов об историческом прошлом, современной жизни и перспективах развития общества, культурном наследии народа;

— подготовка телеочерков и телеэссе, раскрывающих национальные традиции, обычаи, обряды, образ жизни и подчёркивающих национальное своеобразие;

— создание аналитических телепередач, отражающих актуальные проблемы национального языка, национальной культуры и духовности, национального сознания и национальных чувств.

Система средств издания тоже вносит неоценимый вклад в формирование национального самосознания, прежде всего посредством печатания цветных фотопортретов великих предков, выпуска цветных фотоальбомов с изображением всемирно известных памятников архитектуры и достопримечательностей городов и современной жизни республики.

Подобная печатная продукция, сопровождаемая комментариями на двух-трёх иностранных языках, безусловно, привлекает внимание иностранных гостей и вызывает у них большой интерес к нашей республике, а следовательно, расширяются возможности пропаганды идеологии национальной независимости.

С переходом нашей страны на рыночные экономические отношения возникла необходимость преодоления старого мышления у значительной части населения, и этот процесс связан с терпеливой работой по разъяснению преимуществ нового типа общественных и экономических отношений, политикой эволюционных преобразований, бережного отношения к чувствам людей. Национальное

самосознание — это не только осознание, внедрение идеологии национальной независимости не просто внедрение, их нужно рассматривать как взаимосвязанный процесс осознания и внедрения.

Возрождение национальных ценностей следует воспринимать в контексте их гармонизации с современными общечеловеческими ценностями. Возрождение национально-духовных ценностей, их глубокое усвоение, разъяснение на основе идеологических задач становится духовной необходимостью.

Руководитель нашего государства подчёркивает, что развитие национального самосознания осуществляется очень быстро. В целом это положительный процесс, но в то же время на пути развития встречаются и негативные явления. Поэтому первейшая задача состоит в том, чтобы выявить причины, препятствующие росту национального самосознания и наметить пути, положительно влияющие на данный процесс [5, 90].

Важной задачей в решении проблемы развития национального самосознания является противодействие влиянию бывшей советской системы. А для этого требуется глубокое знание и понимание ценностей приобретенной независимости. Особенно важно донести до сознания молодёжи сущность идей независимости, показать, какие изменения произошли в умах людей, которые в своё время пережили состояние полного порабощения и подчинения. Но это только одна сторона вопроса. Не менее важным представляется повышение уровня воспитательных и практических работ с молодёжью, широкое распространение опыта работы с молодёжью развитых стран, формирование у молодого поколения любви к своей профессии, гуманных принципов, чувства ответственности за судьбу Родины и народа, которое способствует прочному осознанию принадлежности себя к своей нации, народу.

Литература:

1. Каримов И.А. Юксак маънавият — энгилмас куч. — Тошкент: Маънавият, 2008. — 276 с.
2. Миллий истиқлол гоёси: асосий тушунча ва тамойиллар. — Тошкент: Ўзбекистон, 2001. — 72 б.
3. Каримов И.А. Бизнинг бош мақсадимиз — жамиятни демократлаштириш ва янгилаш, мамлакатни модернизация ва ислох этишири. — Тошкент: Ўзбекистон, 2005. — 254 б.
4. Каримов И.А. Ўзбекистон мустақилликка эришиш оstonасида. — Тошкент: Ўзбекистон, 2012. — 439 б.

Особенности построения книги очерков А.Г. Боровика «Спрятанная война»

Галина Элина Фанусовна, студент;

Камильянова Юлия Марковна, кандидат филологических наук, доцент
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

В современном мире информационная потребность, как для общества в целом, так и для конкретного индивида играет одну из первостепенных ролей. На сегодня публицистика, как основной механизм удовлетворения данной

потребности, становится все более значимой. Тематически она обращена к актуальным проблемам действительности. При построении публицистического материала авторами широко используются выразительные средства,

эмоционально-оценочный характер. Часто публицистика формирует общественное мнение, имеет обширную жанровую палитру, в которой особое место занимает очерк.

Очерк — самый сложный по своим признакам и свойствам жанр публицистики. Природа его определяется тем, что он функционирует и в публицистике, и в художественной литературе. Очерк следует рассматривать как художественно-публицистический жанр, в котором органически сочетаются элементы публицистики и беллетристики.¹

Для написания хорошего очерка журналисту необходимо найти предмет или явление, будоражащее общественность, собрать материал, проанализировать его и написать грамотный текст. Необходимо переосмыслить информацию, «пропустить через себя» и придать ей очерковую форму. Среди журналистов современности талантом очеркиста обладают немногие. Из всей многочисленной «пишущей братии» стоит отметить выдающегося публициста, телеведущего, военного корреспондента — Артема Боровика. Артем Генрихович долгое время находился на территории Афганистана в период советско-афганского военного конфликта. На основе впечатлений, полученных в ходе этой поездки, была создана книга «Спрятанная война». На примере этой книги мы и попытаемся рассмотреть особенности очерка в публицистике.

«Спрятанная война» представляет собой цикл очерков, основывающихся на реальных событиях. Автор рассказывает о последних днях вывода советских войск с территории Афганистана.

Артем Боровик при создании своего произведения делал основной упор не на последовательное изложение фактического материала, а на анализ непосредственно самого военного конфликта, причин начала полемики между двумя государствами, хода выполнения операций и локализации советских военных и выводах о завершении конфликта. Тем самым, автор использует сложную сюжетную конструкцию, которая включает в себя несколько разновидностей построения сюжета.

М.Н. Ким выделяет такие типы очерковых структур как:

1. Хроникальное построение очерка — описываются явления и события в хроникальной последовательности. Данный тип используется Боровиком при описании событий непосредственно в Афганистане.

2. Очерк-исследование. В построении такого материала упор делается на логическое описание событий, благодаря которому можно увидеть быструю смену территориальной ориентации автора (из Афганистана в Нью-Йорк и Москву)

3. Эссеистская — свободная форма построения, чаще всего включает в себя первые два типа.

Таким образом, автор дает читателю наиболее полный обзор событий, происходящих в разных точках планеты, но связанных между собой сложными политическими и идеологическими нитями, тем самым, давая пищу для рассуждения и сопоставления.

Артем Генрихович не использует глубокий анализ, делая пространные выводы из своих рассуждений. Он дает оценку увиденному через призму взгляда героев своих очерков. В ходе повествования рассказчик называет реальные имена, точные даты и время, названия географических мест. Например: «...в 86-м под Баграмом я почти сутки провел с заместителем командира роты по политчасти Сашей Бородиным. Дело было числа пятнадцатого июня...» [2], «...24 июня, в тот самый час, когда в щелкинской средней школе начались танцы, заместителя командира роты Бородина тяжело ранило, а в 10.30 следующего дня он скончался...» [2]. Это говорит о том, что автором соблюдены основные отличительные особенности очерка как жанра:

1. документальность,
2. достоверность фактов и событий

Типологически «Священную войну» можно разбить на несколько отдельных очерков, имеющих свою структуру. Ряд исследователей делят очерки на художественно-публицистические, путевые, портретные, научно-художественные, проблемные (В.Канторович), или на портретные, событийные, путевые и зарисовки (М.Черепанов). Артем Боровик использует в своем произведении несколько из них.

Портретный очерк. Черты данного вида очерка автор использует при описании внешности изображаемых героев. Очень важно, что помимо внешнего описания, Боровик дает также и характеристику обстановки, в которую помещен герой, его круг общения, хобби. Это наиболее полно раскрывает образ героя.

«...Выйдя отсюда после перевязки, я, помнится, увидел парня на носилках, у которого оторвало обе ноги выше колен. Взгляд его заплаканных глаз прошибал насквозь даже самых бронированных вояк. То был взгляд человека, который знал наперед...» [2], «...Напротив меня в транспортере сидел прапорщик с мраморным лицом и серыми губами. Тело его ритмично подергивалось. Похоже, он слушал никем, кроме него, не слышимую музыку и про себя танцевал. Танец начинался в глазах, захватывал губы и волной шел вниз. Плечи вытанцовывали рок-н-ролл, правый указательный палец с маслянистым колечком — видеть, парню частенько приходилось стрелять из АКМ — выщелкивал быстрый ритм. Во взгляде была отрешенность, словно на рок-концерте в «Олимпийском» [2].

Путевой очерк несет в себе описание событий, происшедших с автором во время его поездки. Артем Генрихович четко выделяет свой маршрут (Кабул-Саланг-Чарикар и т.д.)

«...Я как-то подсчитал, что половину всего времени, проведенного в Афганистане, затратил на дорогу, добираясь из одной точки в другую...Все здесь увиденное и услышанное, понятое и нет, испытанное и прочувствованное, задуманное, но так и не осуществленное, обещанное и невыполненное, мечтавшееся и несбывшееся, все это так или иначе связано Дорогой, которая Бог знает откуда и куда ведет. Сколько бесплатных истин открыли,

подарили или невольно поведали мне люди, встретившиеся на Дороге...» [2].

Боровик часто изображает свое отношение, используя художественные средства, такие как пейзаж, художественную деталь, речевую характеристику, портрет. Посредством этих художественных элементов автор наиболее полно выражает свое видение проблемы, помещая героя в ту или иную среду.

Пейзаж в очерке используется для «погружения» читателя в воссоздаваемую атмосферу: природную, жизненную, социальную, для обрисовки географического местоположения, местности, для контрастного сравнения чувств героя и окружающей его обстановки.

«Декабрь незаметно перешел в январь, и тот потащился медленно, с ленцой, словно длиннющий товарняк на подходе к конечной станции — с коротенькими просветами-днями между долгими, изматывающими терпение, мерзлыми гулками ночами. К исходу первой январской недели потянул северный ветер, ударил мороз, в горах выпало еще на четверть снегу. Но на кабульских улицах он так и не появился, и ветер от нечего делать гонял проржавевшие консервные банки из-под солдатских сухпайков, пыль да песок» [2].

Деталь в очерковом произведении, как и портрет, может присутствовать в тексте для наиболее полной передачи характера героя, его внешнего вида.

«В апреле 87-го и я познакомился со снайпером, у которого тыльная сторона грязного подворотничка была исписана словами из псалма — 90: «Живый в помощи

Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое. Бог мой и уповаю на Него...» [2].

Речевая характеристика также является средством изображения действительности и характера героя:

«На мой недоуменный вопрос он ответил коротко, но ясно: «Теперь будет легче воевать... На войне проще, когда человек несчастен. Меньше теряешь». Мамочка прощально улынулся и пожелал удачи. Но в глазах его я прочел фразу: «Чтоб ты, гад, сох со своей безмятежной московской жизнью!» [2].

Таким образом, можно сделать вывод, что произведение Артема Боровика «Спрятанная война» имеет все основания называться очерковым. Неудивительно, что именно к этому жанру публицистики и обратился автор. В период создания книги в обществе витали волнения, агрессивные настроения и данный военный конфликт послужил неким катализатором для общественности, интерес к этой проблеме стал колоссальным. Попытавшись разобраться в сущности этой войны, Боровик обратился к очерку и обрисовал ситуацию глазами непосредственных участников конфликта, дав читателям пищу для размышлений. У Артема Генриховича появились последователи. Анна Политковская при схожих обстоятельствах создала книгу «Вторая чеченская» о событиях Второй чеченской кампании 1998–1999 годов. Цикл очерков «Спрятанная война» является ценным источником для исследований военного конфликта в Афганистане историками, социологами, психологами и литераторами.

Литература:

1. Ампилов В.А. Современный газетный очерк. — Минск, 1972
2. Артем Боровик «Спрятанная война»// <http://readr.ru/artem-borovik-spryatannaya-voyna.html>
3. Журбина Е.И. Теория и практика художественно-публицистических жанров. — М., 1969.
4. Колосов Г.В. Поэтика очерка: Учеб.-метод. пособие к спецкурсу «Проблемы советского очерка». — М., 1977.
5. kgu-journalist.ucoz.ru.

7. ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Переводческая ошибка. Понятие, причины, классификация

Зиновьева Татьяна Александровна, студент;
Никулина Наталья Юрьевна, студент
Белгородский национальный исследовательский университет

Проблема переводческих ошибок на слуху в кругах филологического и переводческого общества уже на протяжении многих лет. Надо сказать, что ошибки при переводе — будь то деловая документация, художественный перевод или же личная переписка — пренеприятная вещь. Однако, как известно, «*eggae humanum est*». Поэтому не будем перекладывать всю вину на плечи переводчиков, а постараемся разобраться, какого рода ошибки наиболее часты (не забыть про «ложных друзей») и каковы же их причины.

Начнём с определения термина «переводческая ошибка». Ошибка обычно определяется как грубая неточность, отклонение от нормативного, стандартного, правильного, отступление от правил, нарушение требований. Следовательно, для того чтобы понять, что такое переводческая ошибка (ошибка в переводе) необходимо разобраться, что такое правильное в переводе, решение каких задач должен обеспечивать безошибочный перевод. Перевод в самом общем виде определяют как передачу содержания текста на одном языке средствами другого языка. Это определение сфокусировано на одном из основных требований к переводу — передавать содержание оригинала. Нарушение этого требования, бесспорно, воспринимается как ошибка. [3, с. 1]. Не стоит забывать, что существует несколько подходов, поясняющих суть рассматриваемой проблемы. Так, в качестве ошибки может рассматриваться только так называемое «смысловое искажение», т.е. искажение смысла, при котором соответствующее высказывание или отрывок текста будет понят неверно. Прочие недостатки текста воспринимаются лишь как стилистические погрешности, роль которых в смысловой структуре текста имеет весьма небольшое значение [1, с. 32].

Различить природу переводческих ошибок бывает довольно сложно, так как наиболее распространенным способом выявления ошибок остается сравнение текста перевода с текстом оригинала. Но это сравнение не всегда способно показать, отчего возникло несоответствие — от того ли, что переводчик неверно понял смысл какого-либо знака в оригинальном тексте, или же от того, что он выбрал в языке перевода знак, не соответствующий понятию. Иначе говоря, в акте речевой коммуникации пере-

водчик может совершать ошибки и как получатель исходного сообщения, т.е. слушатель, читатель оригинального текста, и как отправитель переводного сообщения.

Причиной переводческих ошибок является, по мнению Н.К. Гарбовского, «недостаточная образованность переводчика» [2, с. 514]. Исследователь выделяет четыре типа переводческих ошибок, в основе которых лежит: 1) недостаточное владение языком оригинала; 2) недостаточный когнитивный опыт, т.е. недостаток знаний об описываемой в исходном тексте области окружающей действительности; 3) невнимательное отношение к системе смыслов, заключенной в тексте, т.е. непонимание того, что автор говорит о предмете; 4) неумение различать особенности индивидуального стиля автора исходного речевого произведения.

Анализ ошибок переводчика представляет собой особый раздел переводческой критики. Он не только позволяет убедиться в том, что невежество, безграмотность и бездарность несовместимы с переводческой деятельностью, но и в некоторых случаях способен вскрыть те или иные стороны закономерной переводческой интерференции. [2, с. 215]

В переводческой практике обычно наблюдается два основных типа переводческих ошибок: 1) ошибки, возникающие под влиянием родного языка, 2) ошибки, причины которых коренятся в структуре самого иностранного языка. В обоих случаях имеет место явление, которое было упомянуто ранее, а именно, интерференция. В первом случае можно говорить о межъязыковой интерференции, во втором случае мы имеем дело с внутриязыковой интерференцией. Однако, говоря о видах ошибок, стоит также выделять ошибки логического, лексического, стилистического характера, т.е. связывать вид ошибки с тем уровнем, к которому относится явление, при переводе которого ошибка допущена. Так, логический уровень является самым глубинным, соотносящимся со сферой человеческого мышления. Что касается синтаксического и лексического уровней, то они относятся к языковой системе, а стилистический компонент определяет характер выбора единиц различных языковых уровней. [2, с. 516] Вот пример стилистической неточности: «Результаты исследования могут быть использованы при чтении теорети-

ческих лекций и проведении практических занятий. — The results of the research can be used in delivering theoretical and practical lectures». Рекомендуемый вариант перевода второй части предложения — in delivering theoretical lectures and conducting practical classes.

Говоря о группах ошибок, следует исходить из того, что группы в отличие от видов более глобальны и должны отвечать представлениям об успешности перевода как в частях, так и в целом, т.е. соотноситься с концепцией эквивалентности и адекватности, а также с другими элементами общей и частной теории перевода. [1, с. 33]

Обратимся к классификации ошибок, представленной в работе Гарбовского Н.К. [2, с. 216]

1. Ошибки, обусловленные непониманием смыслов исходного текста

Ошибки на этапе расшифровки смыслов, заключенных в знаках исходного сообщения, могут затрагивать все аспекты текста как знаковой сущности: прагматический, семантический и синтаксический.

Неверная трактовка прагматического аспекта оригинального высказывания может возникнуть в случае, если переводчик сталкивается с так называемыми косвенными речевыми актами, т.е. высказываниями, внешняя форма которых скрывает истинные намерения автора вызвать у получателя речевого произведения ту или иную реакцию. Она возможна также при столкновении с разного рода аллегориями, «эзоповым языком» и другими формами образной речи. Фразеологические обороты, метафоры и другие тропы нередко выполняют определенную прагматическую функцию и также представляют трудности для понимания.

Семантические искажения представляют собой наиболее распространенный вид переводческих ошибок на герменевтическом этапе. Они могут касаться как понятий, простых и сложных, так и смыслов целых высказываний. При этом возможны искажения не только на сигнификативном, но и на денотативном уровне, когда переводчик неверно понимает, какой класс предметов соотносится с тем или иным понятием.

Синтаксические искажения обусловлены непониманием характера логических связей между элементами высказывания, его коммуникативного членения. Они могут возникнуть также, если переводчик не смог понять взаимной обусловленности отдельных элементов высказываний, особенно в тех случаях, когда они находятся не в непосредственной, а в дистантной связи, т.е. того, что каждый элемент представляет собой часть единого целого.

2. Ошибки понимания на уровне «знак — понятие»

Переводческие ошибки на семантическом уровне происходят в результате неверных трансформаций. Они основываются на ошибочном представлении переводчика о соответствии знаков исходного языка понятиям, т.е. знакам приписываются совсем не те понятия, которые они включают в себе на самом деле.

3. Ошибки понимания на уровне «знак — сложное понятие»

Исследователь обращается к анализу фрагмента из текста Булгакова «Мастер и Маргарита», предлагая рассмотреть, что и как нес Берлиоз: свою приличную шляпу пирожком нес в руке.

Здесь, шляпа пирожком — это сложное понятие, в содержании которого видовой признак родового понятия шляпа передан сравнением (как пирожок), в русском языке обозначено устойчивым словосочетанием. Смысл его в том, что шляпа напоминает пирожок, то есть она имеет сверху довольно глубокую продолговатую впадину. Но у переводчиков возникли сложности. Так. Английский переводчик вовсе опускает сравнение. В английском переводе возникает мягкая шляпа:...held his proper fedora in his hand.

4. Ошибки понимания на уровне «знак — суждение»

Ошибки в расшифровке смыслов исходного речевого произведения не ограничиваются непониманием только понятий, заключенных в отдельных словах или словосочетаниях. Они могут затрагивать смысл целых суждений и более сложных логических конструкций. Эти ошибки часто происходят от недостаточно внимательного отношения к синтаксической организации высказывания. Такие ошибки наиболее очевидны в философских рассуждениях автора оригинального текста.

5. Ошибки понимания предметной ситуации

Для определения того, насколько верно и полно ситуации, описанные в тексте оригинала, воспроизведены в тексте перевода, анализ совпадений и несовпадений в значениях отдельных лексических единиц оказывается недостаточным. Описываемые в тексте референтные ситуации представляют собой некую систему взаимодействующих в определенных условиях актантов, которую переводчику следует расшифровать. В этом случае словарь не всегда может оказаться верной палочкой-выручалочкой. Как полагаем Гарбовский, верная и полная расшифровка референтной ситуации, описанной в тексте оригинала, предполагает наличие у переводчика необходимого когнитивного опыта именно в той сфере жизни, срез которой предлагает автор оригинала в описываемой ситуации.

6. Переводческие ошибки на этапе перевыражения системы смыслов

На этапе перевыражения ошибки обусловлены прежде всего недостаточно мастерским владением языком перевода, неспособностью найти в языке перевода формы, эквивалентные соответствующим формам оригинала.

Рассмотрим пример. У Булгакова один из персонажей первой главы «Мастера и Маргариты» одет в черные тапочки: «Второй — плечистый, рыжеватый, вихрастый молодой человек в заломленной на затылок клетчатой кепке — был в ковбойке, жеваных белых брюках и в черных тапочках».

В переводе на чешский язык произошла замена тапочек на сандалии (*a černých sandálech*). В чешском языке есть слова, обозначающие понятия, близкие русскому слову тапочки. *Třepky* (домашние тапочки), *plátěnky svičky* (спортивные тапочки). Переводчик

же одел Бездомного в сандалии, т.е. летнюю легкую обувь, главным образом на кожаных ремешках, что изменяет картину типичной внешности молодого интеллигента простого происхождения в Советской России 20-х гг.

7. Стилистические ошибки

И наконец, исследователь обращается к не менее важной группе ошибок — стилистических. Всегда нужно быть предельно внимательным в отношении к оригинальному произведению, сохраняя уникальный стиль создателя. Следует помнить, что ошибки, связанные с передачей стиля и авторской оценки, зачастую не влияя на качество пофрагментного воспроизведения непосред-

венного денотативного содержания оригинала, выходят, тем не менее, на уровень целостного текста, искажая существенные прагматические (функционально — стилиевые, жанровые) параметры его восприятия.

В завершение хотелось бы отметить, что избежать ошибок при переводе практически невозможно, но вот свести их к минимуму — всегда пожалуйста. Для этого требуется не только талант и высокое мастерство переводчика, но и умение найти важнейшие нити, нити, которые пронизывают весь текст перевода. И если эти нити будут логично, ясно и красиво вплестаться в текст перевода, то, бесспорно — вы достигли успеха.

Литература:

1. Бузаджи Д.М., Гусев В.В., Ланчиков В.К., Псурцев Д.В. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок. — М., 2009
2. Гарбовский Н.К. Теория перевода. — М., 2004
3. М. А. Куниловская Понятие и виды переводческих ошибок. Сборник материалов семинара «Переводческая ошибка в теории и практике перевода». — Тюмень, 2008
4. Журнал переводчиков «Мосты». 2008. Т. 17, № 1. С. 20–30.

Определение границ возможного при переводе

Новоселова Юлианна Александровна, заместитель директора по воспитательной работе, ассистент Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы (г. Уфа)

Согласно интерпретативной теории, перевод — творческий процесс, а не поиск соответствий между двумя языками, это выражение понятного и девербализованного смысла оригинала. [3; 44]

Основная проблема для переводчика — понять и передать текст как дискурс со всеми его интертекстуальными и внеязыковыми связями, с учетом его конкретного культурного контекста. [4; 22] Как известно, автор создает текст в рамках нормативно-ценностной системы и культуры своей страны. [5; 46] Именно поэтому следует предположить, что грань, отделяющая переводной и оригинальный тексты проходит между сознанием переводчика и читателя, первый из которых призван создать «новый» текст, а второй — интерпретировать его содержание сквозь призму своего восприятия, сформированного в рамках иной культуры. Если процесс девербализации оригинала переводчиком предполагает глубинное понимание смысла, то процесс вторичной девербализации содержания, его адекватное восприятие иноязычным и инокультурным читателем текста, остаётся задачей самого читателя.

Автор текста-оригинала бессознательно предполагает у своего читателя наличие определенной суммы знаний, к которым он апеллирует. [2; 189] Любой текст, прежде всего художественный, является пресуппозицией, так как автор не без оснований надеется, что ему не нужно вер-

бализировать всё, что он хотел бы сказать. Сотрудничество со стороны читателя, в сознании которого текст актуализируется, изначально является частью порождающей стратегии автора. «Читатель как активное начало интерпретации — это часть самого процесса порождения текста» [6; 14].

Адекватный перевод (воссоздание единства содержания и формы подлинника средствами другого языка), при всей его безупречности и идеальной сочетаемости грамматических форм, нередко обнаруживает несостоятельность при восприятии текста читателем, принадлежащим к иной культурной общности и для которого этот перевод создается.

Полнота понимания текста перевода в большей степени зависит от знания читателем соответствующего культурно-исторического контекста. События новеллы Ги де Мопассана «Пьеро» разворачиваются в период 19 века, когда еще было заметно классовое расслоение населения по социальному статусу. Этот период и состояние, взаимоотношения в обществе анализируются в предисловии к сборнику новелл [7; 18]. Вся новелла будто представляет собой интерпретацию этого понятия художественными средствами, тем самым полнее выражая его основную идею. Приведем далее несколько отрывков, иллюстрирующих данный тезис. «*Mme Lefèvre était une dame de campagne, une veuve, une de ces demi-paysannes à*

rubans et à chapeaux à falbalas, de ces personnes qui parlent avec des cuirs, prennent en public des airs grandioses, et cachent une âme de brute prétentieuse sous des dehors comiques et chamarrés, comme elles dissimulent leurs grosses mains rouges sous des gants de soie écruе». [7; 20] — «Г-жа Лефевр, деревенская дама, вдова, была одной из тех полубарынь-полукрестьянок в лентах и шляпках с оборками, одною из тех особ, которые манерно коверкают слова, чванно держатся на людях и под смехотворными шутовскими манерами скрывают свою животную сущность, точь-в-точь так же, как прячут свои красные ручищи под перчатками из небеленого шелка». [3; 28]

«Elle avait pour servante une brave campagnarde toute simple, nommée Rose». [7; 21] — «У нее была прислуга, честная простая крестьянка по имени Роза». [3; 28]

«Les deux femmes, interdites, se regardaient; et Mme Lefevre prononça d'un ton aigre: «Je ne peux pourtant pas nourrir tous les chiens qu'on jettera la dedans. Il faut y renoncer». [7; 21] — «Женщины в замешательстве переглянулись, и г-жа Лефевр сказала с досадой:

— Не могу же я, однако, кормить всех собак, которых туда побросают! Придется от этого отказаться». [3; 28]

Далее мы остановимся на тех моментах новеллы, понимание которых требует совершенно конкретного знания культурно-бытовых реалий, т.е. предполагает определенный уровень энциклопедической компетенции адресата.

«Les deux femmes habitaient une petite maison à volets verts, le long d'une route, en Normandie, au centre du pays de Caux». [7; 24] — «Женщины жили в домике с зелеными ставнями у самой дороги, в Нормандии, в центре области Ко». [3; 27] Отметим также, что название провинции переведено при помощи транслитерации, звучит оно так, как мы привыкли называть её в России — Нормандия, что же касается переводческого приема относительно названия области, то здесь переводчик использует транскрипцию, удачно передавая не только неискаженную форму звучания данного имени собственного, но и демонстрируя нам знание норм французской орфоэпии эпохи создания новеллы.

«Que feraient-elles d'un gros chien! Il les ruinerait en nourriture. Mais un petit chien (en Normandie, on prononce quin), un petit freluquet de quin qui jappe». [7; 22] — «На что им большая собака! Разоришься на один прокорм. Нет, им нужна маленькая, брехливая собачка, которая бы только тявкала». [3; 26] В данном случае переводчик опускает пояснение в скобках, так как не счита-

ет нужным передавать читателю информацию об особенностях произношения слова «собака» (chien,m) — прим. авт. в Нормандии 19 века. Как мы видим, это не нарушает смысла повествования и не становится причиной появления лакун в декодированном тексте.

В следующем примере автор отсылает читателя к известному всем обычаю, который был связан с подаванием милостыни и выражал способность жителя Франции того времени сострадать чужим бедам, помогать обездоленным и больным людям во имя веры в силы Всевышнего.

«...car elle était de cette race parcimonieuse de dames campagnardes qui portent toujours des centimes dans leur poche pour faire l'aumône ostensiblement aux pauvres des chemins, et donner aux quêtes du dimanche». [7; 28] — «...ведь она была из той породы скопидомных деревенских дам, которые всегда носят в кармане несколько сантимов, для того чтобы лицемерно подавать милостыню нищим на дорогах и класть по воскресеньям в церковную кружку». [3; 22]

В заключении отметим, мысль, что переводчик может взять на себя смелость вообще не передавать то, что точно не будет воспринято дабы не нарушать границ возможного при переводе, считается нами весьма спорной [1; 185], потому что подобное отношение к процессу перевода вообще может повлечь за собой возникновение неверной, а порой комичной визуальной картины в сознании читателя.

*«Dès que Rose s'aperçut du larcin, elle courut prévenir Madame, qui descendit en jupe de laine». [7; 28] — «Как только Роза заметила покражу, она тотчас же побежала сообщить об этом хозяйке, и та спустилась в сад в одной шерстяной юбке». [3; 23] При прочтении данной переводной фразы нам представляется зажиточная крестьянка, одежда которой состоит только из одной шерстяной юбки. В подобных случаях переводчику стоит прибегать к внетекстовым комментариям (в публицистических текстах возможны и внутритекстовые), чтобы, по выражению И.С. Алексеевой, расширить горизонты восприятия реципиента [1; 183]. Но самым лучшим переводческим решением стал бы процесс поиска соответствующего эквивалента, наиболее полно описывающего событие или личность. Так, мы бы рекомендовали подобрать для *en jupe de laine* такие варианты, в которых отсутствует количественное числительное «один/одна», ограничивающее рамки адекватного восприятия переводного текста реципиентом: *в шерстяной юбке; в ночном одеянии, из под которого была видна шерстяная юбка, той холодной ночью она надела ещё и шерстяную юбку, в теплой юбке под ночной рубашкой.**

Литература:

1. Алексеева И.С. — Введение в переводоведение, — М.:Академия — 2012. — 355 с.
2. Бодрова-Гоженмос Т.И. — Интерпретативная теория перевода: основные положения, понятия и дефиниции [Текст]/Т. И. Бодрова-Гоженмос//Социокультурные проблемы перевода. Вып.7, часть 1. Воронежский государственный университет, 2006. — с. 42—51.

3. Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 2. МП «Аурика», 2010
4. Комиссаров В.Н. — Современное переводоведение. — М., ЭТС, 2004. — 187 с.
5. Попова О.И. — Западный опыт обучения устному переводу в системе отечественного образования [Текст]/О. И. Попова // Социокультурные проблемы перевода. Вып.8. Воронежский государственный университет, 2008. — с. 465–471.
6. Эко Умберто. — Роль читателя. Исследования по семиотике текста [Текст]/Умберто Эко — М.: РГГУ, 2007. — 495 с.
7. MAUPASSANT, Guy de: Pierrot, — SAISIE DU TEXTE: Bibliothèque municipale — В.Р. 216–14107.

Дополнительные средства коммуникативной организации текста при переводе с русского язык на английский (на примере романа И.С. Тургенева «Отцы и дети»)

Тригуб Людмила Георгиевна, кандидат филологических наук, доцент
Николаевский национальный университет им. В.А. Сухомлинского (Украина)

Основными средствами коммуникативной организации предложения являются порядок слов и интонация. Помимо основных средств отмечают и дополнительные.

Дополнительным средством коммуникативной организации являются частицы. Так, частица «то» служит для выделения темы. Эта частица типична для разговорного стиля. Её особенностью является постпозитивное расположение. Употребление этой частицы может быть проиллюстрировано на таком примере:

Флигелёк-то плох... [1, с. 155].

... that small wing of the house is so bad [3, с. 14].

... the little outbuilding is such a poor place... [2, с. 27].

Тема «флигелёк» маркирована частицей «то» в русском предложении.

В переводе Гилберта Гарни для выделения темы «small wing of the house» использовано указательное местоимение «that» (тот). Это местоимение предполагает, что говорящему известен предмет, о котором идёт речь.

Переводчик Бернард Айзекс использует артикль «the» для того, чтобы выделить тему предложения. Определённый артикль «the» произошёл от указательного местоимения «that» (тот). Такой артикль указывает на индивидуально-определённое лицо или предмет, то есть на лицо или предмет, выделенный из всех лиц или предметов данного класса. Он имеет, таким образом, индивидуализирующее значение. Так, употреблённый со словом «the little outbuilding» (флигелёк), артикль «the» вызывает представление о совершенно определённом флигеле, который известен собеседнику или упоминался ранее.

Частица «то» занимает особое место среди частиц, так как всегда находится в постпозиции по отношению к тому знаменательному слову, к которому она присоединяется.

Для выделения темы может быть использована частица «а». Она находится в препозиции по отношению к выделяемому ею носителю темы.

А отец у тебя славный малый [1, с. 161].

Your father, though, is a splendid fellow [3, с. 122].

But your father's a fine chap [2, с. 33].

В предложении русского текста носителем темы является группа подлежащего — «а отец у тебя». Частица «а» располагается перед словом «отец» и этим выделяет данное слово.

Переводчик Гилберт Гарни предлагает вариант перевода русской частицы «а» английским вводным словом «though» (тем не менее), поместив его после темы «your father» (твой отец). Таким образом, тема в американском переводе выделена постпозитивным по отношению к ней вводным словом.

Вариант перевода Бернарда Айзекса сохраняет позицию частицы, выделяющей тему: «but» (а) располагается перед темой «your father» (твой отец).

Интересной особенностью обоих предложений перевода является перевод группы подлежащего «отец у тебя» словосочетанием «твой отец». Возможен дословный перевод русского словосочетания, но такой вариант (father of yours) характерен для официально-делового стиля. Следовательно, оба переводчика единодушны в стремлении сохранить разговорный стиль текста, так как они находят свойственный этому стилю вариант перевода.

Рема также может быть отмечена частицами. Например, частицей «только», которая выполняет функцию выделения.

Прикажете только чемоданишко мой туда стащить да вот эту одёженку [1, с. 159].

But you might give orders to have them lug my wretched travelling bag there — and this bit of a garment [3, с. 19].

Just tell them to bring up that old suitcase of mine and these togs here [2, с. 30].

В рассматриваемом русском примере рема «чемоданишко» определена выделительной частицей «только» и инверсией. Инверсия подвергается группа сказуемого: цель приказа (стащить) располагается после объекта (чемоданишко), в отношении которого должно быть выполнено требуемое действие. Рема «чемоданишко» выделена также инверсией словосочетания «мой чемоданишко» (в оригинале — «чемоданишко мой»).

В литературе по коммуникативной организации предложения отмечается, что частица «только» предшествует выделяемому ей носителю ремы. Этим руководствовались и мы при рассмотрении данного примера. Но анализируемое высказывание обнаруживает инверсию составляющих его компонентов. Следовательно, перестановке могли подвергнуться частица «только» и выделяемое слово «прикажите». Этой точки зрения придерживаются переводчики.

В переводе Бернарда Айзекса частица «только» передана словом «but» (только, лишь), находящимся в позиции по отношению к предикативной группе. Инверсия русского предложения не отражена в переводе, так как фиксированный порядок слов английского языка не допускает дословной передачи инверсии русского языка.

Бернард Айзекс находит адекватный вариант перевода этого предложения. Так как ремой, по мнению этого переводчика, является сказуемое «прикажите», то оно и выделяется с помощью наречия «just» (просто). Такой способ выделения ремы широко распространён в английском языке: слова с выделительно-ограничительным значением (only, merely, just, namely) являются лексическими показателями ремы.

Расставить акценты, определив тему и рему, в русском языке призваны специальные синтаксические конструкции, выражающие актуальное членение предложения. Приведём пример такой конструкции. Это предложения, построенные по схеме «что касается + родительный падеж существительного + to + компоненты любой структурной схемы с возможными распространителями». В этих предложениях первая часть, внешне похожая на придаточную, не является предикативной единицей и не имеет обязательно присущего всякой предикативной единице морально-временного плана. Словоформа «касается» в составе устойчивого словосочетания «что касается» не имеет глагольных свойств (ср. невозможность изменения этой формы во времени). Всё сочетание «что касается... то» в современном языке представляет собой особое служебное слово, выполняющее выделительную функцию. Наряду с ним употребляется сочетание «что до... то». В языке И.С. Тургенева встречаем такой вариант этой конструкции: «что касается до... то». Из этого следует, что форма родительного падежа зачастую употреблялась с предлогом «до»: так, в романе «Отцы и дети» встречаем оборот «что касается до времени».

Можно предположить, что конструкция «что касается до... то», позднее преобразовалась в две равнозначные конструкции «что касается... то» и «что до... то».

В исследуемом романе находим такой случай употребления этой конструкции:

Что касается до меня, я немцев, грешный человек, не жалую [1, с. 169].

As far as I am concerned, I don't favour the Nemtzi, sinner that I am [3, с. 34].

For my part, I must plead guilty to disliking the Germans [2, с. 41].

Анализируемая конструкция предназначена для выделения темы. Темой русского предложения становится слово «меня», то есть этой конструкцией подчёркивается, что важно восприятие говорящего, его реакция на события. Тема выделена также повтором: она ещё раз названа вне конструкции как подлежащее (я).

В английском языке есть сходная конструкция «as far as... (to be) concerned». Её использует в своём переводе Гилберт Гарни. Этой конструкцией выделяется местоимение «I» (я), которое, как и в русском предложении, повторено как подлежащее. Таким образом, данный перевод может быть признан адекватным.

Бернард Айзекс использует вводное предложение «for my part» (со своей стороны). Это перевод по принципу смысловой доминанты: вводное предложение передаёт только значение русской конструкции «что касается до... то», при этом сама конструкция не сохраняется, и ей не найдено соответствие в языке перевода.

Рассмотрим высказывание, взятое из диалога Аркадия Кирсанова со своим отцом (реплика принадлежит Аркадию):

... во всяком случае, сын отцу не судья, и в особенности я, и в особенности такому отцу, который, как ты, никогда и ни в чём не стеснял моей свободы [1, с. 164].

At any rate, a son cannot sit in judgement on his father especially such a son as I, and especially such a father as yourself, who has never in any respect interfered with my freedom [3, с. 26].

... in any case a son can't be his father judge, and particularly a father like you who has never restricted my liberty in any way [2, с. 36].

В приведенном сложном предложении используются разные средства для выражения актуального членения. Прежде всего, проанализируем первое простое предложение. Оно располагается вслед за вводным словосочетанием «во всяком случае». Это предложение — «сын отцу не судья». Тема «сын» располагается перед ремой «отцу не судья». Основным средством коммуникативной организации этого предложения является порядок слов, то есть рема выражена позиционно (фразоконечное положение).

За этим предложением идёт оборот «и в особенности я». Этот оборот конкретизирует предшествующее высказывание, уточняя его тему, причём здесь тема предшествующей фразы уже становится ремой. Лексическим показателем ремы является форма «в особенности», обеспечивающая выделение ремы. Такой оборот характеризуется эмоциональностью. В устной речи он будет отмечен экспрессивной интонацией.

В обороте «и в особенности такому отцу, как ты», кроме лексического выделителя (в особенности), рема (отцу) отмечена ещё и специальной конструкцией «такому... как».

Последнее предложение членится на тему «который» (подлежащее) и рему «никогда ни в чём не стеснял моей свободы» (группа сказуемого). Здесь средством выражения актуального членения является порядок слов.

Вариант перевода Гилберта Гарни сохраняет порядок следования всех частей сложного предложения и полноту их передачи. Но при всей своей полноте, перевод имеет свои особенности. Так, сказуемое первого простого предложения (нё судья) передано идиоматическим выражением «sit in judgement» (осуждать). Оба оборота, конкретизирующие смысл предшествующего предложения, представляют собой фразы, построенные по одной схеме: рема в них выделена лексически (наречием «especially») и с помощью конструкции «such a ... as».

Перевод Бернарда Айзекса имеет целью сохранить прежде всего смысл высказывания. Вероятно, предложение «сын отцу не судья» не может быть переведено с сохранением структуры фразы и частиречной принадлежности, так как в переводе сохранён только смысл и установлен английский порядок слов. Конструкция, в которой рема выделена лексически (и в особенности я), передана без изменений (and particularly I), лексическим показателем ремы является наречие «particularly» (в особенности). В следующем обороте сохранено употребление этого же наречия, но конструкция «такому... как» заменена сравнительным оборотом. В последнем предложении, в соответствии с законами английского словорасположения детерминант «in any way» расположен после предикативной группы.

Как видим, предложение располагает различными средствами коммуникативной организации предложения: порядком слов, интонацией, частицами, ремовыделительными конструкциями. Это предложение можно назвать итоговым: оно не только позволяет обобщить основные и дополнительные средства выражения актуального членения, но и является итогом спора между главными героями романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» — отцом и сыном: сын отцу не судья. Эта фраза принадлежит сыну и примиряет оба поколения.

Экспрессивные варианты словорасположения — один из показателей актуального членения. В экспрессивных вариантах словорасположения смысл высказывания, его актуальное членение не изменяется. Изменяется лишь интонационная структура фразы, приобретающая экспрессивный характер. Это изменение может затрагивать интонационную структуру фразы в целом или касаться отдельных речевых тактов.

Речевые такты — это ритмические отрезки, на которые распадается речь. Цельность речевого такта как ритмической единицы создаётся особым ударением в речевом такте. Из двух или нескольких слов, входящих в речевой такт, одно слово несёт на себе более сильное ударение по сравнению с другими словами. Иначе говоря, одно из слов предложения отмечается фразовым ударением.

Фразовое ударение в стилистически нейтральном высказывании падает на последнее слово, интонационная оформленность такой фразы характеризуется понижением тона в конце.

В экспрессивных вариантах фразовое ударение перемещается с конца фразы в её начало или середину. Есть

случаи перемещения ударения в речевом такте с конца речевого такта в его начало.

В письменной речи для того, чтобы выделить тот член высказывания, который отмечен фразовым ударением, используется инверсия.

Инверсия — это изменение порядка слов, которое состоит в перестановке синтаксических компонентов.

Таким образом, в стилистически нейтральном варианте высказывания компоненты подвергаются перестановкам различного характера, что влечёт за собой превращение высказывания в экспрессивно окрашенное.

Перестановки компонентов высказывания могут быть различного вида, но меняться местами всегда будут два связанных друг с другом компонента: тема и рема; детерминант и предикативная группа; подлежащее и сказуемое; два компонента словосочетания.

Возможны сложные (двукратные, трёхкратные и т.д.) перестановки, которые сводятся к перестановкам перечисленных выше пар.

Есть особенность, связанная с отношением инверсии к интонации: инверсия может изменять интонационный рисунок всей фразы, а может привести к изменению ударения лишь в отдельном речевом такте. Это зависит от того, какие компоненты меняются местами.

Если инверсии подвергаются тема и рема или синтаксические группы (группа детерминанта и предикативная группа; группа подлежащего и группа сказуемого), то изменяется акцентная структура всей фразы: фразовое ударение оказывается в начале или середине фразы, а не в конце.

Если инверсии подвергаются только компоненты словосочетаний, то изменяется акцентная структура отдельных речевых тактов: ударение выделяет слово, находящееся в начале речевого такта. Так, Аркадий Кирсанов даёт такую характеристику своему дяде:

Ведь он красавцем был... [1, с. 161].

Why, he was an Adonis... [3, с. 22].

He was awfully handsome... [2, с. 32].

Членение на тему и рему классическое: группа подлежащего (ведь он) служит темой, сказуемое (красавцем был) является ремой.

Инверсия наблюдается в самом сказуемом: именная часть его (красавцем) находится перед связкой (был). В результате инверсии экспрессивно выделяется именная часть сказуемого.

Переводчики находят разные способы выделения ремы. В переводе Гилберта Гарни порядок следования членов высказывания (тема — рема) сохранён, но инверсия составного именного сказуемого отсутствует, так как такая инверсия невозможна в английском языке.

В переводе Бернарда Айзекса также не сохранена перестановка компонентов составного сказуемого.

Часто встречаются примеры с инверсией компонентов группы сказуемого:

Стихи он читает напрасно и в хозяйстве вряд ли смыслит, но он добряк [1, с. 161].

Reading poetry won't do him any good, it's a hard likely that he understands farming, but he is good-natured man [3, с. 22].

He could do better than read poetry though, and I don't think he knows much about farming, but he's a good old soul [2, с. 33].

Для того, чтобы выявить инверсию в рассматриваемом высказывании, следует представить себе его исходный вариант: Он напрасно читает стихи; (Он) вряд ли смыслит в хозяйстве.

После того, как установлен исходный член парадигмы, возможно проследить характер перестановок. Прежде всего, обнаруживаются перестановки в группе сказуемого. Слово «стихи» выносится на первый план. Кроме того, названное слово располагается в препозиции по отношению ко всей фразе. Таким образом, оно выделено позиционно на письме и интонационно в устной речи.

Речевой такт «и в хозяйстве вряд ли смыслит» также отмечен экспрессивным вариантом словорасположения. Эта группа сказуемого «смыслит» подверглась инверсии за счёт вынесения в препозицию предложно-падежной словоформы «в хозяйстве».

Важно отметить, что препозиция акцентируемого члена словосочетания является характерной для разговорной речи. При таком словорасположении высказывание будет характеризоваться нисходящим расположением акцентов. Очевидно, что предложение с таким словорасположением и интонационным рисунком характеризуется эмоциональностью.

И тот, и другой переводчик смогли передать лишь смысл предложения.

Отметим различия двух вариантов перевода.

Так, переводчик Гилберт Гарни сохраняет препозицию акцентируемого слова «стихи», но в его варианте это подлежащее. Второй случай инверсии («в хозяйстве вряд ли смыслит») не нашел отражения в этом варианте перевода. В английском предложении переводимая русская группа сказуемого членится на два простых предложения (1 — «it's a hard likely»; 2 — «that he understands farming»), акцентируемая в русском языке словоформа «в хозяйстве» в английском занимает фразоконечное положение.

В переводе Бернарда Айзекса передан смысл высказывания и установлен присущий английскому языку порядок слов. Кроме того, введены типично английские обороты «could do better, than» (мог бы сделать нечто лучшее, чем). Структура с однородными сказуемыми заменена сложным предложением, каждое из сказуемых при этом организует простое предложение. Выделенное в русском предложении слово «стихи» подчёркивается в английском переводном предложении конструкцией «could do better than» (мог бы сделать нечто лучшее, чем). Второе же акцентируемое русским высказыванием слово никак не отмечено английским.

Инверсии могут подвергаться компоненты высказывания, такие, как детерминант и предикативная группа. В тексте тургеневского романа находим едко-ироничное замечание героя:

Пленять-то здесь, жаль, некого [1, с. 161].

There's nobody to captivate here, though — the more's pity [3, с. 22].

There's nobody to charm down here though, more's the pity. [2, с. 33].

В исходном члене парадигмы высказывание строится по схеме: детерминант — группа сказуемого (здесь — некого пленять). При таком расположении рема будет выражена сказуемым «пленять». Основным средством выражения ремы будет порядок слов.

Перестановка детерминанта «здесь» и сказуемого «пленять» обеспечивает не только позиционную выраженность ремы, но и интонационную. Таким акцентным средством выделения ремы является частица «-то». Употребление этой частицы автоматически выделяет рему.

Таким образом, в русском предложении рема выделена с помощью инверсии и акцентного средства.

При переводе на английский язык используются другие средства коммуникативной организации, свойственные языку перевода. Это специальная конструкция «инверсия с вводным «there»».

Характерно, что оба переводчика используют эту конструкцию. Назначение этой конструкции — выделить подлежащее, которое является носителем ремы. В русском предложении подлежащее отсутствует вообще, так как анализируемое высказывание представляет собой односоставное глагольное предложение. Подлежащим в обоих предложениях английского перевода становится слово «nobody» (никто). Это, взятое из русского перевода слово «некого», — зависимый от сказуемого компонент, занимающий фразоконечное положение в русском предложении, а именно рема всегда занимает позицию в конце фразы. Именно поэтому выделению специальной конструкцией удостоивается именно это слово. В русском предложении слово «некого» также отмечено фразовым ударением, но более слабым по сравнению с ударением на слове «пленять-то», которое отмечено инверсией и акцентным средством.

Выявлены примеры сочетания инверсии с ремовыделительной конструкцией:

Он скорее сожаления достоин, чем насмешки [1, с. 170].

He's far more worthy of compassion than ridicule [3, с. 37].

He deserves sympathy rather than sneers [2, с. 43].

Инверсия представлена изменением порядка следования слов «достоин» и «сожаления» (исходный вариант: достоин сожаления). Слово «достоин» занимает позицию в конце фразы, но, тем не менее, фразовое ударение падает на то слово, которое отмечено инверсией. Это слово «сожаления». Именно оно является ремой. В данном высказывании присутствует ещё один способ выделения ремы — специальная конструкция. Такая конструкция «скорее... чем» имеет целью противопоставить два понятия (сожаление, насмешка). Перевод подлежащего в обоих вариантах адекватен, так как ему найден эквива-

лент «he» (он) и сохранена позиция (фразоначалное положение) подлежащего.

Сказуемое передано по-разному. Так, американский переводчик Гилберт Гарни пытается перевести фразу дословно, сохранив также и стиль переводимого предложения. Указанием на то, что это не официальный деловой, а именно разговорный стиль, является оформление составного именного сказуемого: связка «I5» представлена сокращённым вариантом (подлежащее «he» и связка «is» даны как «he's»). Следующее после подлежащего слово «скорее» сохраняет своё положение и в переводе Гилберта Гарни.

Переводчик находит этому слову английское соответствие «far more» (намного более).

Сравниваемые в русском тексте понятия «сожаление» и «насмешка» (которые составляют смысловой центр предложения) переведены в варианте Гилберта Гарни дословно с сохранением их позиции. Этого не наблюдается в переводе Бернарда Айзекса: хотя он и сохраняет позицию

смыслового центра предложения, одно из понятий переводчик подменяет антонимичным ему (слово «сожаление» заменено понятием «симпатия»).

Перевод Гилберта Гарни более точен: сохранён порядок слов, адекватно передана их семантика.

Вариант перевода Бернарда Айзекса построен по принципу смысловой доминанты: русское выражение «он сожаления достоин» трансформировано в фразу «он достоин симпатии».

Таким образом, выполненный анализ позволяет сделать вывод о том, что коммуникативная организация высказываний, в которых используются дополнительные и экспрессивные средства, имеет целый ряд отличий в русском и английском языках. Однако оба перевода романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» на английский язык — американца Гилберта Гарни и англичанина Бернарда Айзекса — адекватны оригиналу, сделаны качественно, полно, точно.

Литература:

1. Тургенев И.С. Накануне. Отцы и дети. — М.: Худож. литература, 1978. — 335 с.
2. Turgenev Ivan. Fathers and sons. A nest of the gentry. — Moscow: Progress publishers, 1974. — 390 p. Bernard Isaacs.
3. Turgenev Ivan. Fathers and sons. — New York: The Modern Library, 1961. — 282 p. Guilbert Guerny.

Особенности перевода в аспекте этнолингвистики

Шимко Елена Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент
Мичуринский государственный аграрный университет

Язык не существует вне культуры, поэтому если рассматривать язык с точки зрения его структуры, функционирования и способов овладения им, мы можем говорить о том, что социокультурный слой оказывается частью языка или фоном его реальнобытия.

При этнолингвистическом подходе к переводу важно учитывать особенности межкультурной коммуникации. Г.Д. Томахин считает, что «перевод в аспекте межкультурной коммуникации — это и контактирование двух систем со своими национально-культурными особенностями, и контакт представителей лингвокультурных общностей, каждый со своим мировоззрением и определенным фондом культурного наледия, морально-этическими нормами, речевым этикетом» [8, с. 123]. Ю.А. Сорокин также подчеркивает, что перевод «является одной из форм взаимодействия культур... и дает известное представление о некоторой чужой культуре» [6, с. 15].

Г.Д. Томахин говорит о том, что «вопрос о фоновых знаниях в переводе исходного текста является решающим при восприятии переводчиком скрытой внеязыковой информации. На различиях в объеме и содержании

фоновых знаний участников межкультурной коммуникации и принятых в этих обществах норм речевого этикета строится прагматическая сторона высказывания» [8, с. 123].

В свою очередь Л.К. Латышев определяет перевод как «центральное звено двуязычной опосредованной коммуникации» [3, с. 20—21]. Он также отмечает, что своим общественным предназначением перевод ориентирован на обычную, одноязычную коммуникацию. Вслед за Л.К. Латышевым схему перевода можно представить следующим образом:

О-----ИТ-----П-----ПТ-----А,

Где **О** — отправитель (участник коммуникации, создающий исходный текст и адресующий его другому участнику коммуникации); **ИТ** — исходный текст (текст оригинала); **П** — переводчик и сам процесс перевода (происходящий в голове переводчика); **ПТ** — переводной текст (текст перевода); **А** — адресат (участник коммуникации, которому адресован текст перевода). Так как при любом виде коммуникации есть общий элемент, а именно

адресат, то можно заметить, что двуязычная коммуникация с переводом стремится по своей эффективности приблизиться к одноязычной, а главный результат любой речевой коммуникации — это реакция адресата. Кроме того, в обоих случаях коммуникации адресаты, воспринимая оригинальный текст или переводной, выражают свою реакцию на них. Важно подчеркнуть, что определенная реакция адресата является тем результатом, к которому стремится отправитель в процессе речевой коммуникации. Будет ли достигнут этот результат, зависит от того, насколько правильно отправитель оценил адресата и насколько адекватные средства избрал. Л.К. Латышев считает, что даже одноязычный текст вызывает у разных людей разную реакцию в силу различий их личностных данных: в образовании, культуре, мировоззрении, менталитете и т.д. Поскольку коммуникативная компетенция адресата — это совокупность умений, навыков, знаний, определяющих его способность адекватно воспринимать и интерпретировать текст, то коммуникативные компетенции адресатов, воспринимающих оригинал, и адресатов, воспринимающих перевод, должны быть во многом равноценны. Существенно они могут различаться только в лингвоэтнической части, то есть в том, что касается языка, культуры. Именно переводчик помогает преодолеть эти различия. Поэтому в переводческой деятельности большую роль играет лингвокультурологический аспект. По мнению Л.К. Латышева, «перевод является минимально опосредованной трансляцией сообщения, в процессе которой переводчик осуществляет преобразования исключительно лингвоэтнического характера» [3, с. 76–78].

В качестве иллюстрации подобного подхода к переводу хотелось бы осветить такие вопросы, как степень эквивалентной соотнесенности значений на примере сопоставления немецких и русских номинаций, выражающих семейные отношения. Представляется целесообразным рассмотреть проблему переводимости и использования эквивалентности при передаче содержательной части концепта «семейные отношения» с немецкого языка на русский язык на материале художественных текстов 20 века. Обращение к прозаическим произведениям 20 века было вызвано неслучайно. Это объясняется прежде всего тем, что для прозаических произведений данного периода характерна общая стилистическая направленность, поскольку изучение художественного произведения, его языка, содержания должно опираться на глубокое понимание общественной жизни соответствующего периода развития народа, на разностороннее знание культуры, литературы, искусства этой эпохи, на ясное представление о состоянии общенародного разговорного и литературного языка и его стилей в то время, на глубокое проникновение в творческий метод автора и своеобразие его индивидуального словесно-художественного мастерства [2, с. 171]. На наш взгляд, номинативные единицы языка — слова, словосочетания, фразеологизмы должны быть раскрыты во всех

присущих им фоновых и коннотативных значениях как языковые обозначения того или иного культурно-исторического содержания.

Проанализируем лексику «der Vetter». При переводе на русский язык в художественных текстах 20 века она может быть выражена как:

der Vetter —————→ **двоюродный брат**

Papa schüttelt immer den Kopf, wenn er von ihm spricht, und Grossvater Kröger hat ein paarmal, glaube ich, mit grossen Summen aushelfen müssen... Und mit den **Vettern** ist auch nicht alles in Ordnung... [11, с. 111].

(Папа всегда качает головой, когда он говорит о нем, а дедушка Крегер несколько раз, я думаю, выручал его из беды большими суммами... И у двоюродных братьев также не все в порядке).

Папа всегда качает головой, когда говорит о нем, а дедушке Крегеру пришлось два раза выручать его довольно крупными суммами... С нашими **кузенами** тоже не все обстоит как должно [4, с. 79].

Рассмотрим данные лексики с семантической точки зрения. Для немецкой лексики «der Vetter» в современном языке характерны следующие значения: 1) кузен; 2) дальний родственник [10, с. 1846]. При переводе на русский язык она имеет словарные эквиваленты: 1) двоюродный брат, кузен; 2) диалектное: родственник; 3) ласковое обращение: брат, братец [1, с. 540].

В русском языке лексема «двоюродный брат» имеет значение: состоящий в родстве по деду: сын дяди или тетки [5, с. 149].

В немецком языке существует для номинации двоюродного брата лексема «der Cousin», которая переводится на русский язык как кузен.

«der Cousin» —————→ **кузен**

Ihre **Cousins**, die beiden **Söhne** des Staatsanwaltes Doktor Moritz Hagenström andererseits, von zarterer Konstitution und sanfteren Sitten, zeichneten sich auf geistigem Gebiete aus und waren Musterschüler, ehrgeizig, devot, still und bienenfleissig, bebend aufmerksam und beinahe verzehrt von der Begier, stets Primus zu sein und das Zeugnis Numero Eins zu erhalten [11, с. 592].

(Их кузены — сыновья прокурора доктора Морица Хагенштрема, с другой стороны, хрупкого телосложения и мягкого нрава, отличались умственным развитием и были примерными учениками, честолюбивыми, исполнительными, тихими и прилежными, как пчелы; с дрожанием желанием поглощать все, всегда были первыми и первыми получили аттестат).

Кузены этих мальчиков — **сыновья** прокурора Морица Хагенштрема — менее крепкого сложения и более мягкого нрава, но отличаются на другом поприще: они первые ученики в школе, честолюбивые, исполнительные, тихие а усердные, как пчелы; снедаемые желанием всегда быть первыми и получать лучшие отметки в классе, они с трепетом внимают каждому слову учителя [4, с. 408].

Таблица 1

Переводные русские варианты немецких лексем «der Vetter», «der Cousin»	В процентах от общего числа примеров
1) двоюродный брат	50 %
2) кузен	50 %

Отметим, что лексема «der Cousin» в современном немецком языке служит для обозначения двоюродного брата [10, с. 65] и выражается при переводе на русский язык следующими словарными эквивалентами: двоюродный брат, кузен [1, с. 313].

В русском языке лексема «кузен» служит для обозначения номинации двоюродный брат [9, с. 391].

Следует отметить, что немецкие лексемы «der Vetter» и «der Cousin» — синонимы.

Следовательно, можно предположить, что немецкие лексемы «der Vetter», «der Cousin» и русские лексемы «двоюродный брат», «кузен» являются словарными эквивалентами.

Выполним количественный анализ. Полученные результаты представим в таблице 1.

Таким образом, при переводах лексем «der Vetter», «der Cousin» в художественных текстах возможно равнозначное употребление переводных вариантов «двоюродный брат (50 %) и «кузен» (50 %).

В заключении можно отметить, что знание особенностей культуры иностранного языка и переводного, как и по-

нимание переводимого текста во всем богатстве его национально-культурной семантики, является необходимым условием перевода как акта межкультурной коммуникации. Кроме того, обучение основным переводческим приемам наряду с анализом экстралингвистических и собственно лингвистических аспектов текста перевода оригинала являются важными задачами при подготовке переводчиков.

Г.Д. Томахин считает, что «перевод как вид межкультурной коммуникации может быть построен на принципах сопоставительного лингвострановедения, учитывающего сходства и различия культур, выраженных в иностранном языке и переводном языке» [8, с. 134]. Именно поэтому мы согласны с мнением С.Г. Тер-Минасовой, что сейчас появилась необходимость самого пристального изучения межъязыковых соответствий, а также актуальность этой проблемы для оптимизации межкультурного общения, для совершенствования методов преподавания иностранных языков, для практики и теории перевода и лесикографии [7, с. 165].

Литература:

1. Большой немецко-русский словарь: В 2 т. / Сост. е.И. Лепинг, Н.П. Страхова и др.; под рук. О.И. Москальской. — 2-е изд. — М.: Рус. яз., 1980. — 1416 с.
2. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. — М., 1959. — 391 с.
3. Латышев Л.К. Технология перевода. — М.: НВИ-Тезаурус, 2001. — 563 с.
4. Манн Т. Будденброки: История гибели одного семейства. Пер. с нем. — М.: «Международные отношения», 1982. — 504 с.
5. Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57000 слов/ Под ред. чл.-корр. АН СССР Н.Ю. Шведовой. — 20-е изд., стереотип. — М.: Рус. яз., 1964. — 750 с.
6. Сорокин Ю.А. Проблема перевода с психолингвистической точки зрения// Тетради переводчика. — Вып. 21. — М.: Высшая школа, 1984. — С. 45—51.
7. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. — М., 2000. — 437 с.
8. Томахин Г.Д. Перевод как межкультурная коммуникация// Перевод и коммуникация. — М.: ИЯ. РАН, 1997. — С. 129—137.
9. Ушаков Д.И. Большой толковый словарь современного русского языка. — М.: Альта-Принт, 2005. — 1239 с.
10. Duden C. Deutsches Universalwörterbuch. — Mannheim, Leipzig, Wien, 2007. — 1349s.
11. Mann T. Buddenbrocken Verlag für Fremdsprachige Literatur. — Moskau, 1950. — 760s.

Научное издание

СОВРЕМЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ (II)

Международная заочная научная конференция
Уфа, январь 2013 г.

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *П.Я. Бурьянов*

Подписано в печать 24.01.2013. Формат 60x90 ¹/₈.
Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 15,75. Уч.-изд. л. 10,1. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Лайм»
450059, г. Уфа, ул. Новосибирская, д. 2